

В МИРЕ ПРОДАНО
более 1 000 000 книг автора!

САРА ДЖИО

Тихие слова любви



Annotation

Хозяйка цветочного магазина Джейн Уильямс получает в день рождения письмо, где говорится, что она владеет уникальным даром – видеть любовь. Сначала Джейн принимает это за розыгрыш своего брата Флинна, который таким образом пытается устроить ее личную жизнь. Однако череда удивительных событий заставляет Джейн поверить, что странное послание – не шутка. И теперь она должна выполнить нелегкое задание: распознать шесть типов любви и описать каждый из них для потомков. Если Джейн не сделает это до следующего дня рождения – она никогда не сможет любить. Но вот беда – как ей почувствовать любовь в чужих сердцах, если она сама ее еще не испытывала? И, похоже, с каждым днем шансов у Джейн все меньше...

- [Сара Джо](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Сара Джо

Тихие слова любви

Посвящается моим дорогим друзьям, которые были со мной в самые мрачные часы моей жизни и никогда не отпускали мою руку, особенно это относится к Венди Парриере, Натали Квик и Клэр Бидвелл Смит. Это настоящая любовь.

Если вы никого не любите, все остальное не имеет значения.

Э.Э. Каммингс

Sarah Jio

The LOOK of LOVE

Copyright © by Sarah Jio, 2016

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Э», 2017

Пролог

Париж

1893 год

В фешенебельном 5-м округе, протянувшемся вдоль Сены, возле своей тележки с цветами стояла Элоди и наблюдала за парочками, гулявшими рука об руку. «Любовь – не для меня», – думала она. Разумеется, завести дружка можно было без проблем. Взять, к примеру, парня, который возит тележку с мороженым. Или фермера. Или трубочиста. Или одного из тех, которые начищают до блеска ботинки господам побогаче. Нет уж. Элоди глубоко вздохнула и сорвала увядший листок с одного из пионов, стоявших в ведре с водой. Подняв глаза, она увидела Люка Дюмона, графа Овернского. Его цилиндр возвышался над толпой, запрудившей улицу. Встретившись с девушкой взглядом, он пересек вымощенную булыжниками мостовую, ловко увернувшись от кареты.

Граф часто подходил к тележке Элоди, чтобы купить цветы для своей жены Марселины, чей суровый вид, плотно сжатые губы и сердитые глаза странно смотрелись рядом с его мягкой и добродушной физиономией. Иногда Элоди пыталась представить, каково это быть графиней, его графиней. Она часто заглядывала в окна графского особняка, расположенного на другой стороне улицы, и гадала, на что похожа жизнь в его стенах.

– Здравствуйте, – сказал Люк и приподнял цилиндр.

– Здравствуйте, – ответила ему Элоди, слегка взволнованная его присутствием. – Вам, как всегда, букет для графини?

Как у торговца чаем есть своя собственная смесь сортов, или ресторатор может угостить вас своим фирменным блюдом, так и Элоди умела составить букет особенным образом. Она отбирала для него лишь цветы зеленых оттенков – циннии, хризантемы и редкие розы цвета лайма, от красоты которых перехватывало дыхание. Такой букет она составляла лишь раз в день и держала его в глубине тележки, специально оставляя для Люка.

Граф ответил не сразу, потерявшись в ее глазах.

– Они зеленые, – неожиданно произнес он.
Элоди, не понимая, покачала головой.
– Ваши глаза.
Девушка улыбнулась.
– Да.
– Красивые глаза.
– Благодарю вас, сударь.
– Зовите меня Люк. – Он немного помолчал. – Могу ли я узнать ваше имя?
– Элоди.
– Элоди, – повторил граф, разглядывая цветы. Его взгляд остановился на выбитой по краю тележки надписи.
– Почему здесь эти слова? – спросил он, указывая на нее. – «Amour vit en avant»...
«Любовь продолжает жить». Это напутствие для Элоди произнесла ее умирающая мать.
– Не сдавайся в любви, моя дорогая Элоди, – говорила она сквозь слезы. – Не очерствей сердцем, как это случилось у меня. Храни любовь в своей душе. Откройся навстречу любви, даже если обстоятельства кажутся невозможными. Доверься любви. И не бойся проиграть. Ведь даже если ты проиграешь, любовь останется жить, – мать приложила руку к своему слабеющему сердцу. – Она будет жить вот здесь. Любовь не умирает. Она живет.
– Это слова моей матери, они меня утешают, – объяснила Элоди графу. – Они меня направляют.
Люк улыбнулся.
– Я бы хотел купить цветы.
Девушка кивнула.
– Хотите маленькую бутоньерку, месье? Я сейчас подберу...
– Я бы хотел купить все цветы в вашей тележке.
Элоди покачала головой.
– Вы шутите...
– Я абсолютно серьезен.
– Но что вы станете делать с таким количеством цветов? – засмеялась Элоди. – Сегодня в моей тележке их несколько сотен. Гиацинты, розы, левкой, душистые летние пионы.
– Я хочу купить их для вас, – сказал Люк.
– Для меня? – изумилась Элоди.
– Для вас, – подтвердил граф, – чтобы вы могли сегодня не работать и

прогулялись по Парижу, наслаждаясь солнцем.

Он вложил ей в руку стопку банкнот.

– Пройдетесь со мной?

Женевьева, цветочница и подруга Элоди, наблюдала за происходящим со стороны.

– Иди, – с улыбкой сказала она. – Я присмотрю за твоей тележкой.

– Идемте? – Люк предложил Элоди руку.

У нее не осталось выбора. Она приняла ее.

Глава 1

2021 Пайк-стрит, квартира 602, Сиэтл

24 декабря 2012 года

Пытаясь открыть почтовый ящик, я придержала Сэма, моего золотистого ретривера. Швейцар Бернард оторвался от сортировки пакетов и опустился на колени рядом с Сэмом, чтобы почесать его за ушами.

– Доброе утро, Джейн, – поздоровался Бернард, глядя на меня снизу вверх и улыбаясь. – Вы слышали? Сегодня ночью ожидается снег, выпадет не меньше четырех дюймов.

Я вздохнула. Мы не получим цветы вовремя, если дороги покроются льдом. Я достала из ящика стопку писем и поздравительных открыток и отошла к большим окнам, выходящим на улицу, украшенным к Рождеству гирляндами лампочек. Сэм тем временем обнюхивал рождественскую елку в углу. Я оглядела Пайк-плейс. Рыночная площадь только-только просыпалась. Из трубы булочной шел дым. Торговцы свежей рыбой приплясывали на булыжниках мостовой возле своих лотков. Стайка любопытных туристов с зонтиками в руках (туристы всегда носят с собой зонтики) остановилась на противоположной стороне улицы, чтобы сфотографироваться. Они спугнули чайку, сидевшую на уличном указателе. Птица с недовольным криком улетела прочь.

– Смотрите, это снеговые облака, – сказал Бернард, кивком указывая на окно.

– Откуда вы знаете?

– Идемте со мной. – Бернард встал и вышел через двойные двери на улицу. Я последовала за ним. – Позвольте мне дать вам небольшой урок, посвященный облакам.

Я почувствовала прикосновение ледяного воздуха к лицу, вдохнула аромат молотого кофе и морской воды, душистый и соленый одновременно. Сиэтл. Сэм приветливо помахал хвостом, когда проходящая мимо женщина протянула руку, чтобы его приласкать.

Бернард указал на небо.

– Видите эти облака? Они называются перисто-слоистыми.

– Перисто... какие?

Швейцар усмехнулся.

– Эти облака обязательно появляются перед снежной бурей. Посмотрите, какие они тонкие и волнистые, похожи на выпавший снег.

Я с любопытством изучала облака, как будто они могли содержать послание, написанное метеорологическими иероглифами. Возможно, я смогу расшифровать язык облаков, если буду смотреть на них достаточно долго.

– А теперь взгляните вон туда, вдаль над заливом, – Бернارد указал на далекие облака, нависшие над бухтой Эллиотт. – К нам приближаются снеговые облака. Они тяжелее и темнее. – Швейцар помолчал и приложил руку к уху. – Послушайте. Вы слышите это?

Я покачала головой.

– Что именно?

– Установилось какое-то необъяснимое затишье, – объяснил Бернارد. – Все звуки как будто приглушены.

Сэм уселся на тротуаре у моих ног.

– Думаю, вы правы, – ответила я. – Утро на удивление тихое.

Я снова посмотрела в небо, но на этот раз присмотрелась внимательнее.

– А вы когда-нибудь различаете в облаках что-то еще, Бернارد? Картины? Лица?

Он усмехнулся.

– Конечно, я кое-что вижу. Но то, что вижу я, может отличаться от того, что видите вы. В этом смысле облака обманчивы.

Бернارد надолго погрузился в молчание.

– Думаю, они показывают нам то, что мы *хотим* видеть, – наконец произнес он.

Он был прав. Я как раз кое-что увидела, и это меня напугало. Я потрянула головой.

– Тогда я не скажу вам, что вижу, иначе вы станете смеяться надо мной.

Бернارد улыбнулся краем губ.

– А что видите *вы*? – спросила я.

– Сэндвич с ростбифом, – усмехнулся он и потянулся к карману. – О, я едва не забыл. Это письмо для вас, – объяснил Бернارد, протягивая мне розовый конверт. – Почтальон случайно положил его в почтовый ящик миссис Кляйн.

– Спасибо, – поблагодарила я и сунула письмо в карман. Остальную

почту я отправила в сумочку. Это были по большей части нежеланные рождественские открытки. Идеальные, счастливые, улыбающиеся в камеру лица. Стоит ли говорить об обманчивости облаков?

– Веселого Рождества, – пожелал Бернард. Сэм натянул поводок.

– И вам веселого Рождества, – ответила я. Слова эхом отдались в моей голове. *Веселого Рождества*. Я не чувствовала никакого веселья. Правда, так всегда бывало в это время года.

Мы с Сэмом свернули за угол, и я кивнула Мелу, владельцу киоска с газетами на Пайк-плейс. Он подмигнул и указал на омелу, свисавшую с тента.

– Как насчет того, чтобы поцеловать старину Мела?

Я сделала вид, что смущаюсь, и глупо усмехнулась. Мел нахмурился.

– Даже в канун Рождества, Джейн?

Я нагнулась и быстро клюнула его в щеку.

– Пожалуйста. – Я улыбнулась. – Довольны теперь?

Мел вцепился в щеку и разыграл сковывающий лицо паралич.

– Лучший день в моей жизни, – сказал он. Ему было почти семьдесят, и сорок лет или даже больше он продавал газеты. Этот лысеющий мужчина маленького роста с пивным животом флиртовал с каждой женщиной на рынке, а вечером отправлялся в свою крошечную квартиру, расположенную в двух кварталах от площади, выше на холме, где он жил в одиночестве.

– Моя Адель любила канун Рождества, – сказал Мел. – Она любила омелу. На Рождество у нас всегда был настоящий праздник – жареное мясо, елка, иллюминация.

Я положила руку на его рукав. Хотя его жена умерла восемь лет назад, Мел говорил о ней так, словно утром они вместе завтракали.

– Я знаю, как вам ее не хватает.

Мел взглянул на облака. Интересно, что он в них видит?

– Каждый проклятый день, – пробурчал он. Я увидела печаль в его глазах, но это выражение сразу изменилось, когда к киоску подошла женщина лет семидесяти. Она была высокого роста и возвышалась над Мелом, словно небоскреб КоламбияЦентр над невысоким зданием на углу Четвертой авеню и Пайк-стрит по соседству. У женщины были серебристо-седые волосы и точеные черты лица. Элегантная, с ниткой жемчуга на шее, она определенно была красавицей в молодости.

– У вас есть «Таймс»? Лондонская «Таймс»? – спросила она тоном, выдающим разочарование. Голос у нее оказался резким и властным, и я услышала в нем характерный британский акцент.

Я наблюдала, как они смотрят друг на друга, и перед моими глазами

появился туман, со мной иногда такое случается. Я протерла глаза. Мел радостно улыбнулся своей чопорной покупательнице.

– «Таймс»? – воскликнул он. – При всем должном уважении, мэм, мы в Сиэтле, а не в старой доброй Англии.

Глаза женщины сузились.

– Что ж, в каждом достойном газетном киоске следует иметь эту газету. Это единственное издание, которое стоит читать. – Она обвела взглядом ряды таблоидов и газет. – Сейчас столько мусора...

Мел приподнял одну бровь и посмотрел на меня, а женщина, подняв воротник своего тренча, быстрым шагом зашагала прочь мимо нас.

Мел как будто застыл на мгновение, но потом улыбнулся.

– Снобы! – произнес он. – Богатые люди полагают, что мир принадлежит им.

Я посмотрела через плечо, снова протерла глаза, стараясь не размазать свежую тушь на ресницах, и только тут вспомнила о том, что на следующий день у меня назначена встреча с доктором Хеллер, которую я посещала бо2льшую часть моей жизни. Англичанка скрылась за углом.

– Возможно, она просто несчастна, – предположила я. – Моя бабушка всегда говорила, что люди не хотят быть грубыми, это их печаль заявляет о себе.

Я вдруг вспомнила тот день в детстве, когда я впервые встретилась с глубокой печалью и в первый раз заметила, что с моим зрением что-то не так. Мне было четыре года. Я стояла в дверях маминой спальни. Мама сидела на краю кровати, ссутулившись и закрыв лицо руками. Она плакала. Занавески были плотно закрыты, стены тонули в темноте. Отец склонился над ней, умоляя простить его. У него в руке был чемодан, и он собирался уехать в Лос-Анджелес следом за женщиной, с которой он не так давно познакомился. Папа сказал, что хочет на ней жениться. Папа влюбился и разбил маме сердце.

Я не помню лицо моего отца, как не помню точно и тех слов, которыми мои родители обменялись в то дождливое утро в Сиэтле. Я не забыла только глубокую печаль моей мамы. А когда папа положил руку ей на плечо, как будто говоря: «Пожалуйста, прости меня», я сильно моргнула. Мне тогда показалось, что перед моими глазами повисло облако, но это не были слезы. Облако появилось откуда-то из глубины моего существа. Я помню, как отступила назад, начала тереть глаза и, спотыкаясь, вышла в коридор. Там я и ждала до тех пор, пока папа не вышел из спальни. Если он и собирался попрощаться со мной, то почему-то этого не сделал. Вот так папа оставил нас: моего брата Флинна, который ни о чем не подозревал и

смотрел в этот момент телевизор; меня, сбитую с толку и почти ослепшую в коридоре; маму, плачущую так громко, что я боялась, как бы она не умерла.

Мне хотелось подбодрить ее, поэтому в то утро я принесла ей чашку кофе. Мои руки дрожали. Я сотню раз видела, как мама мелет зерна, кладет их во френч-пресс, поэтому набралась храбрости проделать все это самостоятельно. Но видела я по-прежнему плохо, поэтому я все сделала неправильно. Мама сразу же мне об этом сказала.

– Что это? – резко спросила она.

– Я сделала тебе кофе, – пискнула я.

Она посмотрела в чашку, покачала головой, потом медленно подошла к раковине на кухне и вылила содержимое чашки.

Я сдерживала слезы, глядя, как она возвращается в спальню. Папа подвел маму. И я тоже ее подвела. Часом позже пришла бабушка и объяснила, что печаль может управлять нашим поведением. Я никогда не забывала ни этих слов, ни того, как бабушка позвала маму и они вдвоем повезли меня в больницу, когда я им сказала, что я все еще плохо вижу. После томографии, которая ничего не показала, мне сделали укол, от которого я расплакалась, и я отправилась домой с вишневым леденцом в руке. После этого мы никогда не говорили о папе. И даже теперь, сколько бы я ни старалась, я не могла представить его лицо. Перед моим мысленным взором оно по-прежнему оставалось темным пятном.

* * *

Мел пожал плечами и разрезал упаковку на пачке газет.

– Что ж, я иду в магазин, – продолжала я. – Сегодня день будет хлопотным. В прошлом году Лю придумала цветочную композицию из пуансеттий, плюща и шиповника. Клянусь, каждая светская дама в этом городе захочет четыре штуки для своего праздничного стола. – Я вздохнула. – Разумеется, в этом нет ничего плохого. Но это означает, что к концу дня мои пальцы скует артрит.

Я подняла руки и растопырила пальцы.

– Не работай слишком много, Джейн. Я беспокоюсь за тебя.

– Мне нравится, что вы обо мне беспокоитесь, – сказала я и медленно улыбнулась. – Уверяю вас, моя жизнь не заслуживает никакого беспокойства. Я встаю и отправляюсь в цветочный магазин, потом возвращаюсь домой. Все просто, никаких драм. Незачем вам волноваться.

– Дорогая, именно *поэтому* я за тебя и беспокоюсь, – не успокаивался Мел. – Я бы хотел, чтобы ты дала волю своим чувствам, нашла себе кого-нибудь.

Я улыбнулась по-настоящему и погладила по голове своего пса.

– У меня уже кое-кто есть. И это Сэм.

Мел улыбнулся мне в ответ, а я, прощаясь, помахала ему рукой.

– Я хотел бы познакомить тебя с одним торговцем рыбой. Его зовут Рой. Я с ним вчера познакомился. Он бы мог время от времени готовить тебе вкусную рыбу на обед.

– Ай-ай-ай, Мел! – Я округлила глаза, засмеялась и повела Сэма вдоль по улице к пекарне «Мерриуэзер». Элейн помахала мне рукой из-за прилавка. Ее темные волосы были собраны в аккуратный «конский хвост» на затылке. На щеке остался след от муки.

– Доброе утро, – поздоровалась я. Сэм встал на задние лапы, положил передние на прилавок, ожидая, чтобы Элейн угостила его собачьим печеньем. В пекарне пахло жженым сахаром и только что испеченным дрожжевым хлебом. Иными словами, как в раю.

Элейн, представительница уже третьего поколения владельцев пекарни, подружилась со мной, когда я унаследовала бабушкин цветочный магазин пятью годами ранее. Нас сблизила любовь к круассанам с шоколадом и белым пионам. Мы продолжаем регулярно ими обмениваться. Теперь же она смахнула пот со лба.

– За последний час мы приняли сорок девять заказов на пекановый пирог. Пожалуй, сегодня вечером мне не удастся уйти домой.

На двери звякнул колокольчик. Я обернулась и увидела, что в пекарню входит Мэтью, муж Элейн.

– Дорогой! – прощепетала она. Мэтью, архитектор со следами былой красоты, подошел к нам и перегнулся через прилавок, чтобы чмокнуть жену в щеку. Эта пара жила так, что заставляла окружающих немного им завидовать. Двое прекрасных детей, дом на Хэмлин-стрит над каналом Монтлейк с прекрасным цветником перед входом и курятником на заднем дворе, благодаря которому у семьи всегда были свежие органические яйца.

– Тебе удалось купить набор «Лего», который так хочет Джек? – спросила Элейн, крутя обручальное кольцо на пальце.

– Вот он, – сказал Мэтью, поднимая пакет над прилавком. – И еще я купил для Эллы пупса, о котором она только и говорит.

Элейн шумно выдохнула.

– Замечательно, иначе Рождество не было Рождеством. – Она повернулась ко мне. – Этот мужчина – мой спаситель.

Мэтью просиял.

– Слушай, а ты уже познакомилась с новым соседом? – спросил он.

Элейн покачала головой.

– Я заходил к нему сегодня утром, – продолжал Мэтью. – Его жена умерла в прошлом году. Он только что переехал сюда из Чикаго. Я подумал, что мы могли бы пригласить его к нам завтра на рождественский обед.

– Конечно, – согласилась Элейн. – Если ты считаешь, что он захочет прийти.

Мэтью пожал плечами.

– Парень только что приехал в наш город. Уверен, что он никого здесь не знает. И потом, его дочка почти одного возраста с Эллой.

Элейн всегда приветлива и радушна, но Мэтью обладает этими качествами в удвоенном варианте. В День благодарения я сидела за столом напротив коллеги Мэтью, который только что развелся, мужчины с пивным животом и вечно хмурым лицом. Элейн отвела меня в сторону и пожаловалась, что Мэтью пригласил бы на обед каждого третьего жителя Сиэтла, если бы ему дали волю.

– Ладно, – улыбнулась Элейн. – Передай ему, что мы будем рады видеть его вместе с дочкой.

Мэтью кивнул и повернулся ко мне.

– Какие планы на Рождество? Ты же знаешь, Джейн, что мы тебе всегда рады. Кто знает, вдруг у тебя с нашим новым соседом что-нибудь получится.

Он подмигнул мне, я округлила глаза.

– Ты не исправим, Мэтью.

– Дорогой, – вмешалась Элейн, – оставь Джейн в покое. Она не нуждается в сватовстве Мэтью Коулмана.

Он засмеялся.

– И потом, – тоже с улыбкой продолжала Элейн, – ты забыл, что Рождество это еще и день рождения Джейн.

Я состроила гримасу.

– Да, мне не повезло, мой день рождения совпадает с Рождеством. К счастью, у меня получается пережить оба праздника сразу.

Элейн нахмурилась.

– Какая же ты ворчунья!

Я пожала плечами.

– 25 декабря я перехожу в режим выживания. Ты об этом знаешь. Это не просто.

– Тогда позволь мне хотя бы принести тебе что-нибудь для выживания,

скажем, кекс, – продолжала Элейн. – Ты отказываешься от этого каждый год.

– Пожалуйста, не надо, – попросила я. – Честное слово, я лучше закажу еду на дом и буду смотреть подряд все серии «Скандала».

– Звучит не слишком весело, – погрустнела Элейн. – И кто доставляет еду на дом в Рождество?

– «Тайская вкуснятина», – улыбнулась я. – Они открыты круглый год. Видишь? У меня все продумано.

Элейн вздохнула.

– Ну хотя бы подари себе букет цветов.

– Это я, пожалуй, могу сделать, – улыбнулась я.

– Как идет бизнес? – поинтересовался Мэтью.

– Отлично, – ответила я. – Можно даже назвать это бумом.

Если в моей жизни и было что-то постоянное, то это цветы. Моя бабушка Розмари открыла магазин «Цветочная леди» на рынке Пайк-плейс в 1945 году, вскоре после войны. Когда в 1980-х годах бабушкины пальцы изуродовал артрит, моя мама Энни стала хозяйкой магазина и владела им до самой смерти. Она умерла, когда мне было восемнадцать. Пока я училась в колледже, магазин держала на плаву мамина помощница. Потом за дело взялась я.

Я выросла в этом магазине. Я подметала листья и лепестки, сидела за кассой и даже помогала бабушке составлять букеты.

– Ты прирожденный флорист, – снова и снова повторяла мне она. – Мы умеем достучаться до людей, заставить их почувствовать красоту.

Полагаю, бабушка была права. У мамы тоже был этот дар. Мы уже родились со знанием того, как подобрать розы и фрезии так, чтобы помочь мужчине сказать женщине о своей любви. Мы умели соединить хризантемы и желтые тюльпаны, чтобы они выражали искреннее раскаяние.

В это время года я всегда тосковала о маме. Она любила Рождество и к этому дню украшала нашу квартиру так, что в ней не оставалось свободного места, всюду были гирлянды из кедра и вечнозеленые букеты. Она никогда не соглашалась поставить маленькую елочку. Несмотря на недостаток места, мы всегда притаскивали с рынка самую большую благородную ель из всех, имевшихся в продаже.

Рак у мамы заявил о себе как-то совсем неожиданно. В каком-то смысле это было благом, потому что долго она не страдала. Между диагнозом и ее смертью прошло всего несколько недель. Мне не хватило времени спросить ее о том, о чем мне нужно было ее спросить: о жизни и о

любви. Я оказалась лицом к лицу с неотвратимой потерей самой главной женщины в моей жизни, подавленная мыслью о том, что мне нужно успеть усвоить ее житейскую мудрость за несколько оставшихся дней.

В день ее смерти я собиралась с утра принести ей цветы, как делала это каждые несколько дней. Но врач позвонил мне в шесть утра. Он сказал, что я должна немедленно приехать, поскольку маме осталось жить всего несколько часов. Я приехала в больницу с пустыми руками, мучаясь мыслью о том, что вот-вот потеряю своего самого дорогого человека, и сожалея, что рядом с ней в эти минуты не будет ее любимых цветов.

Сидя в маминой палате, я услышала стук в дверь. На пороге появилась молодая женщина с бейджиком волонтера. Она робко улыбнулась и прошептала:

– Прошу прощения. Моя руководительница велела отнести эти цветы вашей маме.

В тот момент я даже не задумалась о том, откуда мама знает руководительницу добровольных помощников. Мне это казалось несущественной деталью. И потом, мама заводила друзей очень легко и при любых обстоятельствах, даже на пороге смерти.

– Спасибо, – поблагодарила я и взяла вазу с удивительным сочетанием цветов бледно-зеленых оттенков. – Очень изысканный букет. У вашей руководительницы потрясающий вкус. Прошу вас, передайте ей нашу благодарность.

Мама улыбнулась, увидев вазу. Она прошептала хриплым голосом:

– Последний раз я видела такую композицию, когда была здесь, в этой больнице. Тогда я только что родила тебя, моя дорогая.

По щекам мамы снова покатались слезы.

– Но знаешь что? Я так и не узнала, кто прислал эти цветы. В букете не было карточки.

Я до сих пор помню, с каким трудом сдерживала слезы, глядя на маму, которая трясущейся рукой попыталась коснуться одной из зеленых роз в вазе, чьи лепестки были такими же прозрачными, как и ее бледная кожа.

Вспоминая то октябрьское утро, когда мама умерла, я все время видела ее лицо: выражение глаз, желание задержаться в этом мире хотя бы еще на несколько минут. Потом в палату вошел врач и попросил меня выйти с ним для разговора наедине. Мне не хотелось оставлять маму. Каждая секунда была драгоценной.

Но мама улыбнулась и в последний раз обратилась ко мне:

– Моя дорогая Джейн, у тебя всегда были глаза цвета молодой зелени, – мама коснулась рукой моей щеки. – Как первые листочки на

деревьях, как цветы в этой вазе. Ты особенная, моя красавица-дочка. Ты уникальная.

Из моих глаз хлынули слезы. Я не могла больше сдерживаться.

– Иди, поговори с врачом, – мама махнула рукой в сторону двери. – И принеси мне кофе, пожалуйста, – она улыбнулась. – И никакого растворимого. Только эспрессо. Я хочу в последний раз почувствовать вкус настоящего кофе.

– Я сейчас вернусь, – пообещала я, – я только на минуту.

Я легко коснулась пальцами маминой щеки. Но когда я вернулась с чашечкой двойного эспрессо, мама уже умерла.

Мэтью поцеловал Элейн и помахал мне рукой.

– Веселого Рождества, – пожелал он, и тут в моем кармане зазвонил телефон.

– Веселого Рождества, – с улыбкой ответила я и достала аппарат. Звонил мой старший брат Флинн.

– Привет, – сказала я.

– Привет, – голос брата звучал грустно. Это было типично для моего брата-меланхолика. Мама говорила, что таким же был и наш отец. Если для меня смысл жизни составляли цветы, то для Флинна – искусство. Он был художником, пользующимся определенной известностью на Северо-Западе. Он открыл свою галерею несколько лет назад, чтобы окружить себя такими же служителями искусства. Предприятие оказалось удачным. Оно приносило прибыль и помогло ему стать признанным лидером артистической богемы Сиэтла.

И мой брат по-прежнему был красавцем. Если хотите знать мое мнение, то Флинн всегда был слишком красивым. Пока мы росли, все мои подруги в него влюблялись. И это происходило до сих пор. Флинн был неотразим со своими густыми темными волосами и легкой щетиной на подбородке. Ему уже исполнилось тридцать пять лет, но у него не было ни малейшего желания остепениться. Я даже не уверена, любил ли он когда-нибудь женщину по-настоящему. В жизни Флинна всегда было много женщин.

– Зачем звонишь?

– Просто чтобы поздравить тебя с днем рождения, вдруг завтра забуду.

– Ну ты и наглец, – улыбнулась я.

– Согласен. Но я хотя бы о нем вспомнил, пусть и на день раньше.

– Что ж, спасибо тебе, старший брат.

– Ты придешь на мою новогоднюю вечеринку?

Я вздохнула. Каждый год Флинн устраивает празднование Нового года

в своем лофте в Беллтауне, и каждый год я прикладываю массу усилий, чтобы на эту вечеринку не попасть. В обществе знакомых моего старшего брата я чувствую себя совершенно чужой: анорексичные на вид женщины в обтягивающих платьях, мужчины с покрытыми татуировками руками и множество курящих людей, сгрудившихся на балконе.

– Не знаю, Флинн.

– Брось, ты должна прийти. Может, познакомишься с кем-нибудь.

– Познакомлюсь? Вот этого мне как раз совершенно не нужно.

– Джейн, а ты никогда не думала о том, что отношения могут пойти тебе на пользу?

– Мой дорогой старший брат, – ответила я, – пусть мы родственники, но я скроена совершенно иначе. Чтобы быть счастливой, мне не требуется присутствие другого человека.

– Блефуешь, – не поверил мне Флинн. – Всем это нужно.

– И кое-кому каждый вечер необходим новый человек.

– Ладно тебе, – проворчал он.

– И с кем ты теперь встречаешься? У тебя все наладилось с... Как же ее звали?

– Лиза?

Я посмотрела, как Элейн ставит в упаковочный ящик лимонные пироги, украшенные веточками лаванды.

– Мне казалось, что ее зовут Рэйчел, – сказала я.

– Она была до Лизы.

– Ну вот, видишь? – засмеялась я.

– Просто приходи на мою вечеринку, Джейн, пожалуйста.

– Я подумаю об этом, – ответила я.

– Хорошо.

Я послала воздушный поцелуй Элейн, и мы с Сэмом вышли на улицу и свернули за угол. Мой цветочный магазин расположен неподалеку. При виде его старомодных окон с переплетами и изумрудно-зеленого навеса на сердце у меня всегда становится тепло. Моя помощница Лоиза – или просто Ло – уже выкатила на тротуар тележки с цветами. Праздничные букеты манили прохожих. Я заметила, как одна женщина подняла композицию из красных роз и еловых веток к лицу и понюхала. Я улыбнулась про себя. Кому нужна любовь, если есть работа, приносящая радость?

– Доброе утро, – поздоровалась я с Ло. Она подняла голову от кассы и чуть подтолкнула к переносице очки в темной оправе. Мы познакомились в колледже на занятиях по геологии и сошлись на том, что камни нагоняют

на нас сон. Поэтому мы помогали друг другу не заснуть по вторникам и четвергам после ланча на уроке в час дня, так как курс был посвящен исключительно известнякам и тектоническим плитам. Каким-то чудом нам обоим удалось закончить семестр с оценкой Б-минус.

– Ненавижу пуансеттии, – театральным шепотом произнесла Ло.

Я повесила куртку на крючок в задней комнате и потянулась за фартуком.

– Я тоже, – ответила я, глядя на список заказов на экране компьютера. – Но ты только посмотри на это. Вполне возможно, это будет наш самый прибыльный рождественский сезон. – Я засучила рукава. – Давай-ка поработаем.

– При наилучшем стечении обстоятельств мы закончим к пяти часам, и я успею к шести часам на свидание, – протянула Ло.

– Свидание в канун Рождества? Ло!

– Почему нет? Кто хочет остаться в одиночестве накануне Рождества?

По самым скромным оценкам, Ло могла бы быть (а) безнадежным романтиком, (б) гением свиданий или (в) зависимой от любви. Количество мужчин в ее жизни зашкаливало, но она, как, впрочем, и Флинн, как будто никак не могла найти удовлетворения от своих побед. Со временем я поняла, что Ло получает удовольствие от игры, от этой погони за любовью. Я решила, что Ло нравится не сама *любовь*, а идея любви.

– Да ладно тебе, Ло, – сказала я. – В том, чтобы быть одному в рождественскую ночь, нет ничего плохого. И потом, ты всегда можешь прийти ко мне.

Ло лукаво улыбнулась:

– Если все пойдет так, как я надеюсь, то вечер я проведу в доме Эрика.

– Знаешь, в этом году в твоём рождественском чулке окажется уголь, – я покачала головой.

– О, у меня отличные отношения с Сантой, – хмыкнула Ло.

Я открыла кассу, посмотрела на деньги и произнесла с неприкрытым сарказмом:

– Ну да, конечно, потому что он твой *бывший бойфренд*.

Ло рассмеялась.

– Это невозможно. Я не встречаюсь с мужчинами старше сорока двух лет, помнишь?

– Ах да, я и забыла о твоих правилах. – Я проглядела стопку вчерашних чеков. – Ты любишь писать, так почему бы тебе не написать книгу о свиданиях?

– Что-то вроде мемуаров?

Я кивнула.

– Или ты можешь вести ток-шоу на радио. Его назвали бы «Ло о любви».

– Я уже думала об этом. У меня много материала.

Зазвенели колокольчики у входа. Пожилой мужчина вошел в магазин и остановился, разглядывая композиции у окна. Поначалу я его не узнала, но когда он повернулся к нам с Ло, мы с ней переглянулись.

– Это Жуткий Рождественский Покупатель, – шепнула Ло. Я кивнула.

Честно говоря, эпитет *жуткий* не слишком подходил этому человеку. Скорее он был *необычным*. В его появлении было нечто загадочное. Он приходил в мой магазин каждый год в канун Рождества, заказывал самую дорогую композицию из цветов, произносил не более пяти слов и оставлял огромные чаевые.

– Он похож на человека, который убил свою жену и держит ее расчлененное тело в морозильной камере в подвале, – как-то сказала о нем Ло.

– Нет, – ответила я ей тогда. – Он просто выглядит одиноким.

– Не знаю, – не согласилась со мной Ло. – Мне не нравится то, как он на тебя смотрит.

Полагаю, именно поэтому я сделала паузу в это утро, как делала ее в каждый канун Рождества в предыдущие годы. Этот пожилой покупатель смотрел только на меня, не на Ло.

Глубоко вздохнув, я улыбнулась ему, пока он, слегка хромя, подходил к прилавку. Одет он был в дождевик и брюки цвета хаки.

– И снова здравствуйте, – осторожно произнесла я, – вы снова у нас в канун Рождества.

Мужчина кивнул.

– Вы хотите вашу обычную композицию?

Он снова кивнул, и я сразу же занялась его цветами, подбирая и подрезая их так, чтобы получился желаемый результат.

– Подойдет? – я показала ему вазу с цветами.

– Идеально, – ответил, не отрывая от меня глаз.

– Вот и хорошо, – легко улыбнулась я, прогоняя наваждение.

– Веселого Рождества, – покупатель протянул мне пачку наличных. Он не улыбнулся, просто долго и пристально смотрел на меня, и мне на мгновение показалось, что в его глазах мелькнула искорка какого-то чувства. Что это было? Печаль? Сожаление? Цветы вызывают у людей эмоции. Воспоминания о любви, обретенной или потерянной, о прошедшем Рождестве, о новом начале и финишной черте, все могут

передать лепестки и листья. Возможно, этот мужчина приходил к нам каждый год, чтобы что-то вспомнить.

– Веселого Рождества, – ответила я, когда он уже направлялся к двери. Звякнули колокольчики, мужчина вышел.

Ло заглянула мне через плечо, когда я пересчитывала стодолларовые банкноты за прилавком.

– Тысяча долларов? – недоверчиво уточнила она. – Странный мужик.

Я пожала плечами.

– Он и в самом деле странный, но я не жалуюсь. – Я убрала купюры в кассу. – Теперь мы сможем заплатить за ремонт стекол.

Мы мгновенно забыли о нашем странном покупателе, когда в магазин вошел другой мужчина, за сорок, высокий, с легкой проседью в волосах и мужественными чертами слишком загорелого лица, как будто он проводил слишком много времени на пляже. Но этот образ ему очень шел.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросила Ло, подходя к нему. Он замер, как замирали почти все мужчины в присутствии Ло. Она была красива какой-то старомодной красотой: фарфоровая кожа, темные, идеально прямые волосы (уникальное сочетание, которое она унаследовала от своих предков-басков), полная грудь и тоненькая талия.

Мужчина провел рукой по лбу.

– Да, – быстро сказал он. – Я зашел выбрать композицию к... Рождеству. У нас... много родни в городе. Я подумал, что мы могли бы как-то украсить стол.

Ло улыбнулась и указала на выставленные декоративные вазы с красными розами, белыми тюльпанами и зеленью.

– Выберите что-нибудь из этого, – предложила она. – Они украсят стол, но не отвлекут все внимание на себя.

Мужчина бросил быстрый взгляд на цветы, потом его взгляд снова замер на Ло.

– Вы идеальны... то есть, – он запнулся, – вы отлично разбираетесь в цветах. Идеально.

Ло с широкой улыбкой отнесла композицию на прилавок. Покупатель расплатился.

– Веселого Рождества, – медленно произнес он, прежде чем повернуться к двери.

– Веселого Рождества, – с улыбкой ответила Ло.

Как только мужчина вышел, я уперла руки в бока.

– Ло! Он для тебя слишком стар!

Она сделала вид, что занимается цветами.

– Я знаю, что ты возненавидишь меня, поскольку я собираюсь напомнить тебе о реальности. Этот мужчина *женат*. Только не говори мне, что ты не заметила обручального кольца.

Ло пожала плечами:

– Я не обратила внимания.

– Ты невозможна, – воскликнула я в удивлении и раздражении.

– О, Джейн, перестань строить из себя ханжу. Ты же знаешь, что я не встречаюсь с женатыми мужчинами. – Ло на мгновение задумалась. – Но это могло бы стать интересной главой в моей книге о любви.

Я свирепо посмотрела на нее.

– Шучу, шучу, – быстро отреагировала она.

– Вот и хорошо.

Когда мы вернулись к работе, из динамиков лился голос Бинга Кросби. Элейн предложила мне самой составить для себя букет на Рождество, и я, забыв на время о заказах, которые необходимо было выполнить, потянулась к зеленым розам, стоявшим в ведре за прилавком. К ним я добавила немного зимней зелени. Для меня. Для мамы.

* * *

Без четверти пять я отослала Ло домой, чтобы она успела подготовиться к свиданию. В шесть тридцать Хуан, наш курьер, забрал последние композиции и повез клиентам. После этого я решила, что пора заканчивать работу. Я застегнула молнию на куртке, взяла Сэма на поводок и вышла на тротуар. Там я повесила на руку последний еловый венок, взяла свою композицию из зеленых роз и заперла магазин.

На рынке стояла тишина, но это не была обычная тишина обеденного времени. Это была тишина одиночества. Люди разошлись по другим местам. Они пили горячие напитки у огня каминов, сидели рядом с любимыми. Вокруг царило счастье.

Я вздохнула и направилась к дому. Ну и пусть. Мне не нужно, чтобы в Рождество со мной рядом кто-то был. Я не такая, как Ло. Я не такая, как Флинн. Я не такая, как... все. Мне достаточно Сэма, хорошей книги и бокала вина. А потом я лягу спать. Значение праздников сильно преувеличено, особенно Рождества.

Я прошла мимо газетного киоска и подумала о том, что этим вечером делает Мел. Свет в пекарне «Мерриуэзер» приглушили. Интересно, успела Элейн выполнить все заказы на пироги? Я представила ее в доме на

Хэмлин-стрит. Перед ней наверняка стоит большая тарелка с жареным мясом, или индейкой, или с другим блюдом, которое люди едят на Рождество. Она сидит во главе семейного стола и буквально светится от любви. Я прошла к лифту через пустой вестибюль. Бернارد ушел домой, и я подумала и о нем тоже. Он наверняка сидит рядышком со своей женой Шэрон и думает о снеговых облаках.

Двери лифта разъехались в стороны, я вошла и нажала кнопку четвертого этажа. Спустя несколько мгновений я уже открывала дверь своей квартиры и входила в темную прихожую. Сэм сразу же принялся лакать воду из миски. А я положила ключи, сняла с руки венки и повесила его на гвоздь на двери со стороны квартиры, а потом поставила вазу с цветами на каминную полку. Мама наверняка поставила бы их именно туда.

– Веселого Рождества, Сэм, – сказала я. Он единственный, кто сможет расслышать нотку грусти в моем голосе, даже небольшую дрожь. Я сунула руку в карман, чтобы достать мобильный телефон, и наткнулась на розовый конверт, который я положила туда утром.

Включив свет в кухне, я посмотрела на незнакомый почерк. Обратного адреса не оказалось. На конверте стоял почтовый штамп Сياتла. Мне стало любопытно, я надорвала конверт, прислонилась к рабочему столу и стала разглядывать открытку «С днем рождения». Потом прочла текст:

Дорогая Джейн!

Ты меня не знаешь, но я познакомилась с тобой в день твоего рождения. В тот день ты получила дар, редкий, особенный дар, который из поколения в поколение передается лишь избранным. Благодаря ему ты видишь любовь во всех ее формах так, как не могут ее видеть другие. Но вместе с этим даром приходит и огромная ответственность, а также задание, которое ты должна выполнить до следующего дня твоего рождения, до заката того дня, когда тебе исполнится тридцать лет. Остальное я должна рассказать тебе при личной встрече. Не могла бы ты встретиться со мной в моей квартире на Пайонир-сквер на следующий день после Рождества? Мы выпьем с тобой чаю. Я живу в доме «Уолдрон» на Мейн-стрит, квартира 17. Я буду ждать тебя.

Колеетт Дюбуа

Я положила открытку на рабочий стол с такой осторожностью, словно она могла быть заражена сибирской язвой.

Я покачала головой, сняла туфли и подошла к окну в гостиной,

выходившему на бухту Эллиотт. День был длинным, я очень устала. Вдруг в моей голове прозвучал голос Бернарда: «Ночью ожидается снег, не меньше четырех дюймов... Смотрите, это снеговые облака... Они показывают нам то, что мы хотим видеть».

Небо было темным, но в свете фонарей внизу я увидела кружащиеся в воздухе снежинки. Они уже укрыли улицу тонким слоем.

Я подумала о поздравительной открытке на столе в кухне и загадочных словах: «Вы получили дар... Благодаря ему вы видите любовь во всех ее формах так, как не могут ее видеть другие». Я подумала о том, какой туманной была для меня любовь, какой смутной. И хотя я помогала другим людям выразить любовь с помощью цветов, я сама ничего о ней не знала. Ничего. Я вспомнила своего бойфренда в колледже, который бросил меня ради моей соседки по комнате. Потом был шеф-повар, критиковавший мою стряпню, но изменивший свое мнение после яблочного пирога (его я тайком купила в пекарне «Мерриуэзер»). Или студент-медик, с которым я встречалась две недели в прошлом году. Оказалось, что он встречается одновременно сразу с несколькими женщинами в Сиэтле.

Я? Тот человек, который может идентифицировать любовь? Кто-то глупо пошутил. Я собралась было немедленно позвонить Флинну и отчитать его за такую шутку. Это было абсолютно в его духе. И если я пойду в квартиру на Пайонир-сквер, то там меня наверняка встретит кто-нибудь из веселых друзей моего братца, готовый пригласить меня на свидание из чувства милосердия. Я поморщилась.

Сэм ткнулся носом мне в ногу, и я почесала его за ухом.

– Мне нужен только ты, пес, – сказала я и снова прижалась носом к стеклу. Снег сыпался с неба, словно мука из огромного небесного сита. И тут я вспомнила то, что разглядела этим утром в облаках. Разумеется, я ничего не сказала Бернарду. И я никому об этом не скажу. Но оно было там. Большое, идеальной формы сердце, парившее в небесах, будто воздушный шар.

Глава 2

2201, Хэмлин-стрит

Рождество

Джек и Элла разбудили родителей именно так, как это делает большинство детей в рождественское утро, – с безмерным ликованием. Элейн пришлось вынырнуть из глубокого сна, потому что ребенок радостно заскакал по кровати, его коленка уперлась ей в грудь, а маленькие ладошки похлопывали ее по щекам. Она открыла глаза и изо всех сил постаралась сдержать стон. Солнце еще даже не встало, а накануне Элейн легла в два часа ночи, заворачивая подарки после долгого дня работы в пекарне. Но это было утро Рождества, а всем известно, что в это утро дети командуют парадом. И потом, в кухне стоит кофемашина, которая обязательно сварит ей двойной американо. Элейн зевнула и повернулась к мужу.

– День начинается, – прошептала она и улыбнулась.

Они спустились вниз следом за детьми, и Элейн, как это всегда бывало в тихие моменты в семье – за воскресным завтраком, к примеру, или в редкие вечера вторников, когда дети вместе чистят зубы, – подумала о том, какой идеальной выглядит ее жизнь. Они могли бы позировать для фото, изображая идеальную американскую семью из разряда тех, которые можно увидеть в глянцевых журналах. На таких снимках муж всегда одет в рубашку-поло, он обнимает жену, которая выглядит безупречно в платье с запахом и туфлях на каблуках, а их детишки улыбаются, словно ангелочки. Вот и теперь Элейн смотрела на своего мужа и ребятишек, спускавшихся по лестнице, и у нее снова возникло ощущение, как будто она смотрит на них со стороны. Словно она превратилась в чужую женщину, которая стоит на трех дюймах только что выпавшего снега, протирает запотевшее стекло перчаткой и заглядывает в окно дома, чтобы полюбоваться жизнью идеальной семьи в идеальном мире. Но Элейн не чувствовала себя идеальной, и это ощущение появилось уже довольно давно.

– Ты идешь, Элейн? – окликнул ее Мэтью.

С нее, застывшей у подножия лестницы, как будто слетели чары. Она кивнула.

– Да, – быстро ответила Элейн. – Пусть дети займутся своими подарками, а я пойду сварю кофе.

* * *

Рождественское утро налетело и пронеслось словно торнадо. Часом позже Элейн и Мэтью сидели в окружении смятой оберточной бумаги, а дети разбежались по комнатам играть в игрушки, полученные на Рождество. В доме воцарилась тишина.

Элейн взглянула на свои часы.

– Пожалуй, стоит позвонить Джейн. У нее сегодня день рождения. Как ты думаешь, может, мне стоит настоять, чтобы она пришла к нам пообедать сегодня вечером? Ты уже упоминал об этом вчера, но я знаю, что она боится быть в тягость, поэтому хочу, чтобы она почувствовала себя желанной гостьей. Я...

Мэтью коснулся пальцами губ жены.

– Джейн будет в порядке, – сказал он, его глаза сверкали. – Помнишь день нашей свадьбы?

Элейн и Мэтью поженились в канун Рождества двенадцать лет назад. Венчание состоялось при свечах в пресвитерианской церкви на Пятой авеню. Скамьи были украшены остролистом и ветками кедра, и гости спели вместе с ними «Святая ночь» перед тем, как церемония была завершена.

– Да, – ответила Элейн, вспоминая тот день. На земле лежал снег, и ее белые балетки промокли, пока она поднималась по ступеням церкви. В результате Элейн прошла по центральному проходу босиком.

– Прости, – спохватилась она, – в этом году я забыла о подарке для тебя в честь нашей годовщины.

Мэтью улыбнулся.

– А я не забыл.

Ее муж никогда не забывал о памятных датах. Он помнил чем-то выдающиеся выходные, каждый повод, и отмечал их открыткой, цветами или подарком, не пропустив ни разу.

– Под елкой остался один забытый подарок, – сказал он.

Элейн нахмурилась.

– Ты лучше меня.

– Возможно. – С лица Мэтью не сходила широкая улыбка. Он протянул

руку под наряженные ветки и передал жене маленькую белую коробочку, перевязанную красной лентой.

Элейн развязала ее, лента упала на пол. Неужели? Он помнил? Они не раз говорили об этом на протяжении многих лет, но Элейн всего лишь несколько месяцев назад упомянула о своем желании иметь эту вещь. Браслет с шармами был у нее в детстве, но она потеряла его на карнавале, когда ей было двенадцать лет. Она украшала тот браслет с шармами, напоминая о разных моментах ее жизни. Крошечный свадебный торт от ее бабушки, садовая лопатка от отца и половинка разбитого сердца от ее лучшей подруги Анжелы. В 1980-х годах такой браслет был почти у каждой девочки, но Элейн потеряла его на одном из аттракционов. Потом она долго искала его, но земля как будто проглотила эту вещицу, а вместе с ней и все ее детские воспоминания. Всю жизнь Элейн надеялась найти ему замену. Неужели Мэтью наконец нашел такой браслет? Неужели он об этом помнил?

Ее глаза наполнились слезами, когда она подняла крышку коробки, сняла два слоя упаковочной бумаги. И... ее сердце упало.

– Красивые, правда? – самодовольно улыбнулся Мэтью, указывая на две антикварные ручки для бюро. Он приобрел их взамен стеклянных ручек, которые дети случайно разбили несколько лет назад, когда пытались «сделать в доме ремонт» с помощью молотка, найденного в гараже.

– Да... очень, – едва выдохнула Элейн. В ее глазах стояли слезы, но она не позволила себе расплакаться и вынула одну из ручек из коробочки. – Идеально.

Мэтью легко поцеловал ее в губы, потом встал и потянулся.

– Пора выпить кофейку, – с этими словами он направился в кухню.

Элейн ненавидела себя за то, что испытывала в эту минуту. Неблагодарная. Идеалистка. Ведет себя как ребенок. Но в глубине души она понимала: внутри ее идеальной жизни, внутри ее идеального дома, внутри ее идеального брака есть какая-то трещина, которую она не может игнорировать. Она чувствовала ее в разные моменты, в серьезные и не слишком. Посмотрев на стеклянные ручки в красивой коробке, Элейн вновь ощутила ее присутствие.

* * *

Звонок в дверь раздался в четыре часа, и в суматохе рождественских хлопот и готовки Элейн почти забыла, что они пригласили гостей к обеду.

Она подняла глаза от сладкого картофеля, из которого делала пюре, когда в кухню ворвалась сияющая Элла.

– Мамочка, посмотри, кто пришел! Наши новые соседи!

Элейн слизнула каплю пюре с указательного пальца и посмотрела в прихожую, где у входной двери стояли мужчина и девочка примерно одного возраста с Эллой.

Мужчине было за сорок, он уже начинал лысеть, да и ростом был невысок. Он встретился взглядом с Элейн, она выронила толкушку.

– Позвольте, я подниму, – мужчина бросился к ней.

Они одновременно нагнулись, и их глаза снова встретились.

– Простите. – Мужчина протянул ей толкушку. – Я Чарльз.

– Ах да, вы наш новый сосед. – Элейн улыбнулась. – Добро пожаловать. Как вас называть, Чак или Чарли, или?..

– Просто Чарльз.

– Здравствуйте, просто Чарльз.

Он удивленно покачал головой.

– Забавно.

– Что именно? – спросила Элейн.

– Понимаете... – его голос прервался. – В общем, моя жена сказала то же самое, когда мы с ней познакомились.

В его голосе слышалась печаль.

– О, прошу прощения. Надеюсь, я не...

– Мы были женаты двенадцать лет, а в прошлом году она умерла, – продолжал Чарльз.

Элейн не находила слов для ответа, поэтому она просто промолчала, коснувшись рукой его руки.

– Все в порядке, – пробормотал Чарльз. – Я хорошо справляюсь.

– И я замужем двенадцать лет, – решила признаться Элейн.

Чарльз кивнул.

– Последняя годовщина была тяжелой. Мы всегда придумывали что-то неожиданное, чтобы отпраздновать этот день. Однажды я устроил для нас прогулку на воздушном шаре. За год до ее смерти я нанял струнный квартет, чтобы он исполнил серенаду под окнами офиса, где работала жена.

– Как красиво, – вздохнула Элейн. – Вы так об этом рассказываете, что я представляю себе облака и слышу музыку.

Она почувствовала зависть, вспомнив о том, что Мэтью все эти годы обычно отмечал памятные даты коробкой шоколада и красивой открыткой.

Чарльз посмотрел на миску, стоявшую перед Элейн.

– Моя бабушка обычно готовила сладкий картофель на каждое

Рождество, – с улыбкой произнес он.

– С зефиром? – уточнила Элейн.

– Без зефира это было бы преступлением. – Чарльз продолжал улыбаться.

В кухню вошел Мэтью.

– Отлично, что вы уже познакомились. Теперь мы можем открыть вино. Элейн, я говорил Чарли, что он полюбит эту улицу. Мы все здесь не прочь пропустить по стаканчику.

Элейн и Чарльз произнесли одновременно:

– Просто Чарльз.

Мэтью похлопал мужчину по спине.

– Хорошо, Чарльз, – он улыбнулся Элейн. – Она опять читала проповедь о сладком картофеле?

– Ну, я...

Мэтью усмехнулся.

– Я больше люблю пюре из обычного картофеля, – сказал он. – Но ты же знаешь поговорку: счастливая жена, счастливая жизнь, – Мэтью снова похлопал Чарльза по спине. – Так что же заставило тебя переехать в Сиэтл из Хьюстона?

Чарльз хмыкнул.

– «Майкрософт», – ответил он. – В Сиэтле много таких эмигрантов, верно?

– Точно, – согласился Мэтью. – Тогда ты выбрал нужную улицу. Отсюда тебе будет быстро и удобно добираться до работы.

Чарльз кивнул.

– Мне повезло, что я нашел этот дом. Мой риелтор сказал, что пришлось поучаствовать в аукционе.

– А нам повезло в том, что этот дом принадлежал еще дедушке моей жены, – с гордостью заявил Мэтью, обнимая Элейн за талию.

Чарльз улыбнулся.

– Наверное, приятно жить в доме с таким количеством воспоминаний.

– Полагаю, да, – несколько неуверенно согласилась с ним Элейн. – И Мэтью прав, улица у нас превосходная.

Она протянула лопатку с капелькой пюре, чтобы Элла попробовала.

– Но я была бы рада пожить в плавучем доме. – Элейн вспомнила очаровательный плавучий дом ее подруги Ло на озере Юнион.

У Чарльза загорелись глаза.

– Знаете, я всегда об этом мечтал. Люди говорят, что такой дом не подходит для детей, но я с этим не согласен.

– Спасательные жилеты, – снова в унисон произнесли Чарльз и Элейн.
В кухне повисла неловкая тишина, потом Мэтью заговорил снова:

– Чарльз, позволь мне показать тебе, как мы отделали камин прошлой осенью. Думаю, у наших домов одинаковая планировка. Ты тоже сможешь благоустроить свой дом.

Мужчины ушли в гостиную, Элла осталась стоять возле матери, потихоньку таская кусочки зефира.

– Я разрешила Хлое поиграть с моей новой куклой, – сказала она.

– Ты молодец, дорогая, – похвалила ее Элейн.

– Они милые, – продолжала Элла. – Я рада, что они сюда переехали.

Элейн посмотрела в сторону гостиной и вздохнула.

– Я тоже рада.

Глава 3

Едва я открыла глаза, из окна на меня устремился поток сияния. Накануне вечером я заснула на кушетке, и теперь Сэм сидел возле меня, высунув язык. Я потянулась, и мой взгляд упал на наполовину пустую бутылку с вином, стоящую на кофейном столике. Я встала и подошла к окну, за которым лежал покрытый снегом Сиэтл. Трое малышей с упоением лепили снеговика на углу улицы. Снежное Рождество.

Я отправилась в кухню, отправила капсулу с неспрессо в кофемашину и стала смотреть, как кофе наливается в маленькую белую чашечку для эспрессо. Сделав первый глоток, я взглянула на розовый конверт со странным посланием внутри, полученный вчера. Нашла телефон и набрала номер брата. После третьего звонка раздался его хриплый, усталый и слегка похмельный голос.

– Алло?

– Флинн, это было не смешно.

– Ты о чем? И который час?

– И тебе веселого Рождества, – раздраженно ответила я.

– Ах да, верно. И с днем рождения тебя.

– В твоей постели сейчас женщина? – спросила я.

– Разумеется, нет, – ответил Флинн, но я слышала женский голос на заднем плане.

– Я всегда знаю, когда ты лжешь, – буркнула я. – Ладно. Я говорила об открытке, которую ты мне отправил. Это не смешно. Неужели ты думаешь, что я во все это поверю? Что я пойду в квартиру, чтобы ты смог меня познакомить с одним из твоих друзей?

– Джейн, – брат сладко зевнул, – я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Я снова посмотрела на открытку.

– В самом деле? Это не ты прислал открытку?

– Нет, – ответил Флинн. – За все эти годы разве я хоть раз присылал тебе открытку с днем рождения?

– Нет, ты этого не делал.

– Что ж, с этим вопросом мы разобрались. – Он снова зевнул. – Может, заглянешь ко мне попозже?

– Не-а, меня ждут у Элейн.

– Что ж, раз ты отказываешься от семьи в Рождество и в твой день

рождения, тогда приходи хотя бы на мою новогоднюю вечеринку, – пригласил Флинн. – Обещаешь?

– Я же тебе говорила, что подумаю об этом, – улыбнулась я.

– О'кей. Теперь расскажи мне, что это за история с открыткой.

Я смотрела на указанный в ней адрес. Мейн-стрит.

– Думаю, что это пустяки, – легко произнесла я, но на самом-то деле я думала, что дело тут серьезное. Эта открытка что-то расшевелила во мне с того самого момента, как я ее увидела.

* * *

Я заехала в цветочный магазин, забрала одну из последних композиций из пионов и пуансеттий, а потом отправилась на Хэмлин-стрит. Дом, стоявший неподалеку от университета Вашингтона, принадлежал еще бабушке и бабушке Элейн. После их смерти в него переехали Элейн и Мэтью, они переделали его по своему вкусу. Дом смотрел на серую воду канала Монтлейк. Штормило.

Я припарковала машину, взяла с сиденья сумочку, бутылку вина, бумажный пакет с подарками для Джека и Эллы, подхватила цветочную композицию и посмотрела на дом. Старый колониальный особняк в голландском стиле был замечен внушительным слоем снега. На лужайке перед домом стоял снеговик, и я сразу представила, как Мэтью помогал детям лепить его. Я подумала, как повезло Элейн, что у нее такая жизнь, – идиллическая, словно на старинной гравюре.

Она встретила меня на пороге, обняла и едва не сбила с ног.

– Ты пришла! Я так рада. Я думала, что ты решишь обойтись без нас.

Я улыбнулась, протянула ей вино и цветы.

– У меня есть подарки для Эллы и Джека.

– Дорогая, это было не обязательно, но они будут рады получить подарки от тебя!

– Тетя Джейн, – пропищала Элла. Малышка обняла мои ноги, и я сразу порадовалась тому, что пришла. – У нас новые соседи, – продолжала девочка. – Идем знакомиться с ними!

Я прошла следом за Элейн и Эллой через дом на кухню, где мужчина в сером свитере стоял у плиты и помешивал соус. Элейн улыбнулась.

– Чарльз, это моя самая дорогая подруга, Джейн.

Мэтью улыбнулся.

– И она не замужем.

Элейн пихнула мужа локтем в бок.

– Чарльз, прости моего мужа. Он всегда пытается пристроить одиноких друзей.

Мы с Чарльзом обменялись понимающими улыбками.

– Рад познакомиться с вами, Джейн, – произнес он.

Рядом с ним стояла маленькая девочка, но прежде чем Чарльз успел ее представить, это сделала Элла.

– А это моя новая подруга – Хлоя. Она только что переехала на нашу улицу, и мы с ней будем дружить.

– Замечательно, – порадовалась я и отвернулась от Чарльза. Я наблюдала, как Элейн принялась колдовать над соусом, который размешивал Чарльз, а потом попробовала смесь.

– Нужно добавить еще соли, – вынесла она вердикт, и мужчина тут же передал ей солонку, которую увидел на столе.

У меня перед глазами снова появился туман, и я уже не видела ни Элейн, ни Чарльза. Я отругала себя за лишний бокал вина, выпитый накануне вечером. Но когда Элейн открыла бутылку, которую я принесла с собой, и налила мне вина, я с удовольствием выпила его.

– С тобой все в порядке, дорогая? – спросила Элейн.

– Да, – быстро ответила я. – С глазами опять проблемы, только и всего.

– Сегодня у Джейн день рождения, – объявил Мэтью Чарльзу.

– С днем рождения, – вежливо поздравил он. – Один из моих лучших друзей родился в Рождество. Вы особенные люди.

Он говорил, но не смотрел на меня. Его глаза не отрывались от Элейн, и я видела, что глаза моей подруги светятся так, как я не видела уже очень давно. Она прислонилась к рабочему столу и теребила свой белый фартук, на котором сохранились пятна от многочисленных блюд, приготовленных ею в прошлом.

Мэтью обнял жену за талию и указал на коричневый бумажный пакет на столе в центре кухни.

– Мне пришлось обойти три магазина, пока я нашел муку, которая тебе нравится, – сказал он.

– Ты мой король Артур, – оценила его поступок Элейн, выгружая муку из пакета. – Мэтью знает, что из другой муки я печь не буду.

Я задумалась о деталях брака. Тысячи крошечных фактов, из которых состоит жизнь с другим человеком. У людей уходит целая жизнь, чтобы разобраться в нюансах. Марка муки, или зубной пасты, или мешков для мусора (с завязками или нет), радиостанция в машине. Место на диване, на котором один из двоих чувствует себя уютнее. Мелочи любви, ее мелкий

шрифт. Судя по всему, Элейн и Мэтью отлично овладели этим языком деталей.

Элейн бросила взгляд на часы, висевшие на стене кухни.

– Если мне удастся сейчас приготовить тесто для кекса и поставить его в печь, то в пять мы сможем попробовать это блюдо.

Я уселась на барный табурет рядом с Мэтью. Элла и ее новая подружка Хлоя отправились в гостиную, и Мэтью с гордостью посмотрел на жену.

– Элейн готовит знаменитый кекс с оливковым маслом ее бабушки, – объяснил он нам с Чарльзом.

– Должна признать, что вкус у него специфический, – сказала Элейн, – и я не обижусь, если никто не будет его есть. Бабушка пекла этот кекс на каждое Рождество, задолго до того, как выпечка на оливковом масле вошла в моду. Она и сама в детстве получала его на каждое Рождество. Знаешь, какой в нем секретный ингредиент?

Я покачала головой.

– Цитрусы! – объявила Элейн. – Можно класть любой цитрус, но бабушка предпочитала красные апельсины-корольки.

– Мне нравится этот сорт, – сказала я. – У них такой роскошный цвет.

Мэтью улыбнулся Чарльзу.

– А что вы думаете о корольках, сэр?

Было до боли очевидно, что он пытается вовлечь нас обоих в разговор. Но если Чарльз об этом и догадывался, то виду не подавал. Он неожиданно поднял глаза на Элейн и спросил:

– Твоя бабушка была родом с Сицилии?

– Да, – с некоторым удивлением ответила она.

– Моя бабушка тоже оттуда, – сказал Чарльз. – Я ни разу в жизни не встречал человека, который хранил бы эту традицию, за исключением моей матери.

Элейн на мгновение лишилась дара речи, но потом все-таки сумела взять себя в руки.

– Что ж, отлично, – наконец произнесла она. – Ты можешь помочь мне выжать из апельсинов сок.

* * *

После того, как обед был съеден и от десертов не осталось ни крошки, Чарльз и Хлоя пожелали нам хорошего вечера и ушли. Мэтью отправился с

детьми в подвал смотреть фильм. Мы с Элейн заново наполнили бокалы вином и уселись на диване у огня в гостиной, где стояла елка.

– Как, по-твоему, это было приятное Рождество? – спросила Элейн, глядя на языки пламени, танцующие перед нами в камине.

– Это было прекрасное Рождество, – ответила я. – Ты сделала его таким.

Моя подруга переменяла позу, отпила еще глоток вина, потом повернулась ко мне.

– Знаешь, ты везучая.

– Я? – Мне стало смешно. – Едва ли. Вот тебе действительно повезло. Элейн покачала головой.

– Джейн, у тебя вся жизнь впереди, и ты можешь сделать с ней все, что захочешь.

Я сморщила нос.

– К тебе это тоже относится. Ты всего на год старше меня.

– Нет, – возразила Элейн. – Я говорю не о возрасте. Я говорю о разнице между замужеством и детьми и возможностями свободной женщины.

Я кивнула и повернулась к огню. Странно было слышать от Элейн такие слова. Ведь я давно считала ее жизнь воплощением совершенства, таким пунктом назначения на дороге к счастью. Дом. Муж. Дети. Жизнь. У нее все это было.

Я коснулась рукой ее плеча.

– В чем дело, дорогая? – спросила я. – Расскажи мне.

Элейн долго молчала, потом вытерла слезинку, взяла с кофейного столика белую коробочку и протянула мне. Я открыла ее и увидела две сверкающие стеклянные ручки, старинные, какие бывают на антикварных туалетных столиках.

– Мэтью подарил мне это на нашу годовщину, – сказала Элейн.

– Что ж, они красивые.

– Ручки, Джейн. Ручки!

Я подумала, что упускаю какую-то важную деталь.

– А... что-то не так с ручками?

Элейн покачала головой.

– С ними все в порядке и не в порядке.

Я понимающе кивнула. Ей незачем было объяснять дальше.

Элейн снова вытерла слезы.

– Ты только посмотри, какой плаксой я стала, – она повернулась ко мне с вымученной улыбкой. – Ненавижу себя за то, что так веду себя в

Рождество.

– Представь, что кроме всего прочего это был бы еще и день твоего рождения, – я слегка сжала ее руку.

– Я превратилась бы в развалину.

– Но с тобой этого не случилось, – ответила я.

Элейн кивнула и снова повернулась к камину. Мы сидели молча и смотрели, как трещат и шипят поленья, охваченные пламенем.

* * *

Когда на другое утро я вошла в цветочный магазин, Ло стояла за прилавком.

– Доброе утро, – жизнерадостно приветствовала она меня. – Как я вижу, ты сумела пережить очередной день рождения.

– Ты права, – сказала я, вешая куртку на крючок в задней комнате. Сумочку я положила под прилавок. – Как твое свидание?

– Хорошо, – ответила Ло. – Шампанское «Дом Периньон» с Лорном.

Я подняла брови.

– Лорн? Кто-то новенький?

– Да, он инвестиционный банкир днем и непризнанный поэт по вечерам, – голос моей подруги звучал мечтательно. – Пожалуй, он мне нравится.

Я фыркнула от смеха и повернулась к компьютеру, чтобы посмотреть на поступившие заказы.

– На первом свидании мужчина тебе всегда нравится.

– Разумеется, – парировала Ло. – Они выдыхаются после третьего свидания. И мне становится скучно.

– Ты ведешь себя, как мужчина. Ты знаешь об этом?

Ло пожала плечами.

– Ну и что? Женщинам пошло бы только на пользу, если бы они вели себя, как мужчины.

Иногда меня восхищало отношение Ло к любви, но я переживала за нее и гадала, не слишком ли она увлеклась игрой в надежде стать когда-нибудь счастливой. Я вздохнула, сунула руку в карман джинсов за резинкой, чтобы собрать волосы в конский хвост. Тут-то я и наткнулась на странную поздравительную открытку. Я специально захватила ее с собой, чтобы показать Ло.

– Слушай, – я повернулась к ней, – не могла бы ты оказать мне услугу

и прочитать вот это? Я понятия не имею, от кого эта открытка. Уж и не знаю, может, меня кто-нибудь разыгрывает.

Ло взяла открытку и прочитала ее.

– Таких поздравительных открыток мне еще видеть не доводилось, – сказала она.

– Я знаю. И что ты скажешь?

– Почерк почему-то кажется знакомым. – Ло задумалась. – Он напоминает мне о парне, с которым я встречалась в прошлом году. Его звали Тристан. У него был удивительно красивый почерк.

Я округлила глаза.

– То есть ты хочешь сказать, что эта открытка от Тристана?

– Нет. И потом, я бы никогда не позволила тебе с ним встречаться. Он был настоящий Нарцисс. И знаешь, как я это поняла?

Я улыбнулась ей.

– Как же?

– По списку запланированных покупок, – уверенно ответила Ло.

– Список покупок?

– Да, – подтвердила она. – Нарцисса сразу можно вычислить по тому, сколько бумаги он покупает.

– Бумаги?

– Да. Бумажные полотенца, бумажные салфетки, упаковки бумажных носовых платков.

– Ло, ты, должно быть, шутишь, – со смехом сказала я. – Это лишено всякого смысла.

– Поверь мне, это верный признак. Об этом говорилось в одном исследовании. Серьезно, этот парень использовал рулон бумажных полотенец за день. – Ло покачала головой, вспоминая об их знакомстве. – И потом, он писал эти списки своим великолепным почерком. Жаль, что у него не оказалось такого же великолепного сердца в придачу. Так всегда бывает. – Она снова посмотрела на открытку. – Я не знаю, но, пожалуй, стоит все выяснить. Может быть...

– Может быть что?

Ло пожала плечами.

– Может быть, у тебя и в самом деле есть какие-то невероятные способности.

Ее глаза засияли.

– А что, если ты умеешь путешествовать во времени?

Я хмыкнула.

– Только подумай, – продолжала Ло, – ты могла бы взять меня с собой

в 2004 год, к тому ослу, который разбил мое сердце. Только на этот раз я не позволила бы ему разбивать мне сердце, я сама разбила бы ему сердце...

Джед Харрисон. Точно. Тот самый человек, из-за которого Ло, возможно, и стала такой, какой была теперь. Она любила его и даже хотела выйти за него замуж. Оказалось, что он уже был обручен с красавицей – дочкой короля недвижимости из Сиэтла. В конце концов, и его любовь стала деловой сделкой. И Ло получила отставку.

– Должна признаться, мне и самой любопытно узнать, что может мне сказать эта женщина, – сказала я.

– Так пойди и проверь, – предложила Ло. – Если хочешь, я могу пойти с тобой, просто чтобы убедиться, что в этом нет никакого подвоха, что тебя не похитят и не отправят в какую-нибудь далекую страну в гарем к шейху.

– К шейху, значит? – Я улыбнулась.

Ло кивнула.

– Ты никогда не слышала о сапиосексуалах?

– Сапио... Как ты сказала?

– Сапиосексуал, – повторила Ло. – Это человек, которого привлекает ум, человеческий разум, интеллект. – Она улыбнулась краешком губ. – Эван называет себя сапиосексуалом. И мне поначалу стало немного скучно. То есть получается, что физически его ко мне не влечет? Но чем больше я об этом думаю, тем лучше понимаю, что это был комплимент. Если бы я писала книгу о свиданиях, думаю, этот опыт я бы в нее включила.

– Ты обязательно напишешь книгу о свиданиях, – сказала я, распечатывая тридцать три новых заказа.

Ло просияла, посмотрев на часы.

– Вот что, давай-ка покончим с работой, а потом отправимся на свидание с этой загадочной женщиной, написавшей тебе открытку. Что скажешь?

– Возможно, – пробормотала я, глядя на розовый конверт на прилавке. От него невозможно было отвлечься, и я почему-то знала, как должна поступить.

* * *

Старое кирпичное здание с улицы выглядело не слишком привлекательно. Я снова посмотрела на открытку, чтобы проверить, не перепутала ли я адрес. Здание «Уолдрон», квартира 17.

– Не знаю, Ло, – с сомнением сказала я. – Думаю, нам не стоит

заходить.

– Теперь я ни за что не отступлю, – ответила она. В этот момент мимо нас проходил попрошайка и что-то пробормотал, обращаясь к нам. Ло отмахнулась от него рукой с безупречным маникюром. – Я сгораю от любопытства. Мне хочется выяснить, что за всем этим скрывается.

Я оглядела Мейн-стрит. Пайонир-сквер выглядит гораздо более старым, чем Пайк-плейс, но если вы хотите почувствовать вкус старого Сиэтла, то вам, на Мейн-стрит с ее старинными уличными фонарями и туристами, готовыми совершить экскурсию по некогда полному жизни подземному городу.

– А что если это всего лишь розыгрыш?

Ло округлила глаза.

– Тогда мы сразу же уйдем.

– Ладно, – неохотно согласилась я и подошла к двойным дверям здания, украшенным медными накладками, сохранившимися с 1920-х годов. Открывая дверь, я сразу представила себе стайки эмансипе и нарушителей «сухого закона», переступавших через этот порог. В вестибюле пахло духами и плесенью. Я посмотрела на список жильцов на стене и увидела имя Колетт Дюбуа рядом с квартирой номер 17.

Лифт остановился перед нами, двери разъехались в стороны, мы вошли в кабину.

– Знаешь, это просто безумие, – сказала я Ло. У меня вспотели ладони.

– Не бойся, – улыбнулась она. – Мы зайдем на минутку, оглядимся и быстро уйдем, если нам что-то не понравится. Вошли и вышли, о'кей?

– О'кей, – вздохнула я, вот только я совершенно не чувствовала себя о'кей. Мне было страшно и тревожно. Вполне вероятно, сейчас расскажут обо мне то, чего я сама о себе не знаю. Или, того хуже, все это окажется жестокой шуткой.

Оказавшись на пятом этаже, мы прошли по длинному коридору, пока не оказались перед деревянной дверью с изысканной резьбой и изогнутыми медными цифрами 1 и 7. Я негромко постучала. Мне никто не ответил, тогда я постучала громче. За дверью раздались шаги, и мое сердце забилось быстрее.

Повернулась ручка, скрипнули петли. Поток наполненного благовониями воздуха вырвался в коридор, когда перед нами предстала худая женщина с седыми волосами, собранными на затылке в пучок. Когда ее глаза встретились с моими, суровое выражение лица сменилось улыбкой.

– Ах, это ты, Джейн, – произнесла она с сильным акцентом, который я сразу определила как французский. – Я так рада, что ты пришла. Входите,

пожалуйста.

Ло вошла следом за мной в квартиру, которая выглядела так, как будто мы оказались в Париже 1890-х годов. Тяжелые шторы из синего бархата не позволяли свету проникнуть через высокие стеклянные окна. В старинных шкафах выстроились безделушки, от фарфоровых балерин до ваз, расписанных сложными узорами. Книжные шкафы от пола до потолка полностью занимали стену справа. Стремянка на роликах позволяла добраться до самых верхних полок.

– Прошу вас, садитесь, – сказала Колетт, указывая на диван, обитый бархатом цвета индиго, с потертыми подушками. – Я приготовлю чай.

Мы с Ло сидели молча, пока она не толкнула меня локтем.

– У меня такое ощущение, будто мы попали в фильм.

– Согласна, – шепнула я. – У меня такое же чувство.

Вернулась Колетт с подносом, на котором стоял дымящийся чайник с чаем и три чашки. Она поставила поднос на кофейный столик, села в кресло напротив нас и сложила руки на коленях.

– Рада видеть тебя, Джейн, – после этих слов Колетт повернулась к Ло. – И кто же тебя сопровождает?

– Это моя подруга Ло, – ответила я, наливая чай Ло и себе. – Я...

– Я рада, что она составила тебе компанию. – Улыбка Колетт увяла. Она посмотрела на Ло, потом снова на меня. – Тебе нужен человек, с которым ты могла бы поговорить.

– Поговорить?

Колетт кивнула.

– Но я обязана спросить. Ты доверяешь ей?

– Разумеется, я ей доверяю, – я говорила так, словно защищалась. – Ло моя давняя подруга.

– Хорошо, – старая женщина удовлетворенно кивнула. – Тогда она должна поклясться, что никогда и никому не скажет того, что услышит сегодня.

Я посмотрела на Ло и с трудом сглотнула. Прежде чем я открыла рот, она поклялась:

– Будь я проклята, если проговорюсь.

При этом Ло подмигнула.

Колетт поджала губы.

– Что ж, ладно, – сказала она. – Джейн, я уверена, что тебе не терпится узнать, почему я прислала тебе такую поздравительную открытку и пригласила тебя сюда.

Я робко улыбнулась.

- Должна признаться, что я несколько смущена.
- И, вероятно, относишься ко всему скептически, – добавила Колетт.
- Честно говоря, да.

– Понимаю. Я отреагировала так же, когда была в твоём возрасте. Но, Джейн, ты должна выслушать то, что я собираюсь сказать тебе, и принять.

Я посмотрела на Ло, которая слушала очень внимательно, потом снова на Колетт.

- И все это, если я соглашусь на ваши условия? – уточнила я.

Колетт встала, подошла к книжному шкафу у дальней стены. Она передвинула стремянку к центру шкафа, поднялась по ней, сняла с самой верхней полки книгу и вернулась к своему креслу.

У нее в руках было старинное издание в кожаном переплете, выгоревшем на солнце. Корешок выглядел потрепанным, по краю расплылось пятно.

– Я расскажу вам историю, – начала Колетт. – Все началось в Париже в 1893 году. – Она сделала паузу и открыла книгу на первой странице. – Там жила бедная, но красивая девушка по имени Элоди. Она торговала цветами на улице в фешенебельном квартале Парижа. Ее тележка стояла напротив дома Люка и Марселины Дюмон, графа и графини Овернских. Марселина отчаянно ревновала Люка, потому что ее муж влюбился в молоденькую цветочницу. Он осыпал ее подарками – меха, драгоценности, – и делал он это на виду у своей жены. Когда Марселина поняла, что Элоди ответила на любовь графа, ее гнев не знал границ, но не потому, что она любила Люка. Нет. На самом деле в сердце Марселины было мало любви. Ее брак был всего лишь деловой сделкой между двумя богатыми парижскими семьями. И все же она ревновала. Однажды на маскараде, куда Элоди должна была прийти по приглашению Люка, Марселина отомстила сопернице. У нее в услужении был один цыган, которого в определенных кругах считали колдуном, способным насладиться на человека паралич, сифилис, слепоту или глухоту. Цыган пришел на бал в костюме. Марселина щедро заплатила ему за то, чтобы он причинил вред Элоди. Но когда колдун коснулся ее руки во время танца, он почувствовал незримое присутствие странной и неизвестной силы. Цыган ощутил ауру любви такой мощи, что услышал пение тысячи детей и шепот любви всего города. Стоя рядом с Элоди, он понял, что она источает любовь, огромную любовь.

Я подвинулась к краю дивана.

- Так он сумел заколдовать ее?

Колетт покачала головой.

- Нет, он не смог этого сделать. Колдун не смог себя заставить

совершить этот шаг. Элоди была словно роза, воплощенное совершенство, и он не нашел в себе сил проклясть ее. Он поступил иначе.

Я нахмурилась.

– Иначе?

– Цыган наградил Элоди даром.

Я посмотрела на Ло, потом снова на Колетт.

– Он наградил ее даром видеть любовь. С той минуты Элоди могла зайти в комнату или в переполненное кафе и сразу увидеть любовь во всей ее правде и красоте.

Колетт долго смотрела на меня, и я почувствовала, как по моим рукам и спине побежали мурашки.

– У меня тоже есть этот дар, дорогая, – продолжала Колетт. – И у тебя. Дар был передан мне, а я передала его тебе в тот день, когда ты родилась в Шведском госпитале.

Я испугалась.

– Вы принесли зеленый букет. Моя мама помнила вас до дня своей смерти.

– Да. Этот цвет – наследство Элоди. Ее история – это твоя история, и это моя история.

Я покачала головой.

– Я ничего не знаю о любви.

Глаза Колетт встретились с моими и цепко удерживали взгляд.

– Это не так. Это знание в тебе с самого рождения. И ты обязана выполнить определенные условия до твоего тридцатилетия или...

Ее голос прервался.

– Или что? Я превращусь в тыкву?

Колетт положила руку на старинную книгу.

– В этой книге многовековые записи. Когда цыган передал дар Элоди, она была обязана пройти важное испытание, прежде чем вступить во владение этим даром. Чтобы сохранить любовь в своей жизни и видеть ее в жизни других, Элоди предстояло определить шесть типов любви.

– Шесть типов любви?

Колетт кивнула.

– Возможно, ты уже о них знаешь. В шестидесятых годах одна неразумная женщина с нашим даром скопировала одну из страниц книги. В семидесятых годах эта копия попала в руки именитому психологу, и он написал на эту тему бестселлер.

Ло прокашлялась.

– Я слышала об этой книге, – сказала она. – Она называется «Цвета

любви», верно?

– Да. – Колетт перевернула страницу старинной книги. – Но людям не известно, что замысел этой книги подсказали вот эти страницы, на которых описаны шесть типов любви.

Она немного помолчала.

– Ты распознала истинную любовь в своей жизни, Джейн?

– Это личный вопрос, и я не знаю, как на него ответить, – ответила я.

Колетт поставила чашку с чаем на кофейный столик.

– Я хотела спросить, видела ли ты любовь в людях, которые близки тебе. Если так, то ты не могла не заметить ее признаков.

Когда я осознала сказанное Колетт, мое сердце забилося чаще. Я сама никогда не влюблялась по-настоящему. Но видела ли я любовь в других? Я постаралась вспомнить, как моя бабушка говорила о дедушке, который умер, когда мне едва исполнилось три года. Она обычно с тоской смотрела на небо и говорила: «Скучаю я по своему парню». А потом я вспомнила мою покойную маму и отца, который ушел от нас, когда я была еще совсем маленькой, поэтому я толком и вспомнить его не могла. Их любовь была сильной и глубокой. Он исполнял для нее серенады, подыгрывая себе на мандолине, стоя под окнами ее квартиры теплыми ночами. Мама много раз рассказывала эту историю, особенно после второго бокала вина. Воспоминания об их любви никогда не прекращали будоражить ее. Они не отпускали маму. И она их не отпускала.

Я повернулась к Колетт и взглядела в ее лицо.

– Как я могу быть уверенной, что видела любовь, если все любят по-разному?

– Ах, моя дорогая, ты права, – ответила она. – Нет одной формы любви. Этих форм шесть, и между ними существует еще множество оттенков.

– «Пятьдесят оттенков любви», – фыркнула Ло.

Я с досадой посмотрела на нее.

– Подождите... Этот дар, которым, по вашим словам, мы обладаем. И вы говорите, что мы не одни такие?

– Да, – подтвердила Колетт. – Нас всего четырнадцать.

– Но как они?.. Что они?..

– Как закончились их истории, это ты хочешь узнать? – Старая женщина кивнула будто бы своим мыслям. В ее глазах появилось сожаление. – Некоторые выполнили свое предназначение, поэтому вели ту жизнь, которая приносила им удовлетворение и радость. Другие этого не сделали. И я не хочу такой участи для тебя, Джейн. Я хочу, чтобы и ты

испытала любовь, которую ты видишь в жизни других людей. Я хочу, чтобы ты пережила это сама.

Я покачала головой.

– Но это не так, – возразила я. – Я не могу *видеть* любовь.

– Конечно же, ты это можешь, дорогая, – улыбнулась Колетт. – С самого детства твое зрение временами тебя подводит, не так ли?

– Ну да, – согласилась я. – Но у меня опухоль на глазном нерве. Я хожу к неврологу с раннего детства, и врачи уверены, что близки к пониманию причины этого дефекта.

– Это и есть твой дар, – убежденно сказала Колетт, – а не неврологическое заболевание.

Я судорожно глотнула.

– Мне неприятно разочаровывать вас, но мое зрение ухудшается вследствие медицинской аномалии, а не по романтическим причинам.

– Опиши мне то, что с тобой происходит в такие моменты, – попросила Колетт. – Что именно происходит и когда?

Я взглянула на Ло, потом перевела взгляд на Колетт.

– Это случается всю мою жизнь. Я долго думала, что в этом ничего особенного нет и у всех время от времени перед глазами появляется туман. Это беспокоило маму, и она водила меня от одного специалиста к другому. Врачи считали, что виной всему тревога или еще какие-то психологические причины, потому что зрение подводило меня только в присутствии других людей. Этого никогда не случалось, когда я находилась одна. Моя голубоглазая мама пыталась развеселить меня, утверждая, что всему виной мои зеленые глаза. Глаз такого цвета больше ни у кого в семье не было. «Твои глаза похожи на яркие зеленые гладиолусы, – обычно говорила она. – У этих цветов есть и тайное название – лилия-меч, потому что они способны пронзать сердца».

Я снова посмотрела на Колетт.

– У вас тоже зеленые глаза, – удивленно произнесла я.

– Верно. – Колетт сначала улыбнулась и только потом продолжила:

– У всех женщин, обладающих нашим даром, такие глаза.

Я недоверчиво покачала головой.

– Расскажи мне подробнее о том, в какие именно моменты у тебя перед глазами появляется туман, – попросила Колетт.

– Это всегда случается неожиданно, – начала рассказывать я. – Я могу идти по улице, или разговаривать с друзьями, или разглядывать толпу, как вдруг перед моими глазами появляется облако. Многие годы врачи говорили мне, что у меня глазная мигрень. Иногда у меня одновременно

начинала болеть голова, но чаще всего это просто туман перед глазами. Порой к нему присоединялось сильное давление изнутри. Это трудно объяснить.

Колетт кивнула.

– И когда это случилось в последний раз?

Я на мгновение задумалась.

– Вчера, в доме моей подруги Элейн и ее мужа Мэтью.

– Ага, – понимающе кивнула Колетт. – И это случилось в тот момент, когда они были вместе?

– Нет. – Я задумалась, вспоминая Элейн, которая готовила рождественский обед в своей кухне. – Она делала пюре из сладкого картофеля и разговаривала с новым соседом. Его зовут... Чарльз.

И в эту секунду я вспомнила тот взгляд, которым они обменялись.

Колетт сцепила пальцы на коленях.

– Теперь ты понимаешь, почему наш дар связан с огромной ответственностью.

Я потрянула головой.

– Вы же не намекаете на то, что Элейн *влюблена* в своего соседа? Потому что вы ошибаетесь. Они познакомились только вчера. Элейн и Мэтью до такой степени счастливы в браке, что у некоторых это даже вызывает тошноту.

– Наше зрение никогда не лжет, – твердо сказала Колетт. Ее зеленые глаза сверкнули. Они были более глубокого и насыщенного оттенка, чем мои, напоминая цветом изумруд. – То, что ты увидела вчера, правда, как бы тяжело ни было в это поверить.

Я крепко зажмурилась, потом снова открыла глаза.

– Трудно поверить? – повторила я. – Практически невозможно.

– Сама любовь, дорогая, не отличается благоразумием, – продолжала Колетт. – Она по природе своей такова, что всегда путает карты. Почему, к примеру, граф влюбился в цветочницу? Или явно счастливая в браке женщина вдруг почувствовала, что ее тянет к едва знакомому человеку в Рождество на ее же собственной кухне? Любовь не всегда логична, но когда ты ее видишь, не узнать любовь невозможно. Джейн, мы можем *видеть* ее.

На меня нахлынули воспоминания: облако перед глазами, улыбающиеся лица, МРТ, уколы, очки с толстыми стеклами и лекарства. Я снова слышала голос доктора Хеллер: «Ты особенная, Джейн. Я никогда не видела ничего подобного в моей практике».

Я глубоко вздохнула.

– Тебе потребуется время, чтобы это осознать, – сказала Колетт. –

Сейчас ты в таком же шоке, в каком была я, когда впервые узнала о моем даре. Но я умоляю тебя постараться понять меня сегодня, потому что от этого зависит твое собственное счастье.

Она вернулась к книге и перелистала несколько страниц.

– Здесь все объясняется. До заката в твой тридцатый день рождения тебе следует определить шесть типов любви. Ты должна увидеть их и записать имена двух людей, а также их историю, для каждой категории. Или...

Голос Колетт прервался. И в эту минуту тишины я почувствовала, как сжалось мое сердце. Что заставило его сжаться? Правда? Понимание?

– Видишь ли, Джейн, если тебе не удастся это сделать, то ты потеряешь способность любить сама. А жизнь без любви... – Колетт замолчала и протянула мне книгу. Она пристально посмотрела на меня. – Жизнь без любви – это, пожалуй, самая худшая судьба из всех, Джейн. Не имеет значения, как ты относишься к нашей встрече, веришь мне сейчас или нет, обещай мне хотя бы подумать о том, о чем мы сегодня говорили. Эрос, Людус, Сторге, Прагма, Мания и Агапе^[1]. Ты должна найти их. Ты не имеешь права отказаться. Дай мне слово, что ты не откажешься.

Я застыла на месте, поэтому Ло взяла у Колетт книгу и кивнула.

– Не беспокойтесь, – сказала моя подруга. – Я прослежу за тем, чтобы она все сделала.

– Спасибо. – Колетт встала. Мы прошли следом за ней к двери, сняли с вешалки свои пальто. Я заметила возле двери старую цветочную тележку. Такие можно было увидеть в Париже в XIX веке, наполненные ландышами и крупными белыми пионами.

Я протянула руку за книгой, которую держала Ло.

– После того как я... гм... выполню свое задание и запишу имена в книгу, что мне с ней делать?

– Ты будешь ее хранить, – объяснила Колетт, – пока не настанет пора сообщить следующей женщине о ее даре.

– Следующей женщине? Но как я ее найду?

Губы Колетт тронула улыбка.

– В тот день, когда родится эта девочка, ты сразу об этом *узнаешь*. Никаких догадок, никаких сомнений, ты просто будешь это знать, и все. Это случится до заката в день твоего рождения. К этому времени круг уже будет завершен.

Я потянулась к ручке входной двери, но обернулась и еще раз посмотрела на Колетт.

– Послушайте, – сказала я, – я для вас чужая. Почему для вас так

важно, чтобы я справилась с заданием? Какое значение это имеет для вас?

Старая женщина снова едва заметно улыбнулась.

– Мы сестры, дорогая. Мы видим в мире, где все слепы.

Колетт коснулась моей руки.

– Неудача не для тебя.

Глава 4

– Чем мы можем вам помочь? – спросила Ло привлекательного мужчину в мягкой шляпе с продольной вмятиной и хорошо сшитом костюме в полоску, вошедшего в цветочный магазин. Она обращалась с покупателями-мужчинами с невероятной ловкостью. К тому моменту, когда они готовы сделать покупку, эти мужчины либо уже просят у нее номер телефона, либо очарованы до такой степени, что купят все, предложенное Ло.

– У меня проблема, – ответил мужчина.

Ло ослепительно улыбнулась.

– Нет ничего, что нельзя было бы исправить с помощью букета цветов.

– Именно на это я надеюсь. – Он склонил голову к плечу и с некоторой игривостью посмотрел на Ло. – Дело вот в чем. Я разбил женщине сердце, а теперь я хочу его починить.

– Починить ее сердце? – я услышала сарказм в голосе Ло. Мужчина ей не нравился. Ни капельки. – Могу ли я узнать, насколько серьезно было повреждено сердце?

– Очень сильно, – ответил мужчина. – Послушайте, мне нечем гордиться. Я ей изменил.

При этих словах я прикусила губу. Меня не переставало удивлять, с какой легкостью мужчины признаются в своих грехах цветочницам, как будто мы психотерапевты. Один взмах розой, и они выкладывают все свои тайны.

– Понятно. – Ло сделала несколько осторожных шагов к холодильнику, в котором мы держали букеты, нравившиеся определенной категории людей. Это были нежные сочетания розовых роз, метельчатой гипсофилы и нескольких гвоздик для гармонии. Вы можете быть сколь угодно изобретательны и креативны в цветочных аранжировках, но некоторым покупателям нужен скучный вариант.

– И вы ищете цветы, которые говорят: «Я люблю тебя. Прости меня. Прими меня обратно», – продолжала Ло.

– Да, – ответил мужчина, глядя на мою подругу такими глазами, словно она была прорицательницей. – Именно так.

– Что ж. – Ло открыла дверцу одного из холодильников. – Тогда я предложу вам розовые розы в сочетании с большим количеством гипсофилы.

Я поморщилась, когда она потянулась к вазе с цветами.

– Идеальный вариант, – обрадовался покупатель.

– Вот и хорошо, – губы Ло скривились в улыбке.

Пока она пробивала чек, вошел еще один покупатель, тот самый загорелый сорокалетний мужчина, который заходил перед Рождеством.

– Тебе нужна моя помощь? – спросила я Ло, поднявшую голову и встретившуюся с ним взглядом.

– Нет. – Она упорно смотрела вперед. – У тебя много дел с бумагами, и потом, тебе вот-вот нужно будет пойти в парикмахерскую, верно?

Я кивнула.

– Я сама им займусь, – сказала Ло, когда мистер Изменщик направился к двери.

Я заметила, как покачиваются ее бедра, когда она подошла к загорелому мужчине. Ло профессионал в любовной игре, и мне нравится наблюдать за ней, даже если я не всегда одобряю ее тактику.

– И снова здравствуйте, – улыбнулась Ло, убирая за ухо прядь волос.

Мужчина почесал голову, на его руке ярко сверкнуло золотое обручальное кольцо. *Нет, Ло, не надо.*

– Мне нужно что-нибудь простое, – сказал он. – Может быть, пионы. И несколько фрезий...

Мужчины редко знают такие цветы, как пионы, поэтому я знала, что ему удалось произвести впечатление на Ло.

– И по какому же поводу такой букет? – спросила она, явно выведывая намерения покупателя.

Мужчина потер лоб.

– Ну, это для одного очень важного для меня человека.

– Женщина вашей жизни? – Ло отошла к прилавку.

– Да.

– Это ваша жена?

Он замялся. Потом покачал головой.

– У нас с женой сейчас сложный период. Но эти цветы для моей матери. Завтра у нее была бы годовщина свадьбы, только мой отец в прошлом году умер.

– Мне очень жаль, – сказала Ло, – и по поводу вашей жены тоже.

Но в ее голосе к концу фразы уже не было искреннего сожаления, только любопытство.

– Вы с ней расстались? – продолжала Ло.

– Все к этому идет, – мужчина покачал головой. – То есть... вы позволите быть с вами откровенным?

Ло кивнула с жадным вниманием.

– Я пытаюсь делать все, что обычно делает человек, пытающийся сохранить брак, но... – он снова потер лоб, – я не могу понять, лежит ли у меня к этому сердце.

Покупатель вздохнул.

– Звучит, наверное, ужасно.

Ло положила руку на рукав его пиджака.

– Или честно, – сказала она.

– Спасибо. – Мужчина просиял. – Думаю, у каждого из нас своя правда, ведь так?

Ло кивнула.

– Я сама всегда так говорю.

Покупатель улыбнулся.

– И вот вы пришли в цветочный магазин, – продолжала Ло.

Он огляделся по сторонам.

– Да, я здесь. Опять, – мужчина улыбнулся. – Меня зовут Грант.

– А я Ло, – она протянула руку.

И в эту минуту перед моими глазами появилось облако, и я потеряла глаза, как делала это всегда. Но на этот раз по моим рукам побежали мурашки, потому что я *знала*.

Ло создала великолепный букет – пионы, гиацинты и зелень в квадратной вазе – поставила его на прилавок и вместе с покупателем залюбовалась им.

– Знаете, – смело сказала она, – жизнь слишком коротка, чтобы не быть счастливым.

– Я знаю, – ответил мужчина. – Сейчас я очень хорошо это понимаю.

Ло фыркнула.

– И что же вы собираетесь делать?

Я метнула на нее взгляд. Ло может сказать все что угодно, но мне не всегда нравится, когда она излишне прямолинейна с нашими покупателями.

Грант смотрел на огромную композицию на столе в центре магазина. В керамической вазе диаметром с достойное вишневое дерево стояли белые и розовые розы, левкой, фрезии, каллы и веточки ирландских колокольчиков для большего эффекта. Следуя традициям моей бабушки, мы каждые несколько дней создавали что-нибудь новое и огромное. Иногда кто-нибудь покупал такую композицию, иногда нет. Но бабушке всегда нравилось входить в магазин и видеть такое великолепие, и в этом я была с ней согласна.

Глаза Гранта на мгновение загорелись.

– А это, случайно, не продается? – спросил он, указывая на большую композицию.

– Продается, – Ло смутилась. – Если вы предпочитаете приобрести именно этот букет для...

– Я возьму это, – объявил Грант, подходя к центральному столу и поднимая вазу. Цветы частично закрыли его лицо. – Я покупаю обе композиции.

– У вас великолепный вкус. – Ло просияла и взяла его кредитку.

– Пообедайте со мной, – неожиданно сказал Грант. – В понедельник вечером.

Ло посмотрела на меня, потом снова на Гранта.

– Да, – решительно произнесла она. – Да, я пообедаю с вами.

– Отлично, – Грант широко улыбнулся. – Тогда я заеду за вами сюда около шести, хорошо?

– Да, заезжайте и заберите меня, – Ло уже откровенно флиртowała.

Грант направился к двери, потом обернулся и улыбнулся.

– Тогда до скорой встречи.

Ло посмотрела на огромную композицию на прилавке, которую мужчина как будто забыл.

– Подождите минуту, – окликнула она его. – Вы забыли этот букет.

Грант снова обернулся:

– Это для вас.

Как только за ним закрылась дверь, я повернулась к Ло.

– Что это сейчас было?

Ее улыбка оказалась заразительной, и я почувствовала, как приподнялись уголки моих губ, когда я смотрела на подругу, не сводившую глаз с роскошных цветов.

– Удивительный человек пригласил меня на свидание, вот что это было. – Ло подняла на меня глаза.

– Дорогая, он женат. Не стоит с ним встречаться.

– Но ты же сама слышала, – сказала она. – Они расстались или почти расстались. Но в любом случае этот брак недолго протянет.

– Но ты же не знаешь этого наверняка, Ло. И он слишком стар для тебя. Вспомни, ты же сама говорила, что не встречаешься с мужчинами за сорок.

Ло как будто погрузилась в свои мысли. Потом ее глаза сверкнули.

– Ты это видела?

– О чем ты говоришь? – спросила я, хотя точно знала, о чем она. Я знала, что я видела.

– Ты видела признаки любви? Твое зрение изменилось? Джейн, скажи же мне!

– Нет, – солгала я и почувствовала себя виноватой. Меня мучили сомнения. *Что если Колеетт ошибалась?*

Ло охнула. Я услышала в ее голосе разочарование. Может быть, она почувствовала, как между ними пробежала искра, что-то такое, что выделяло этого мужчину из толпы остальных? Возможно, она хочет, чтобы я это подтвердила?

– Ладно. – Ло быстро взяла себя в руки. – Кто сказал, что любовь нельзя вырастить?

Она вздохнула и одернула свое платье-свитер.

– Я намерена с ним пообедать. И будь что будет.

* * *

Мэри владела парикмахерской в двух кварталах от рынка. Это было крошечное пространство, в котором хватало места лишь для пары кресел, раковины и стола администратора. Она влюбилась в его деревянные полы и неоштукатуренную кирпичную стену, когда нашла это помещение десять лет назад, и осталась. Два года назад Мэри сумела купить соседнее помещение и снести стену между ними. Так образовалось место еще для двух мастеров, но салон по-прежнему оставался уютным.

Когда я вошла, Мэри сидела за столом администратора и разговаривала с одним из парикмахеров. Она моложе меня на год, и она очень красивая: золотисто-каштановые волосы, оливковая кожа. Она замужем за музыкантом Илаем. Достоверный факт: это одна из самых красивых пар Сиэтла.

Мэри помахала мне рукой и указала на свободное кресло. Я усаживалась в него год за годом, смеялась или плакала, как в те дни, когда я горевала о маме. Я опустилась на знакомое сиденье и вздохнула.

Пусть мужчины выкладывают всю подноготную цветочницам, а на меня такой же эффект оказывают парикмахеры. Уже десять лет Мэри выслушивала мои секреты, подстригая мне волосы. Но я не торопилась делиться с ней тем, что рассказала мне Колеетт. Я думала о том, как мне спросить у Мэри совета, но при этом не беспокоить ее деталями, тяжесть которых я отныне ощущала.

– Привет, дорогая, – поздоровалась Мэри, перебирая пальцами мои длинные белокурые волосы. Их нужно было мелировать и, пожалуй,

подстричь совершенно по-новому.

– Привет, – устало произнесла я.

– О, что-то с тобой не так, – заметила Мэри. Настоящая подруга по одному слову способна понять ваше эмоциональное состояние.

– Я почувствовала прилив сентиментальности и решила пересмотреть то, что хранила мама, – сказала я. – Ты же знаешь, каким безнадежным романтиком она была, несмотря на то, что отец разбил ее сердце. Среди ее вещей нашлась старая книга, в которой говорилось о женщине с редким даром. Она видела, любят люди друг друга или нет.

– Какая замечательная сказка! Особенно подходит к Рождеству, – воскликнула Мэри.

– И я вдруг задумалась, что было бы, если бы мне или тебе пришлось принимать те решения, которые принимала она. Если человек видит, что происходит с любовью в жизни близких ей людей, следует ли ей сказать им об этом? Или это будет вмешательством в их личную жизнь?

– Наверное, ты имеешь в виду вот что: что делать, если такой человек видит, что муж любит свою жену, а жена любит другого или наоборот, так?

– Совершенно верно, – сказала я. – Деликатная проблема, согласна?

– Очень, – ответила Мэри. – Если бы кто-то сказал мне, что Илай меня не любит, едва ли меня это обрадовало бы. Меня бы такое известие просто убило.

– Есть еще кое-что странное, – продолжала я, послушно откидывая голову назад под руками Мэри, чтобы она вымыла мне волосы. – В конце книги обнаружились пустые страницы, как будто я должна заполнить их, хотя я никогда не влюблялась.

– Что ж, – Мэри продолжала заниматься своим делом и потянулась за кондиционером для волос, – я думаю, что она могла бы помогать людям самим сделать выводы и принять обдуманное решение, но ничего напрямую им не говорить. Как тебе такой вариант?

Я прикрыла глаза, когда Мэри начала смывать кондиционер.

– Просто подтолкнуть их в правильном направлении, как это делают умелые свахи?

– Точно, – согласилась Мэри. – И можно просто помогать им на их пути. Немного поиграть в Купидона.

– Никак не могу перестать думать об этой истории, – продолжала я. – Если женщина не испытала любовь в своей жизни, то ее можно назвать слепой.

Мэри подняла брови и принялась сначала вытирать волосы полотенцем, а потом расчесывать их.

– Слепа? Думаю, я понимаю, о чем ты. В последнее время я чувствую себя какой-то потерянной, потому что Илай все время в разъездах. В любом случае, я делаю то, что делают все женщины в таком состоянии: я заново отделяваю кухню. – Мэри пожала плечами. – Илай удивил меня на Рождество своими планами. Мы наконец избавимся от этих шкафчиков восьмидесятих годов.

Я снова села в кресло перед зеркалом, Мэри взялась за ножницы.

– Это здорово, – оценила я, вспомнив об одном наблюдении. Ремонт дома – это способ замаскировать или оттянуть неизбежность разрыва отношений. Словно новые шкафчики и свежая краска смогут заполнить провалы неудавшейся любви. Но я не стала говорить об этом Мэри. – Уверена, что получится отлично.

Она кивнула как-то отстраненно.

– Илай слишком много ездил в прошлом году, – сказала она. – Честно говоря, я бы предпочла иметь дома его, а не новую кухню.

– Не сомневаюсь, – я улыбнулась. – Но он же страстно любит свою музыку, верно? Ты должна им гордиться.

Когда Мэри и Илай поженились, он сидел без работы, хотя и пытался писать песни. Но пять лет назад случился настоящий прорыв, когда одну из его песен выбрал голливудский продюсер, вставил ее в фильм, получивший в результате «Оскар». Карьера Илая пошла вверх. В прошлом году он подписал контракт с крупной звукозаписывающей компанией.

– Я горжусь, – ответила Мэри и закусил уголок губы. – Я понимаю, что говорю, как ревнивая жена... Это не значит, что я не рада за него. Просто быть женой музыканта очень непросто. Особенно женой музыканта, разъезжающего по стране, невероятно сексуального музыканта-гастролера.

Илай и правда был очень сексуальным. «Горячая штучка», по выражению Ло. Он из тех парней, которым стоит только войти в бар, как все женщины будут смотреть на них, даже замужние. Илай отлично знает, что обладает этим качеством, и в его присутствии замирала даже я.

– Могу только догадываться, – сказала я. – Но ведь ты бы и сама не хотела жить по-другому, правда?

Мэри вздохнула.

– Нет, не хотела бы. Он любовь моей жизни. – Она взяла фен и круглую щетку. – Но я бы солгала, если бы не призналась в том, что мне не дает покоя его жизнь во время турне или я не думаю обо всех тех замечательных женщинах, с которыми он встречается. Они буквально бросаются на него, Джейн. Я видела это собственными глазами.

– Ты удивительная женщина, дорогая, – я встретила взглядом в зеркале с глазами Мэри. – Илай женат на лучшей из женщин. Тебе не о чем беспокоиться.

Мэри дернула плечом.

– Мы говорили о том, чтобы обзавестись детьми.

– Это же замечательно, – обрадовалась я. – Ты будешь великолепной матерью, Мэри.

– Поживем – увидим, – ответила она. – Мы стараемся уже полгода. Но пока нам не везет. Частые отлучки Илая делу не помогают.

– Что ж, если это должно случиться, то оно случится.

Мэри кивнула.

– Ты права. Илай скоро возвращается домой. – Она закончила сушить феном мои волосы и развернула кресло так, чтобы я увидела себя в зеркале. – Готово.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Как всегда идеально.

– Какие у тебя планы на Новый год?

Я покачала головой.

– Мой брат как всегда устраивает шумную вечеринку и намерен затащить меня туда.

– И как поживает Флинн?

Много лет назад Флинн влюбился в Мэри, но, зная о его отношении к женщинам, я этот роман не поощряла.

– У него все в порядке, – сказала я. – Меняет женщин как перчатки, ты же знаешь, – я улыбнулась. – Ничего нового.

Мэри сбрызнула мои волосы лаком с цитрусовым ароматом.

– Думаю, тебе стоит пойти на эту вечеринку. Никогда не знаешь, кого можешь там встретить.

Я округлила глаза.

– Нет, я точно знаю, какого парня могу там встретить. Он наверняка окажется художником, скорее всего с татуировками на руках, на нем будут обтягивающие брюки и, вероятно, подтяжки.

– Ты слишком разборчива, Джейн, – хмыкнула Мэри. – Эти парни тоже могут быть замечательными.

В эту минуту дверь салона распахнулась, и вошла пожилая женщина. Я мгновенно узнала в ней англичанку, подходившую к газетному киоску Мела перед Рождеством. Она выглядела очень ухоженной и гордой, но все же в ее облике проскальзывало одиночество. Она встретила со мной взглядом, я улыбнулась, но женщина сразу отвела глаза.

– Что у нее за история? – шепотом спросила я у Мэри.

– Это Вивиан, – тоже шепотом ответила она. – Она приходит в салон каждый четверг, чтобы помыть и уложить волосы. Вивиан почти ничего о себе не рассказывает. Я долгое время считала ее снежной королевой, но... – Мэри замолчала и покачала головой. – Ты знаешь, что случилось с ее мужем?

– С ее мужем?

– Да, она была замужем. Мне пришлось использовать все мои немалые детективные способности, чтобы сложить всю картину целиком. Однажды она расплатилась чеком, и я запомнила ее фамилию. Быстрый поиск в Гугле дал неожиданный результат. Джейн, она вдова Алистера Синклера.

Я покачала головой.

– Мне это имя ничего не говорит.

– Поначалу я отреагировала так же, но продолжала искать. Он был известным человеком. Королева произвела его в рыцари за его гуманитарную работу в Африке. Насколько я поняла, Вивиан тоже принимала в этом большое участие. Он погиб десять лет назад при крушении вертолета. Это случилось в Африке. Он был со своей любовницей.

Я ахнула.

– О, нет!

Я посмотрела на Вивиан, сидевшую в дальнем конце салона. Она смотрела на свои руки с маникюром, лицо ее было мрачным.

– Понятно, откуда в ней столько горечи.

Мэри кивнула.

– Полагаю, это вполне объяснимо. Потерять любовь всей своей жизни и одновременно выяснить, что сердце мужа принадлежало другой женщине...

Я подумала о Меле, антипode знаменитого покойного мужа Вивиан. Сможет ли он растопить лед, сковавший ее сердце?

* * *

После ланча я поехала в центр города на ежемесячную встречу с моим неврологом, доктором Эми Хеллер. Она наблюдала за моим состоянием с самого детства, а после смерти мамы стала моей наставницей, как будто заменяя мне мать, хотя в ней не было ни малейшего сходства с моей мамой. Если мама была романтической и часто слушала песню Билли Джоэла «And So It Goes»^[2], прокручивая ее несколько раз подряд и заливаясь слезами, то

практичная доктор Хеллер рассматривала жизнь как факты, а не как эмоции. Она легко справлялась с любыми преградами, но я часто гадала, счастлива ли она.

– Здравствуй, Джейн, – поздоровалась доктор Хеллер и расположилась рядом со мной в своем кабинете с бежевыми стенами и окнами, из которых открывался вид на Капитолийский холм Сиэтла. Она каждый раз так делала. – Как мы себя чувствуем на этой неделе?

Доктор Хеллер всегда говорила «мы», а не «ты». Если у ее пациентов был рак, то и у нее был рак. Если они мучились мигренями, она тоже терла измученный болью лоб. Возможно, доктор Хеллер не была эмоциональной женщиной, но она обладала даром сочувствия.

– Мы... О'кей, – сказала я.

– Просто о'кей?

Я с трудом сглотнула и начала подробно рассказывать о моем визите к Колетт.

Доктор Хеллер отложила мою карту, потом кивнула.

– Позволь мне назвать все своими именами. Итак, незнакомая тебе женщина сказала тебе, что изменения в твоём зрении объясняются твоей способностью... – она откашлялась, – видеть любовь?

– Коротко говоря, да.

– И ты веришь этой женщине?

Я пожала плечами.

– Я не хочу ей верить, но она так говорила о моем состоянии, что впервые в моей жизни я распознала в этом какой-то смысл.

– Какой?

– Колетт сказала, что до заката в день моего тридцатилетия я должна найти шесть типов любви среди окружающих меня людей, иначе мне самой никогда не обрести любовь.

Доктор Хеллер сняла очки, протерла стекла рукавом белого халата и снова надела.

– Вы думаете, что это чистой воды безумие? – спросила я.

– Нет, – ответила она. – Я так не думаю. Джейн, ты знаешь притчу о девушке и рыжей лисе?

Я покачала головой.

– В ней говорится о том, что в одном далеком королевстве жила красивая девушка. Четыре ее младших сестры вышли замуж за достойных женихов, а эта девушка, несмотря на свою красоту, оставалась незамужней. Мудрая старая женщина из соседней деревни сказала ей, что если девушка хочет найти любовь и выйти замуж, то она должна отыскать рыжую лису в

лесу при свете луны. Рыжие лисы встречаются очень редко. Но девушка согласилась сделать это. Ночь за ночью, год за годом она все пыталась найти эту неуловимую рыжую лису. Но однажды ночью девушка наконец увидела рыжую лису, замершую в лунном свете на покрытом мхом камне. Спустя несколько мгновений лиса была убита стрелой, которую выпустил принц, сидевший верхом на коне. Он сразу заметил красоту девушки. Они поженились, и она стала принцессой. И вот я спрашиваю, что определило встречу девушки с любовью: рыжая лиса или ее собственная настойчивость? Джейн, я верю в науку, а не в магию. Я верю, что почти у всего происходящего есть логическое объяснение. И хотя это задание, возможно, и не излечит твое состояние, оно может помочь тебе лучше понять себя. И в этом я тебя полностью поддерживаю.

– Спасибо, – успела сказать я, и тут дверь распахнулась, и в кабинет сунула голову медсестра Келли, давно работавшая с доктором Хеллер.

– Прошу прощения, доктор Хеллер, но доктору Уайту необходимо с вами поговорить.

– Пусть он войдет.

Келли и доктор Уайт вошли в кабинет.

– Прошу прощения, я вам помешал, – обратился он ко мне.

– Все в порядке, – ответила я. Доктор Уайт, красивый врач, чуть моложе доктора Хеллер, передал ей карту. Келли наблюдала, как они обмениваются мнениями по поводу другого пациента, и тут перед моими глазами появилось облако.

– Извини, – обратилась ко мне доктор Хеллер, когда Келли и доктор Уайт вышли. – Ох уж эти врачи-мужчины, – она вздохнула. – Они входят сюда с таким гонором, а когда оказывается, что они ошиблись, они не дают мне даже слова сказать. Я должна просто... – ее голос прервался, когда она увидела, что я тру глаза.

– Облако перед глазами, так? Это происходит сейчас.

Я кивнула.

– Нам необходимо это зафиксировать и посмотреть на МРТ. Если нам повезет, мы ухватим проблему за хвост. Поторопись, Джейн.

Келли вернулась с креслом на колесиках и торопливо повезла меня по коридору.

– С вами все в порядке, дорогая? – спросила она в лифте.

Я снова потеряла глаза. Туман уже начал рассеиваться.

– Да, – ответила я. – Но вы должны мне сказать одну вещь. Как давно она его любит?

– Дорогая, о чем вы говорите?

– Как давно доктор Хеллер любит доктора Уайта?

Келли нервно рассмеялась.

– Вам лучше спросить об этом у нее, – сказала медсестра и повезла меня по длинному коридору в кабинет МРТ.

Глава 5

1301, Четвертая авеню

Флинн открыл глаза, повернулся на правый бок. Рядом с ним спала обнаженная женщина. Ее белокурые волосы рассыпались по подушке, под глазами размазалась тушь. Он сел, увидел пустую винную бутылку на ночном столике, и туман, окутывавший события предыдущего вечера, начал постепенно рассеиваться. Он находился в своей арт-галерее на Пайонир-сквер, где его друг Райан выставлял новые работы. Картины Райана не были запоминающимися или очень талантливыми, но он был другом Флинна, и тот не мог отказать ему в проведении выставки. К счастью, состоятельное семейство Райана покорно скупало все картины до одной.

Флинн тихонько выбрался из кровати. Ему не хотелось будить... Как же ее звали-то? Дженна? Кара? Джулия? Она официантка или дантист? Пластический хирург или стюардесса? Флинн снова услышал голос сестры: «Ты встречаешься только с одним типом женщин: со шлюхами». Но что знает о любви Джейн? У Флинна хотя бы *есть* женщины.

Он бесшумно ступал по холодному деревянному полу, стараясь не наступать на скрипящие половицы в трех шагах от кровати. Стоит только половице скрипнуть, эта как-ее-там проснется и позовет его обратно в постель. Не то чтобы это стало трагедией, но у Флинна был свой кодекс поведения. Утренний секс, хотя и приносящий удовольствие, не входил в меню для тех, с кем он спал всего лишь одну ночь. Утренний секс только для отношений. Утренний секс только для любви. А Флинн еще никогда никого не любил.

Он размышлял об этом, стоя нагишом в своей кухне, разглядывая город, раскинувшийся за высокими окнами его квартиры-лофта на одиннадцатом этаже. Он насыпал смолотый заранее эспresso в кофемашину и включил ее. Прислушиваясь к привычному гудению агрегата, подаренного девушкой, чье лицо после произошедшего шесть лет назад разрыва он не мог вспомнить, Флинн думал о своей жизни. Тридцать пять лет. Никогда не был женат. Никогда не имел серьезных отношений. И, возможно, он всегда будет таким.

Флинн отпил глоток эспresso и посмотрел в окно на многоквартирный

дом на другой стороне улицы. Перед его глазами как раз тянулся ряд окон на одиннадцатом этаже. Интересно, она уже проснулась, та женщина, которую он несколько раз видел за этими окнами? Она готовила еду в нижнем белье или даже без него, часто плакала поздно вечером или рано утром, работала в свободной спальне, которую она использовала как гончарную мастерскую. Эта женщина вращала гончарный круг так сосредоточенно, так энергично, что Флинн не мог отвести от нее взгляд. И тут она вышла из своей спальни в белом топе и красных трусиках. Ее длинные каштановые волосы были собраны в небрежный конский хвост и раскачивались из стороны в сторону, пока она двигалась по кухне. Женщина налила себе кофе в огромную белую кружку и подошла к окну. Она посмотрела через улицу на квартиру Флинна. Их глаза встретились, и время как будто остановилось. Флинн собрался было помахать ей, когда почувствовал, как тонкие руки обнимают его за талию.

– На что смотришь?

Он повернулся и оказался лицом к лицу с той, с которой провел ночь. Она надела одну из его футболок, длинные загорелые ноги оставались открытыми. Флинн мгновенно вспомнил, как раздвигал их всего несколько часов назад.

– Ни на что, – быстро ответил он, опуская жалюзи.

– Давай вернемся в постель, – девушка попыталась соблазнить его.

– Не получится, – Флинн улыбнулся. – У меня сегодня слишком напряженное расписание.

– О! – девушка как будто почувствовала себя оскорбленной. – Тогда увидимся вечером?

Флинн покачал головой.

– Прости, но сегодня вечером я тоже занят.

– Но ты ведь позвонишь мне? – спросила она, глядя на него щенячьими глазами.

– Разумеется...

– Я Джулия, – подсказала девушка.

– Да-да, конечно. Джулия.

– Вчера вечером я дала тебе свой номер телефона. Так что он у тебя есть. То есть если ты захочешь позвонить. Мы могли бы выходить иногда вместе. И не только.

– Верно, – легко согласился Флинн, мысленно приказывая себе не забыть сразу же удалить ее номер из телефона. Это не ее вина. Ей двадцать пять лет, она красива, но... так типична. Флинн отлично знал женщин, подобных Джулии. Они изучали психологию в колледже, но теперь

работали в рекламе или занимались маркетингом. В баре они заказывают фруктовый сок и тратят все свои деньги на дорогие сумочки и обувь. Они смеются над скучными шутками и хлопают ресницами. И он, Флинн, встречался с такими девушками. Он покупал им фруктовый сок и водил их в рестораны, говорил этим девушкам то, что им хотелось услышать, но он все время ждал, что придет *это*. Хотя он и не знал толком, что *это* такое.

Джулия кое-как нашла свою одежду, разбросанную накануне вечером по всей спальне. Она оделась, и Флинн послушно поцеловал ее на прощание, как делал это всегда. Когда дверь наконец захлопнулась, он натянул спортивный костюм, надел кроссовки, открыл жалюзи и снова посмотрел на дом напротив. Женщина сидела за своим гончарным кругом. Ему нравилось смотреть, как она работает. Флинн уже десятки раз собирался пойти к ней и представиться. Он мог предложить ей выставить ее изделия в его галерее. Это было бы так естественно. Просто деловое предложение. Но стоило ему об этом подумать, как у него начинало ныть в животе, хотя Флинн никогда не нервничал. Он мог подойти и с легкостью завести разговор с любой красивой женщиной в баре.

Но эта женщина из квартиры напротив? Она подняла глаза от круга, поправила краешком руки очки в темной оправе, и на Флинна накатила слабость. Женщина увидела его и на этот раз помахала ему рукой. Он улыбнулся, но она быстро отвернулась. Флинн увидел, как женщина вдруг сорвалась с места, подбежала к входной двери, посмотрела в глазок и замерла в тревожном ожидании.

Прошло несколько минут, прежде чем женщина отперла замок и медленно отворила дверь. Она отступила назад, когда через порог переступил мужчина. Он принес ей огромную вазу с розовыми розами. Женщина взяла ее, но Флинн не видел, улыбается она или нет. Он смотрел на мужчину, высокого, в полосатом костюме, похожего на бизнесмена. Он снял мягкую шляпу с продольной вмятиной (кто теперь носит такие шляпы?), и его серебристые волосы стали единственным признаком того, что мужчина старше женщины. Флинну пришлось признать, что он хорош собой, пожалуй, даже красивее самого Флинна.

Мужчина указал на диван, и женщина медленно кивнула, как будто колебалась. Флинн знал, что ему следовало бы отвернуться, но он не мог. Его завораживала каждая деталь этой сцены в гостиной. Кто этот мужчина? Он явно влюблен в женщину. Но влюблена ли она в него?

Женщина подошла к окну, и у Флинна по шее побежали мурашки, когда она снова встретилась с ним глазами. На этот раз ее взгляд был печальным, отстраненным. Она подняла руку чуть выше и одним

движением запястья опустила жалюзи. Железный занавес опять был опущен.

Глава 6

Канун Нового года

Когда я вошла в магазин, Ло склонилась над композицией из гербер.

– Когда же люди разлюбят, наконец, эти цветы? – со вздохом сказала она. – Они превратились в обыденность.

– Но с их помощью мы оплачиваем счета, – улыбнулась я.

Ло фыркнула.

– Я бы не стала доверять мужчине, который подарил бы мне герберы.

– А если тебе их подарил Грант?

Ло замерла на мгновение, как будто я попала ей по ахиллову сухожилию, потом покачала головой и ответила:

– Он этого не сделает. Грант понимает.

Я положила сумочку под прилавок и принялась возиться со стереосистемой, выбирая диск.

– Значит, ты продолжаешь с ним встречаться.

– Я знаю, что ты этого не одобряешь.

Я пожала плечами.

– Не одобряю, но не хочу выглядеть в твоих глазах как мать-наседка.

Я посмотрела прямо в глаза Ло.

– Просто будь осторожна, договорились?

– Договорились, – ответила она с улыбкой. – Ты собираешься к Флинну на вечеринку?

Я кивнула.

– Но делаю это с неохотой.

– О, Джейн, тебе будет весело. Выпьешь шампанского. Поговоришь с парнем. Немного порадуешься жизни, только и всего.

– Легче сказать, чем сделать, особенно если речь идет о парнях из окружения Флинна.

– Что собираешься надеть? – поинтересовалась Ло.

– Понятия не имею.

Она кивнула и ушла в заднюю комнату, где на двери висело несколько платьев в полиэтиленовых чехлах.

– Я как раз забрала их из химчистки. У нас с тобой один размер. Выбирай.

Я покачала головой.

– Я не могу взять у тебя такое платье, Ло.

– Разумеется, можешь. – Она сняла чехол с платьев, выбрала короткое черное платье с большим декольте. – Вот это будет смотреться на тебе великолепно.

Я взяла у нее платье, но потом покачала головой.

– Я в этом не уверена.

– Зато я уверена, – парировала Ло и достала из своей сумки черные лакированные лодочки от Лубутена. – В этом ты будешь сногшибательна.

– Ну не знаю. – Я скинула угги и надела одну лодочку.

– Они подходят тебе по размеру. Отлично, – одобрила Ло.

Зазвонил мой телефон, номер был мне не знаком.

– Алло?

– Джейн, это доктор Хеллер.

– Здравствуйте.

– Я не вовремя? – Голос врача звучал чуть серьезнее обычного, и я заволновалась.

– Нет-нет, все в порядке. Что-то случилось? – я подумала о недавней томограмме. Неужели плохие результаты?

– Все нормально. Во всяком случае, я так думаю. Но все же результаты поставили нас в тупик. Честно говоря, мы никогда ничего подобного не видели. Височная доля светилась очень необычно.

– И что же это значит?

– Мы не совсем уверены, – продолжала доктор Хеллер. – Во всяком случае, пока. Но я собираюсь послать твои снимки лучшим экспертам страны. Возможно, они сумеют предложить какое-нибудь объяснение. Меня больше всего волнует тот факт, что такой тип активности чаще всего наблюдается у людей с серьезными заболеваниями, например после инсульта. Но мы знаем все о твоём здоровье, и я уверена, что никакого удара у тебя не было. Это должно быть что-то иное. И объяснение поэтому следует искать другое.

Я кивнула, хотя она меня не видела.

– Доктор Хеллер, много лет назад вы рассказывали мне о различных участках мозга. Кажется, мне было лет двенадцать. Вы показали мне диаграммы, и я подумала, что они выглядят как-то... невразумительно, что ли. Помните?

– Да, – сказала она, – помню.

– Так за что отвечает височная доля?

Доктор Хеллер ответила не сразу.

– Это часть лимбической системы. Она управляет нашими эмоциями. Именно на этом участке мозга исследователи смогли измерить...

– Любовь?

– Видишь ли, Джейн, никто не может научными методами измерить любовь. Но ты права, они измерили чувства, эмоции, привязанность.

– Любовь, – повторила я.

* * *

Я приехала на вечеринку Флинна в восемь. Я чувствовала себя неловко в платье и туфлях Ло. Переступая порог, я нервно одернула подол. Две с половиной секунды я раздумывала, не повернуть ли мне назад, не вернуться ли в мою квартиру и не переодеться ли в привычный костюм – черные легинсы и свитер – но Флинн мгновенно меня увидел и жестом пригласил подойти к бару на кухне. Деваться было некуда.

– Джейн! – крикнул он. – Ты все-таки сделала это!

Я улыбнулась, подошла к бару и поцеловала брата в щеку.

Он протянул мне бокал шампанского.

– Вы только посмотрите на нее, – воскликнул он. – Ты выглядишь потрясающе.

– Я рада, что ты оценил, – сказала я. – Честно говоря, я чувствую себя идиоткой в этом платье. Ло заставила меня надеть его.

– Как она поживает? – поинтересовался Флинн.

– Хорошо. Ведет прежний образ жизни. Сегодня у нее свидание с женатым мужчиной, хотя он утверждает, что они с женой расстались.

Флинн поднял бровь.

– Вот как?

– А кто твоя дама на сегодняшний вечер? – шутливо поинтересовалась я.

Флинн замешкался с ответом и посмотрел в окно своего лофта, за которым сверкали городские огни, а потом мотнул головой в сторону группы молодых женщин, стоявших в центре комнаты.

– Что ж, удачи тебе, – улыбаясь, пожелала я.

– Эй, тут есть кое-кто, с кем я хотел бы тебя познакомить, – сказал Флинн.

– Не надо, прошу тебя, – взмолилась я. – Больше никаких музыкантов и никаких художников.

Брат покачал головой.

– На самом деле он журналист, только что переехал сюда из Нью-Йорка.

– Журналист, значит? – Я отпила еще глоток шампанского и зевнула. Сэм разбудил меня в пять утра, потому что ему приспичило погулять, и после этого я уже не смогла уснуть.

Флинн взял меня за руку и повел через комнату к двери, которая выходила на балкон. Собравшиеся там люди курили, болтали, смеялись.

– Кэм, – позвал Флинн мужчину, стоявшего в дальнем углу спиной к нам. Я видела только серый твидовый пиджак и темные волосы.

Мужчина повернулся, я шагнула вперед, но тут поняла, что каблук моей туфли застрял в металлических прутьях решетки балкона.

– Кажется, я застряла, – пробурчала я.

– Позвольте мне вам помочь, – со смехом предложил друг моего брата.

Я вцепилась в руку Флинна, чтобы не потерять равновесие. Мои щеки пылали. Я вытащила ногу из правой лодочки, заметила, что розовый лак на ногтях облупился, а друг Флинна опустил на колено и высвободил каблук из решетки. Я сняла вторую туфлю, чтобы и ее не постигла такая же участь.

Флинн усмехнулся.

– Эту проблему мы решили. А теперь, Кэмерон, разреши мне познакомить тебя с моей сестрой Джейн. Джейн, это Кэмерон Коллинз.

Мужчина протянул руку.

– Приятно познакомиться, Джейн. Пожалуйста, называй меня Кэм.

Он был примерно моего возраста и отлично вписывался в обстановку на вечеринке Флинна: клетчатая рубашка, облегающие брюки, пиджак и легкая щетина на щеках и подбородке. Но все-таки он чем-то отличался от остальных гостей. Был ли он красивее или умнее, я не знала наверняка. Более того, я не могла понять, нравится мне это или нет.

– Кэм только что переехал в Сиэтл из Нью-Йорка. Он корреспондент «Тайм». Пишет о медицине.

– Вот как! И какие же темы ты освещаешь? – спросила я.

– По большей части, я пишу о нейрофизиологии, – сказал Кэм. – Сиэтл – это рай для тех, кто пишет о медицине. Ведь у вас здесь университет Вашингтона и биотехнологический центр на озере Юнион.

Флинн посмотрел на меня, потом на Кэма.

– Моя сестра всю жизнь посещает невролога. У вас есть кое-что общее.

Кэм удивленно поднял брови, я бросила на Флинна полный досады взгляд, потом снова повернулась к Кэму.

– Это не настолько интересно, – сказала я.

– Уверен, что мне это будет интересно, – ответил он.

К Флинну подошла женщина, немного похожая на Ким Кардашьян, и они вернулись в квартиру.

– Значит, ты его младшая сестра? – улыбаясь, спросил Кэм.

Я кивнула.

– Где вы с Флинном познакомились?

– Мы вместе учились в колледже, – объяснил Кэм. – Я год отучился в университете Вашингтона, а потом перевелся в университет Нью-Йорка, чтобы стать журналистом. Я жил с Флинном в одной комнате в течение одного сумасшедшего семестра.

– Уверена, что семестр именно таким и был, – засмеялась я.

Кэм так пристально смотрел на меня, что я все время отводила глаза, чтобы не встречаться с ним взглядом.

– Ты не слишком похожа на брата, верно? – спросил он.

– Не знаю, – я почувствовала, как мои щеки снова запылали. – Что конкретно ты имеешь в виду?

Выражение лица Кэма смягчилось.

– Ты просто кажешься совершенно другой, только и всего.

Я улыбнулась.

– Я очень люблю своего брата, но не меняю мужчин как перчатки.

Он потянулся к открытой бутылке шампанского, стоявшей на столике, и снова наполнил мой бокал. Я сделала несколько глотков.

– А чем ты зарабатываешь на жизнь? – поинтересовался Кэм.

– Я флористка.

– Флористка, – хмыкнул Кэм. – Пожалуй, у меня еще не было ни одной знакомой флористки.

– Моя мама до своей смерти была владелицей цветочного магазина, – начала объяснять я. – До нее магазин принадлежал бабушке. Он называется «Цветочная леди» и находится на Пайк-плейс.

– «Цветочная леди», – повторил Кэм, явно впечатленный. – Я на днях проходил мимо твоего магазина, когда направлялся в рыбный ресторанчик «У Бичера», чтобы попробовать дандженесского краба под соусом. Пробовала?

– Да, – сказала я. – Это блюдо можно считать эквивалентом дозы кокаина.

Кэм хмыкнул.

– Держу пари, у тебя в запасе немало трогательных рассказов о том, что случилось в твоём магазине. К примеру, ты видишь, как нервничают мужчины перед важным свиданием или перед тем, как сделать

предложение. И масса другой дешевой любовной ерунды.

Я подняла одну бровь.

– Дешевая любовная ерунда, – повторила я. – Ты явно не романтик.

Он пожал плечами.

– Полагаю, мне ближе логический научный подход.

Я нахмурилась.

– Прости меня, конечно, но едва ли в любви есть что-то *научное*.

– Разумеется, есть, – ответил Кэм. – Я не хочу показаться циником, но мне кажется, что мы в нашей культуре слишком много думаем о любви. Хотя концепт в высшей степени логичный. Вы либо остаетесь с кем-то, либо нет.

– В твоей интерпретации все выглядит совсем уж просто.

– Так и есть, если относиться к этому прагматично, – он улыбнулся. –

А как насчет тебя? Ты когда-нибудь была влюблена?

Я склонила голову к плечу.

– Если учесть, что мы с тобой только что познакомились, то это чертовски личный вопрос.

– Прости, ты не обязана отвечать на него, – быстро сказал Кэм, почувствовав мою неуверенность. – Я углубился в нейрофизиологию, и вот что я оттуда вынес. Ощущение влюбленности – это всего лишь химическая реакция в мозгу. Одни нейроны общаются с другими нейронами. Столкновение, искра. И вот она, любовь или то, что мы считаем любовью. А потом все исчезает, так всегда бывает. Есть целая наука об этом. Как ни называй это чувство – любовь или нет, – но оно никогда не бывает длительным. Это просто-напросто невозможно. Мозг не создан для того, чтобы поддерживать ощущение опьянения, которое дает новый роман. Даже самые великие любовные истории сводятся в конечном итоге к кастрюлям и сковородкам.

Я усмехнулась.

– К кастрюлям и сковородкам?

– Именно так, – стоял на своем Кэм. – Рутинка всегда берет верх.

– Если в твоих словах есть правда, то в них есть и печаль.

Он кивнул.

– Потому что мы хотим встретить такую любовь, которую видим в кино. Все этого хотят. Но такого не бывает, а если иногда и случается, то довольно быстро заканчивается.

Я озябла, меня пробрала дрожь, Кэм тут же снял пиджак и набросил мне на плечи.

– Ты не обязан этого делать, – сказала я.

– Но я сделал. Ты дрожала.

– Верно, – улыбнулась я. – Логично.

Я допила третий бокал шампанского и налила себе еще. Я чувствовала себя легко и свободно.

– Пожалуй, стоит набрать еды, пока тинэйджеры все не съели, – Кэм подмигнул мне.

Я направилась следом за ним в квартиру. Флинн поймал мой взгляд и поманил меня к себе.

– Иди, – сказал Кэм. – Я найду тебя позже.

Я вернула ему пиджак и подошла к брату.

– О, я не хотел вам мешать, – извинился он. – Судя по всему, вы с ним ладили.

Я фыркнула.

– Я бы так не сказала.

Я посмотрела через комнату на Кэма, который уже разговаривал с женщиной-азиаткой. У нее на голове была повязка с надписью «Счастливого Нового года».

– Но он интересный человек, – продолжала я. – А как насчет тебя? Какая из девушек удостоится чести поцеловать тебя в полночь?

Флинн на мгновение стал серьезным, потом подвел меня к окну и указал на квартиру в здании напротив.

– Видишь окна с красными шторами и лампой на кофейном столике?

Я кивнула.

– Там живет женщина, – Флинн потер лоб, потом понизил голос до шепота: – Джейн, я полностью в ее власти.

– Вы уже знакомы?

Брат покачал головой.

– Нет. Я просто вижу ее каждый день. Она занимается гончарным делом, и я иногда наблюдаю за тем, как она работает. Боже, это так красиво. Ее энергия, ее сосредоточенность, движения ее рук...

– Почему ты не пригласил ее на вечеринку?

– Не знаю. Думаю, я...

– Я тебя не узнаю: тебе что, страшно заговорить с девушкой?

– Точно, – выдохнул Флинн. – И есть еще кое-что. Думаю, она грустит. Не просто грустит, она в глубокой печали. Иногда я встаю часа в три ночи, чтобы выпить воды на кухне, и вижу, как она плачет, свернувшись калачиком на кушетке. На днях к ней заходил мужчина, он был старше ее. Принес ей цветы. Но по тому, как она на него смотрела, я понял, что он каким-то образом обидел ее.

И в это мгновение в окне появилась та самая женщина. В темноте мне трудно было рассмотреть ее лицо, но я заметила, как она подняла руку, как будто хотела помахать Флинну. И он сделал то же самое. Перед моими глазами тут же появился туман, и знакомая аура затуманила мое зрение, словно плотное облако. Я отвернулась и потеряла глаза.

– С тобой все в порядке, Джейн?

– Да, – быстро ответила я. – Должно быть, мне что-то попало в глаз. Пойду-ка я в ванную и посмотрю.

– Иди в ту ванную, которая в моей спальне. В гостевую ванную комнату выстроилась очередь.

Я кивнула, прошла через спальню Флинна, где на кровати обнималась парочка. Обоим было чуть за двадцать. Они сразу сели на постели, словно подростки, застигнутые врасплох родителями.

В ванной комнате я закрыла за собой дверь и прислонилась к раковине, чтобы получше рассмотреть глаза. Я открыла и закрыла их несколько раз, потом глубоко вдохнула. *Следует ли мне сказать Флинну о том, что я видела? Поверит ли он мне? Или это разрушит его чувства? Вдруг он испугается и убежит от нахлынувшего чувства, как это уже случалось в прошлом, когда он подходил слишком близко к женщине, слишком близко к любви?*

Потом я подумала о Колетт. *Если я приму ее предложение, и мне нужно будет идентифицировать шесть разных типов любви, как я пойму, что правильно определила их? А если я ошибусь?*

Я вернулась на вечеринку и налила себе еще бокал шампанского. В квартире Флинна стало еще больше народа, пары, одиночки, женщины в сверкающих блестками топах. Я болтала с двумя парнями лет двадцати пяти. Один оказался барабанщиком в рок-группе, другой художником. К одиннадцати часам свет приглушили. Зазвучала танцевальная музыка. Прилично подвыпившая девушка начала покачиваться в такт музыке, к ней присоединились ее друзья. Барабанщик неожиданно взял меня за руку и повел в центр комнаты. Я не успела опомниться, как его руки оказались на моей талии, и он прижал меня к себе.

– Я не слишком хорошо танцую, – сказала я, пытаясь отстраниться от него, но барабанщик не отпускал меня.

– Тогда я тебя научу, – улыбнулся он.

– Но я...

Я почувствовала чью-то руку на плече, обернулась и увидела Кэма.

– Вот ты где, – произнес он и повернулся к барабанщику. – Прошу прощения, но я вынужден похитить у вас мою подружку. Обычно она

выставляет себя на посмешище на танцполе, – Кэм бросил на меня игривый взгляд. – Но мы же не можем этого допустить, правда?

– О! – барабанщик поспешно убрал руки с моей талии. – Извини, приятель.

– Все в порядке, – улыбнулся Кэм, уверенно переплетая свои пальцы с моими и уводя меня в другой конец комнаты.

– Почему ты это сделал? – любопытствовала я.

– Я подумал, что ты слишком милая и не умеешь говорить «нет», – Кэм подмигнул мне.

– Это неправда! – возмутилась я.

– Тогда почему ты не сказала ему «нет»?

– Я собиралась...

– Вот об этом я и говорю, – уверенно заявил Кэм. – И потом, уже почти полночь, а мне не все равно, кого я поцелую.

– И это говорит человек, который не верит в любовь?

– Не верю. Но это не значит, что я не хочу поцеловать тебя.

– Ты нахальный тип. Знаешь об этом?

– Знаю. – Кэм выглядел самоуверенным наглецом, а я никак не могла разобраться, нравится это мне или вызывает отвращение. – Но я прав.

Я снова подумала о Флинне и той женщине в квартире в доме напротив, вспомнила Элейн. Свидетельств любви становилось все больше, и я не могла этого отрицать.

– А что если я расскажу тебе одну историю, которая разобьет в пух и прах твою теорию любви?

– Я был бы заинтригован, – ответил Кэм, – но я вынужден признаться, что меня трудно в чем-то убедить.

Он был прав, и когда я заглянула в его глаза, я поняла, что мое признание будет сродни вышедшему из-под контроля грузовому составу. Но по какой-то совершенно необъяснимой причине я почувствовала, что должна рассказать ему все.

– То, что я говорила раньше о моем неврологическом заболевании – не интересно, да к тому же не совсем правда. Понимаешь, я родилась с особыми... способностями, – сказала я.

– Ты умеешь поворачивать язык под самым невообразимым углом? Я рассмеялась.

– Нет, это... намного серьезнее.

– И что же это такое?

– Понимаешь, – я вздохнула, – я могу видеть... любовь.

Кэм долго смотрел на меня, потом расхохотался.

– Какая же ты забавная.

– Я говорю серьезно.

– Тогда позволь мне угадать. Когда люди влюблены, у них из головы вылетают бабочки? Или ты слышишь щебет птиц? Нет, погоди, ты, наверное, видишь, как Купидон пронзает стрелами сердца?

– Ты смеешься надо мной, – протянула я. – Мне не надо было ничего тебе говорить.

Его улыбка увяла.

– Ты в самом деле говоришь серьезно?

– Да, – подтвердила я. – С самого детства у меня проблемы со зрением. Я с детства посещаю невролога. В последнее время врачи стали склоняться к выводу, что у меня крошечная опухоль на зрительном нерве. И... И я даже не знаю, зачем я говорю все это тебе.

Я потеряла глаза. Пожалуй, шампанского было выпито слишком много. Последний бокал оказался явно лишним. Но я уже зашла слишком далеко, поэтому решила закончить.

– На прошлой неделе, в день моего рождения, я получила открытку от незнакомой женщины. Она присутствовала при моем рождении. Она знала о моем даре и о многом мне рассказала.

– Даже не знаю, что и сказать, – признался Кэм.

Люди вокруг нас отсчитывали хором:

– Десять, девять, восемь, семь, шесть...

Шел обратный отсчет до нового года. У меня закружилась голова, когда я почувствовала на моих губах губы Кэма. Его тело прижалось к моему. Но я не отпрянула от него. Напротив, я как будто растворилась в нем. На мгновение я перестала понимать, где заканчивается он и начинаюсь я.

– С Новым годом, – прошептал он.

– С Новым годом, – ответила я.

– Ну что, ты видела или нет?

Я недоуменно посмотрела на Кэма.

– О чем ты говоришь?

– О любви, – пояснил он. – Ты видела любовь, когда мы целовались?

– Мой дар так не работает, – попыталась объяснить я. – В моей собственной жизни все в тумане.

– Ага, – Кэм подмигнул, – это очень удобно.

Я подняла на него глаза и покачала головой.

– Ты ведь считаешь все это чушью, верно? Ты думаешь, что я тебе лгу. – Я отодвинулась от него. – Это была ошибка. Все это было ошибкой.

Я сорвала с головы шляпу с надписью «Счастливого Нового года» – я даже не помнила, когда надела ее, – и, направляясь к выходу, бросила ее на диван. Туфли я нашла у входной двери, взяла сумочку из шкафа, потом обернулась в последний раз. Брата я нигде не увидела, поэтому вышла из квартиры и направилась к лифту. Больше всего на свете мне хотелось оказаться дома, избавиться от этого ужасного платья и лечь в постель. И чтобы Сэм посапывал на полу рядом с кроватью.

Глава 7

4572, Саннисайд-авеню

Мэри услышала звонок в дверь и с облегчением вздохнула. Она уже ругала себя за то, что не отменила встречу с подрядчиком. Ей столько всего нужно было сделать до возвращения Илая. Почему-то детали ремонта кухни совершенно перестали ее волновать. Это казалось странным, ведь до приезда мужа оставалось очень мало времени. Мэри просто хотелось, чтобы в доме все было в порядке: кровать застелена новыми фланелевыми простынями, любимый десерт – яблочный пирог – готов к тому, чтобы его поставили в духовку, ванильное мороженое ждет своей очереди в холодильнике. Они откроют бутылочку «Дом Периньон» 2002 года, которую она получила в подарок от клиентки два года назад. Илай обязательно увидит любовь в ее глазах. Она знала, что он тоскует по этой любви. Илай расскажет ей о напряженном расписании гастролей и желании сосредоточиться на работе в студии звукозаписи. Они обязательно построят для него домашнюю студию на заднем дворе. Мэри улыбнулась про себя и представила, как они сдвинут бокалы, Илай посмотрит на нее так, как смотрит обычно, – глазами, полными любви. Ей просто необходимо найти какой-нибудь новый наряд, что-нибудь сногшибательное. Может быть, красное платье. Илаю нравится красный цвет.

Дверной звонок зазвенел снова, и Мэри пошла в прихожую.

– Здравствуйте, – сказала она мужчине, стоявшему на пороге. – Вы, должно быть, из компании «Риджуэй Констракшн».

– Да, – ответил он с сильным итальянским акцентом. На мгновение она перенеслась на много лет назад, когда жила в Риме и танцевала ночи напролет с парнями, которых звали Дино и Джованни. – Меня зовут Лука, – сказал мужчина.

– Входите, – пригласила Мэри с улыбкой. Он был красив спокойной неброской красотой. Высокий, с резкими чертами лица, но мягкими добрыми карими глазами. – Вы, скорее всего, из Италии.

– Верно. – Лука убрал прядь волос за правое ухо. Волосы были кудрявыми и непослушными, поэтому за ухом не удержались и снова упали ему на глаз. – Я живу здесь два года только.

Нескладно построенная фраза вызвала у Мэри улыбку.

– Что ж, я надеюсь, вам нравится Сиэтл.

– Мне очень нравится город, – ответил он. – В Италии я делаю шкафчики. И здесь я делаю шкафчики. Я делаю то, что люблю.

– Я тоже, – сказала Мэри. – Мы принадлежим к счастливому меньшинству.

Она указала на кухню.

– Я объяснила представителю фирмы, что сегодня я все вам покажу, но сами работы надо будет начать на следующей неделе. Видите ли, мой муж завтра возвращается домой, и мне бы хотелось, чтобы у нас было время побыть наедине, пока вы не начнете все крушить. Насколько я понимаю, будет много пыли.

– Разумеется, – быстро согласился Лука. – Я понимаю.

Мэри провела его в кухню, и они оба остановились напротив камина. Когда они покупали дом, Илаю не понравился камин в кухне. «Он только место занимает», – сказал он тогда. Но Мэри всегда нравилось, что в камине потрескивают поленья, когда она готовила обед.

– У моей мамы в Италии тоже был камин в кухне, – сказал Лука. – Для меня это воспоминания.

– У моей бабушки тоже был камин в кухне, – вспомнила Мэри, – в старом фермерском доме в Скэгит-Вэлли. В холодные зимы и дождливые весны в нем всегда горел огонь. Нам с сестрой нравилось сидеть у огня и греться, пока бабушка готовила еду.

Лука опустил свою сумку на кухонный стол и вытащил чертежи новой кухни.

– Здесь, должно быть, ошибка, – удивился он. – На этом плане нет никакого камина.

Мэри кивнула.

– Мой муж хочет убрать его.

Она услышала себя со стороны. Ее голос звучал так, словно она пыталась убедить саму себя.

– Возле этой стены мы хотим поставить большой холодильник, – объяснила Мэри. – К сожалению, места для старого камина не хватает.

Лука кивнул. В кармане Мэри зазвонил мобильный телефон.

– Прощу прощения. Это мой муж звонит из Нью-Йорка. Я должна ответить.

– Все в порядке. – Лука снова принялся изучать чертежи.

Мэри вышла в гостиную.

– Привет, Илай!

– Привет, красотка! – услышала она в ответ. Ей нравилось такое

обращение.

– Я так по тебе скучаю, – сказала Мэри. – Не могу дождаться завтрашнего дня, когда мы наконец увидимся.

В трубке воцарилась тишина, и Мэри даже подумала, что звонок сорвался.

– Насчет завтра, – произнес Илай. – Мне придется задержаться здесь еще на несколько недель. Билеты на все концерты были распроданы, поэтому мой менеджер хочет, чтобы я остался и, возможно, даже еще раз проехался с концертами по Восточному побережью.

– Но я... Я думала, что ты возвращаешься домой завтра, – у Мэри задрожал голос. – Я так по тебе скучаю. Эта разлука убивает меня...

– Я знаю, красотка, знаю. И после этого турне я обязательно вернусь домой. Нам пригодятся эти деньги на ремонт кухни и все такое прочее.

Мэри вспомнила о Луке, оставшемся в кухне и изучавшем чертежи, которые она могла бы бросить в камин и сжечь, ни минуты не пожалев об этом.

– Хорошо, – ответила она почти автоматически.

– Спасибо за понимание, – сказал Илай. – Я тебе позвоню еще?

– Конечно.

Ошеломленная Мэри еще долго стояла в гостиной. По ее щеке скатилась одинокая слеза, когда она посмотрела на каминную полку, на которой стояла их с Илаем свадебная фотография в рамке. Услышав за спиной шаги, она обернулась. Лука стоял у входа в гостиную. Мэри почти забыла о его присутствии.

– Прошу прощения. Я вам помешал?

Тыльной стороной руки она смахнула со щеки слезу.

– С вами все в порядке? – спросил Лука, подходя к ней. Он с тревогой смотрел на Мэри, а она обратила внимание на шрам под его правым глазом.

– Да, – быстро ответила она, – со мной все в порядке.

– Присядьте, – посоветовал он.

Мэри кивнула.

– Почему вы плакать?

Еще одна слеза покатилась по ее щеке, но на этот раз Мэри не пыталась ее скрыть.

– Мой муж не приедет завтра.

Лука кивнул, как будто понял. Но он не понимал. Этот мир был слишком сложен для его понимания. Вот женщина, красивая женщина, а мужа нет рядом. Невеста Луки поступила точно так же четыре года назад. Она вошла в кафе в светло-голубом платье, сообщила, что любит другого, и

разбила ему сердце. И сердце Луки болело до сих пор.

Он ничего не сказал хозяйке дома. Не было слов, которые могли бы ее утешить. Но даже если бы такие слова существовали, он не смог бы составить из них фразу, которую эта женщина поняла бы. Лука не мог сказать ей ничего такого, что имело бы для нее значение. Поэтому он просто сел рядом с ней на диван и предложил ей то единственное, что мог дать: свое присутствие. Тикали часы на стене. О планах переделки кухни они поговорят позже.

– Простите меня. – Мэри быстро встала. – Вы, наверное, приняли меня за лунатика.

– За лунатика? – недоуменно переспросил итальянец.

Она улыбнулась.

– За сумасшедшую.

Лука улыбнулся.

– Вы не сумасшедшая, нет.

– Что ж. – Мэри потянулась к коробочке с бумажными носовыми платками, стоявшей на придиванном столике. – Может быть, вы сможете зайти завтра? К тому времени я соберусь с силами.

– Конечно, – кивнул Лука. – Завтра.

Это слово еще долго отдавалось эхом в ушах Мэри после того, как Лука ушел. Завтра. Завтра. *Завтра*. Проблема заключалась в том, что в голосе Илая по телефону она слышала сомнения, колебания. Когда-то завтрашний день казался Мэри сияющим, но теперь ей приходилось вглядываться в темноту, чтобы что-то разглядеть.

Глава 8

12 февраля 2013 года

Темные, низкие, набухшие дождем облака нависли над Пайк-плейс. Мелкая морось освежала мое лицо. Я зашла в пекарню, чтобы поздороваться с Элейн и купить круассан с шоколадом.

– Привет, дорогая, – поздоровалась она из-за прилавка. Ее глаза казались чуть более усталыми, чем обычно. Под ними залегли черные тени. Элейн заметно похудела, она потеряла не меньше пяти фунтов. Я заволновалась, не заболела ли она.

– Не забывай есть, – с улыбкой сказала я. – Людям не нравятся костлявые пекари.

Элейн принужденно улыбнулась и поправила волосы, собранные в конский хвост.

– В последнее время у меня что-то совсем нет аппетита. – Она надолго замолчала, потом посмотрела на меня, покачала головой и заговорила снова:

– Хотя есть кое-что, о чем я бы хотела поговорить, – моя подруга указала на угловой столик. – Можешь посидеть со мной минутку?

– Конечно, – согласилась я. Элейн взяла два круассана с шоколадом, и я прошла следом за ней к столику. Помещение пекарни было украшено розовыми и красными сердечками, и я вспомнила, что День Святого Валентина наступит через пару дней.

Мы сели, Элейн вздохнула.

– У меня такое ощущение, что я слишком долго находилась в спячке.

– Ты о чем? Что еще за спячка? – удивилась я.

– Понимаешь... – моя подруга как будто подбирала слова. – Иногда мы просто волочемся по жизни, и все. Забираем вещи из химчистки. Ходим к детям на соревнования, ставим новую коробочку с бумажными носовыми платками на прикроватный столик. Мы повторяем эти действия снова и снова.

Из глаза Элейн капнула слезинка.

– Джейн, я так давно все это делаю. Я как будто перестала чувствовать. Жила на первый взгляд счастливой жизнью, но по-настоящему в ней не присутствовала. Я ничего *не ощущала*. Пребывала в спячке. А

потом... – она замолчала, чтобы вытереть слезы, – что-то пробудило меня от сна. И мне стало страшно, Джейн.

Я дотянулась до ее руки и крепко сжала.

– Элейн, ты можешь поговорить об этом со мной. Не молчи.

Она кивнула, но тут вошел Мэтью.

– Привет, сладкая парочка, – весело поздоровался он. – Джейн, я как раз собирался зайти к тебе.

Мэтью обнял Элейн за плечи и слегка сжал.

– Я хотел заказать у тебя для моей красавицы-жены две дюжины роз.

Элейн заставила себя улыбнуться, и я поняла: Мэтью ничего не знал о том, что она собиралась мне сказать.

– Видишь ли, в чем дело, Джейн, – продолжал мужчина, слегка массируя плечи жены, – когда люди так долго женаты, как мы, нет смысла чем-то удивлять друг друга.

Я улыбнулась, но заметила, что на глаза Элейн снова навернулись слезы.

– Мне пора заняться делами, – со вздохом сказала она, беря себя в руки. – У нас полно заказов ко Дню Святого Валентина.

Мы обе подняли глаза, когда звякнул колокольчик у двери, и в проеме показалось знакомое лицо.

– Мэри! – воскликнула я и помахала ей рукой.

– О, привет! – она с улыбкой поздоровалась с нами.

– Ты же помнишь мою подругу Элейн и ее мужа Мэтью, правда?

– Разумеется, – засмеялась Мэри. – Должна тебе признаться, Элейн, что я подсела на твои мини-кексы с шоколадным доньшком.

Элейн улыбнулась.

– Забавно, что ты об этом сказала. Я сегодня утром разговаривала с женщиной. Она на тридцать девятой неделе беременности. Так вот она сказала мне, что съедала такой кекс каждый день во время всего третьего триместра. А она худая, как доска, бережет фигуру.

Мэри посмотрела сначала на меня, потом на Элейн и понимающе улыбнулась.

– Минутку, – вмешалась я. – Мэри, ты же не...

– Беременна? – Она вся светилась, но в глазах плескалась печаль. – Нет, это невозможно. Но Илай должен приехать в следующем месяце и остаться на некоторое время. Так что, кто знает...

Элейн ушла за прилавок и вернулась с небольшой коробкой мини-кексов.

– На удачу, – сказала она. – Заходи в любое время. Мы сумеем

накормить будущего малыша нужным количеством масла и сахара.

Мэри широко улыбнулась и встала, чтобы уйти.

– Спасибо.

– Джейн, – обратилась ко мне Элейн, заново завязывая тесемки фартука, – давай встретимся позже.

– Обязательно, – ответила я, встречаясь с ней взглядом. Я вспомнила, как видела то, что соединило ее с Чарльзом, их новым соседом, которого они пригласили отпраздновать с ними Рождество.

Мэтью посмотрел, как его жена проскользнула за прилавок, потом повернулся ко мне.

– Ты не будешь против, если я провожу тебя до магазина и закажу для Элейн розы?

– Нет, конечно, – ответила я, и мы вместе направились к двери. Улица встретила нас холодным прозрачным воздухом, на рынке было множество народу. Я поделилась с Мэтью своими страхами по поводу Илая, который месяцами не бывает дома.

Мэтью нахмурился.

– Я просто не понимаю, как человек может быть до такой степени эгоистичным, как он может отказываться от такой прекрасной жизни ради поиска более зеленых пастбищ.

В это мгновение я вспомнила о Чарльзе и подумала о состоянии, в котором пребывала Элейн этим утром. Мэтью был похож на человека, который стоит на холме в солнечный безветренный день, не подозревая о том, что у него за спиной собираются грозовые тучи. Мне вдруг стало его жаль. Атмосфера менялась, а он не был готов к этим переменам.

В цветочном магазине я помогла ему выбрать розы.

– Как думаешь, она счастлива? – вдруг спросил Мэтью. Его лицо было неподвижным, задумчивым, в глазах светилась тревога.

– Ты об Элейн?

Он кивнул и несколько нервным жестом почесал голову.

– В последнее время она как будто сама не своя, – продолжал Мэтью. – Не знаю даже, как будто отстраненная, – он вздохнул. – Знаешь, Джейн, чего я боюсь больше всего на свете?

Я покачала головой и спросила:

– Чего же?

– С самой нашей встречи в ту сумасшедшую ночь в Беллтауне меня преследует этот страх. Я увидел ее в другом конце комнаты. Клянусь, в эту минуту ось Земли сместилась. Изменилось атмосферное давление. Я понятия не имел, почему Элейн подошла ко мне, как не понимаю и того,

почему она выбрала меня. Этого я никогда не знал. Но Элейн поступила именно так, и это стало величайшим подарком в моей жизни. Эта красивая, удивительная женщина выбрала меня. И я всегда буду бояться того, что однажды она поймет, какую огромную ошибку совершила.

– О, Мэтью, – прошептала я, кладя руку ему на плечо. – Ну что ты говоришь...

Но когда я произносила эти слова, я почувствовала в самой глубине неприятную дрожь, потому что я собиралась сказать Мэтью ложь.

– Элейн любит тебя. Очень сильно.

Мэтью кивнул и выдавил из себя улыбку.

– Спасибо, – сказал он, – за то, что ты стоишь тут и слушаешь мои излияния. Должно быть, флористки обладают особым даром.

Я улыбнулась.

– Да, мы умеем заставить людей разговариваться.

Я указала на карточки, стоявшие рядом с кассовым аппаратом.

– Не забудь карточку.

Мэтью выбрал одну, нацарапал на ней несколько слов, потом подписался. Перечитал написанное, кивнул и вложил карточку в конверт.

– Я ее не заслуживаю. Я всегда знал об этом. Я женился на женщине, которая намного лучше меня.

Немногие согласились бы с такой самоуничижительной оценкой. В конце концов, Мэтью – красивый, успешный и добрый. Для мужа это великолепные качества. И все же он всегда находился в тени Элейн. У нее более острый ум, она более уверена в себе. Она человек другого калибра.

– Это неправда, – попыталась я успокоить Мэтью.

Он провел пальцами по краю конверта и по-прежнему стоял в глубокой задумчивости.

– Что ж, каждое утро я просыпаюсь рядом с девушкой моей мечты. Это самая большая радость в моей жизни.

Я улыбнулась.

– Красиво сказано. Ты написал это на карточке?

Мэтью покачал головой.

– Нет, я просто написал: «С Днем Святого Валентина!»

Мы оба посмотрели на дверь, когда в магазин вошла Ло с двумя ведрами свежей зелени. Мэтью попрощался, и как только он вышел, Ло спросила:

– Это же муж твоей подруги Элейн, верно?

– Да, – я смотрела в окно вслед Мэтью, который пересекал рыночную площадь. – У них сейчас не все ладится, но я не понимаю, что происходит.

– Приглядывай за ними, – посоветовала Ло. – Вдруг их случай подойдет для этой твоей старинной книги? Кстати, ты уже обдумала то, что тебе сказала Колетт?

– Я много думала об этом. Честно говоря, ее слова все время не выходят у меня из головы, – призналась я.

Ло одобрительно кивнула.

– Но, – продолжала я, – на Новый год я совершила страшную глупость.

– Неужели? – хмыкнула подруга.

Я округлила глаза.

– Я не об *этом* говорю. На вечеринке был один человек, Кэм, журналист. Я здорово опьянела, а разговор зашел о любви. Было в нем нечто такое, что заставило меня выложить ему всю правду о моем даре.

Ло задумалась.

– И как он отреагировал?

– Разумеется, Кэм решил, что я пошутила. Или все выдумала, – я пожала плечами. – Глупо было ему об этом рассказывать.

– Возможно, ты рассказала, потому что он тебе понравился.

Я покачала головой.

– Нет, он не мой тип.

– Джейн, у тебя нет твоего типа.

– Все равно, Кэм не в моем вкусе. К тому же он друг Флинна. Он знает, как со мной связаться, но не позвонил мне. Не то чтобы я этого ждала, но...

– Подожди-ка. – Ло прижала ладонь ко лбу. – Не могу поверить! Я же забыла тебе сказать, что на прошлой неделе в магазин заходил мужчина и спрашивал тебя. Прости меня, Джейн, это совершенно вылетело у меня из головы. – Ло прикусила краешек губы. – Как, ты сказала, зовут того парня? Журналиста?

– Кэм.

– Точно, это был он. Уверена. Высокий, на подбородке щетина. Темные очки. Этаким хипстер.

– Точно, – я встрепелась. – Так он заходил? И что сказал?

– В магазине были покупатели, – сказала Ло. – У кассы собралась очередь, так что у меня не нашлось времени поговорить с ним. Но он спросил, здесь ли ты, и попросил передать, что он заходил. Прости меня, я только что об этом вспомнила.

Ло нагнулась к ящику, порылась в нем и вытащила блокнот.

– Он оставил свой номер телефона.

Я вырвала страницу из блокнота и уставилась на цифры и имя. Почерк оказался отвратительным, как у большинства мужчин, но мне понравилось,

как он пишет букву К в своем имени. Она получилась большая и наглая.

– Так ты позвонишь ему? – с улыбкой спросила Ло.

– Возможно. А может, и нет.

Я сунула листок к себе в карман.

Моя подруга ностальгически улыбнулась.

– На прошлой неделе я снова обедала с Грантом. Он весь день посылал мне сообщения. – Она отложила ножницы и повернулась ко мне. – Грант отвез меня на остров Вашон, – Ло просияла. – Ты можешь поверить, что я всю жизнь живу в Сиэтле, но никогда там не была? Джейн, это было как во сне. И когда мы добрались до ресторана в маленьком городке на берегу, он оказался совершенно пустым. Там был накрыт всего лишь один столик, на нем горела свеча. Грант снял весь ресторан, чтобы мы могли побыть одни.

Я вспомнила, как облако появилось перед моими глазами, когда я увидела их вместе в нашем магазине во время их знакомства. Я реально это видела. И все же этот мужчина вызывал у меня сомнения. Хотя эту историю с рестораном можно было считать невероятно романтичной, но она доказывала еще и то, что Грант хочет держать Ло в тени.

– Это было так... естественно, – продолжала рассказывать Ло. – Нам нравятся одни и те же фильмы, одна и та же музыка. Его самое любимое место на свете это Ки-Уэст.

Ло тоже обожала Ки-Уэст, и она однажды порвала с бойфрендом, которому не пришлась по душе ее идея арендовать автомобиль с открытым верхом и вместе с ней отправиться в ежегодную поездку на Ки-Уэст.

– Никогда раньше я не чувствовала такой общности с мужчиной, – говорила между тем Ло. – Понимаю, что это звучит глупо и банально, но я как будто нашла свою вторую половину. Клянусь, мы можем заканчивать друг за друга фразы.

Я улыбнулась подруге, такой красивой и страстной. Она могла бы заполучить любого мужчину по своему желанию, но она выбрала Гранта, женатого и, вероятно, недоступного.

– Счастлива за тебя, – сказала я. – Правда. Но не торопись с Грантом. Вам обоим есть что терять. Вы рискуете разбить друг другу сердце. У него дети, семья. Не забывай, что я когда-то была маленькой девочкой, чей папа ушел к другой женщине. Я знаю, каково это.

Ло вздохнула.

– Мне это ужасно неприятно. Мне ненавистна сама мысль о том, что наша любовь может причинить боль другим. – Она на мгновение закрыла глаза. – Но и отказаться от этого чувства я не могу. А что если мне суждено быть именно с этим мужчиной? Что если он мой единственный?

Она снизила голос почти до шепота.

– Грант сказал мне, что, с его точки зрения, он живет не своей жизнью.

– Ты считаешь, что он говорил искренне?

– Да. Он несчастлив со своей женой, – твердо ответила Ло. – Они совершенно разные люди. Он мечтатель, способен на спонтанные поступки. Она повинуется логике, предпочитает размеренную жизнь. И потом, они практически расстались. Они даже не спят в одной постели. Грант живет в гостевой спальне.

– Побереги свое сердце, – предупредила я. – Я не хочу, чтобы тебе было больно.

– Мне никогда не будет больно, – игриво отшутилась Ло.

И это было правдой. Ло всегда умела управлять своими чувствами. Но что будет на этот раз? Я почти не сомневалась, что, если налетит свирепая волна, она пойдет на дно вместе с кораблем.

* * *

Во второй половине дня я проходила мимо газетного киоска Мела. Он поднял глаза от коробки с журналами. Старик в рубашке с красным галстуком-бабочкой просто сиял. Обычно он носил джинсы и свитера с заплатами на локтях.

– Сегодня вы просто настоящий модник, – улыбнулась я.

Глаза Мела метнулись сначала вправо, потом влево.

– Ты ее уже видела сегодня?

Я не поняла.

– Кого ее?

– Вивиан.

– Вивиан?

Мел шагнул ко мне.

– Английскую королеву.

– О! – Я сразу же вспомнила пожилую англичанку, выговорившую Мелу за отсутствие в киоске «Таймс», которую я потом встретила в салоне у Мэри. – Я ее помню.

– Считает себя лучше всех, – сказал Мел и поправил бабочку. – Вот хочу показать ей, что и мы в Сиэтле понимаем, что такое класс.

Я улыбнулась про себя.

– Я видела, как она делала прическу. Элегантная дама. Вы в нее влюбились, верно?

Мел нахмурился.

– Влюбился? В нее? – Он покачал головой. – Только не я. Для начала, она...

– Вы в нее влюбились, – засмеялась я, поднимая с прилавка номер «Сиэтл Таймс», помахала Мелу и направилась к своему дому. Я как раз доставала ключи, когда услышала:

– Джейн? Это ты?

Я обернулась и увидела Кэти, с которой мы учились вместе в старших классах школы. Она окончила юридический факультет и стала успешным юристом по вопросам иммиграции. Кэти была все такой же красивой, с блестящими каштановыми волосами и огромными карими глазами. Она стояла рядом с таким же привлекательным мужчиной. Высокий, с красивым лицом, такие обычно работают в индустрии моды.

– Джош, это моя давняя подруга Джейн, – представила меня Кэти, – та самая, о которой я тебе рассказывала. Я познакомилась с ней, когда мои родители переехали в Сиэтл. Джейн пожалела меня, потому что я каждый день ела ланч одна, и позвала меня за свой столик. Она владеет цветочным магазином на рынке.

Джош пожал мне руку.

– Рад знакомству, – с улыбкой произнес он, и его рука обвилась вокруг талии Кэти.

– Мы с Джошем помолвлены, – объявила та. – Летом свадьба.

Я обняла ее.

– Кэти, какая замечательная новость!

Джош нежно погладил ее по плечу, и она теснее прижалась к нему. Между ними как будто летали электрические искры. Перед моими глазами тут же появилось облако, но не совсем так, как это бывало обычно. На этот раз глаза заволок такой густой туман, что я, вспомнив о скамейке на тротуаре позади меня, сделала несколько шагов назад и рухнула на нее.

– Что с тобой? – встревожилась Кэти. – Тебе нехорошо?

– Я в порядке, просто немного устала, – ответила я. – Сегодня в магазине был суматошный день, и я забыла о ланче.

– Вы, девочки, поболтайте немного, а я пока загляну в магазин звукозаписей, – Джош указал на другую сторону улицы. – Надо узнать, нет ли у них того альбома Дилана, который я ищу.

Кэти улыбнулась, глядя ему вслед. Она не спускала глаз с любимого, а потом с гордостью повернулась ко мне.

– Правда, он самый горячий парень из тех, что тебе доводилось видеть?

Я улыбнулась, радуясь тому, что зрение снова стало нормальным.

– Да, должна с тобой согласиться. Он очень красивый.

– Ох, Джейн, между нами такое происходит... Скажу только, что мы не можем оторваться друг от друга.

– Когда мы говорили с тобой прошлой осенью, ты переживала ужасный разрыв с Крисом, – сказала я. – Рада видеть тебя такой счастливой.

– Спасибо, Джейн. Я даже не могу это объяснить. Со мной никогда такого не случалось, поэтому я уже начинаю думать, что до сих пор не знала настоящей любви. Как тебе кажется, в этом есть какой-то смысл?

Я кивнула.

– Есть.

Кэти посмотрела на магазин звукозаписей.

– Многие думают, что влюблены, хотя это не так. И со мной такое случилось. Помнишь, как я хотела выйти замуж за Криса? Я думала, что он *тот самый*. Но, оглядываясь назад, я понимаю, что между нами не было ничего подобного тому, что существует сейчас между мной и Джошем. Ничто не сравнится с тем, что он заставляет меня чувствовать. Я даже не подозревала, что могу испытывать нечто подобное. И вдруг я встречаю его в кофейне воскресным утром, и мой мир меняется навсегда. Думаю, вот так и приходит любовь. Она просто лупит тебя по голове, как Попай ^[3] бейсбольной битой.

– Значит, как Попай бейсбольной битой? – улыбнулась я.

– Со мной, во всяком случае, случилось именно так, – сказала Кэти. – Такое острое ощущение.

Она немного помолчала.

– Джейн, я хочу, чтобы ты пришла на нашу свадьбу. Я собиралась позвонить тебе на этой неделе, но мы встретились, и это даже лучше. Ты придешь? Ты окажешь мне огромную честь, если ответишь «да».

– Конечно же я скажу «да», Кэти.

Я не стала говорить ей о моем даре. Я не сказала ей и о другом. Любовь, которую я увидела между ней и Джошем, была настолько сильной, что я слабела даже от одного их присутствия рядом со мной. Я была по-настоящему счастлива за мою подругу.

* * *

Я быстро выгуляла Сэма и позвонила доктору Хеллер.

– Сегодня кое-что произошло, – сказала я.
– Еще один случай?
– Да, но на этот раз все было сильнее, чем то, что я испытывала раньше.

Я рассказала ей о Кэти и Джоше, описала, насколько густым был туман, появившийся перед моими глазами, и резкую слабость.

– Интересно, – пробормотала доктор Хеллер. – Судя по твоим словам, ты все еще веришь в то, что эти симптомы каким-то образом связаны с любовью.

– Я догадываюсь, что вы считаете меня сумасшедшей, но все дело в любви. Во всяком случае, я так считаю.

– Что ж, мне бы хотелось, чтобы ты как можно скорее пришла ко мне на прием. Я хочу, чтобы тебе снова сделали МРТ. Есть клиническое исследование, за которым я наблюдаю, постоянно думая о тебе. Оно может дать нам совершенно новую информацию о том, что происходит в височной доле твоей головы. Джейн, я беспокоюсь, как бы эти эпизоды не нанесли тебе больше вреда, чем мы думаем. Если будет повод для хирургического вмешательства, полагаю, нам не следует его откладывать. Вполне возможно, что существуют варианты лечения, которые мы пока еще не рассматривали.

Я не могла не вспомнить то, как изменилось мое зрение в кабинете доктора Хеллер, когда она разговаривала с доктором Уайтом.

– Доктор Хеллер, есть еще кое-что, о чем я не сказала вам во время нашей последней встречи.

– О?

– Я не хотела ничего говорить, потому что это касается... вас.

– Я не понимаю, – сказала доктор Хеллер.

– В тот день, когда я смотрела на вас и доктора Уайта, мое зрение затуманилось. Вы меня понимаете? – Я замолчала, давая ей возможность осознать мои слова. – Вы ведь любите его, не так ли, доктор Хеллер?

Ответом была долгая пауза, и на мгновение мне показалось, что она повесила трубку.

– Пожалуйста, – не выдержала я, – скажите хоть что-нибудь. Я надеюсь, что не оскорбила вас. Я просто подумала, что вам следует...

Доктор Хеллер откашлялась.

– Джейн, – наконец произнесла она слегка дрожащим голосом. – Ты должна знать только одно: я никогда бы не могла любить доктора Уайта. И больше мы не должны обсуждать эту тему.

– Разумеется, – быстро согласилась я, – я все неправильно поняла.

Теперь мне это ясно.

Но это было не так. Любовь не знает границ. Какие бы ограничения ни накладывала доктор Хеллер на свою любовь, чувство никуда не исчезло, ясное, словно день. Я видела его.

– Все в порядке, Джейн, жду тебя на приеме. Скоро увидимся, – голос доктора Хеллер звучал отстраненно. Одно упоминание о докторе Уайте вызвало у нее эмоции, а доктор Хеллер никогда не бывает эмоциональной.

Я попрощалась с ней, положила телефон на кофейный столик и вытащила из кармана листок с номером телефона Кэма. Я смотрела на него до тех пор, пока цифры не заплясали перед моими глазами.

– Это Джейн, – сказала я, когда Кэм ответил после третьего гудка. – Джейн с новогодней вечеринки. У меня цветочный магазин.

У меня вспотели ладони, голос прерывался.

– Привет, Джейн. Я думал, что ты не хочешь со мной общаться.

– Это не так, прости... Моя подруга только сегодня сказала мне, что ты заходил и оставил телефон. И... мне захотелось позвонить тебе.

– Я рад, что ты позвонила, – уверенно ответил Кэм с ноткой удовольствия, которая мгновенно вызвала у меня раздражение. – Я хотел узнать, не согласишься ли ты как-нибудь пообедать со мной?

– Пообедать?

– Ну да, ты знаешь, это такой ежедневный прием пищи часов в шесть, или семь, или даже в восемь – восемь тридцать, что больше соответствует моде.

– Как смешно, – с сарказмом произнесла я. – А что позволяет тебе рассчитывать на то, что я приму твое приглашение?

– Я самонадеянный, и я знаю, что нравлюсь тебе.

– Ты действительно самонадеянный, – ответила я.

– Следующие три недели мне придется работать в нью-йоркском офисе, но во вторую неделю марта я вернусь. Давай встретимся в среду вечером. Для начала зайдём в бар. Как насчет ресторана «У Лоуэлла» на Пайк-плейс? Скажем, в пять тридцать? – он помолчал немного, потом продолжил:

– Твое молчание – знак согласия. Увидимся.

Я положила телефон и покачала головой, улыбаясь. На кофейном столике лежал свежий номер «Сиэтл Таймс», который я купила у Мела по дороге домой. Глаза пробежали по первой странице, наткнулись на заголовок в нижней части листа: «Женщина разговаривает с людьми с помощью цветов». Фотография была черно-белой, изображение зернистым, но я сразу узнала Колетт.

Я прочитала первые несколько абзацев статьи:

«Уроженка Парижа Колетт Дюбуа росла в цветочной лавке на Левом берегу. Когда в 1972 году она приехала в Сиэтл, то, переполненная любовью к цветам, начала работать в цветочном киоске в Шведском госпитале. Скромная продавщица скоро заняла в госпитале уникальный пост «особого инспектора по цветочным делам».

«Мое основное занятие, – говорит Колетт, – проследить за тем, чтобы каждая из сотни цветочных композиций, которые прибывают в госпиталь каждый день, дошла до адресата».

Но есть и такие пациенты, которым никто не присылает цветы. Колетт Дюбуа умеет доставить радость и им.

«У нас есть команда волонтеров, которые забирают цветы после свадеб и особых мероприятий, а потом передают их тем пациентам госпиталя, которые нуждаются в положительных эмоциях. Я многого не понимаю в жизни, но с годами одно я усвоила твердо: не стоит недооценивать силу цветов, если нужно достучаться до чьей-нибудь души».

Когда мы спросили ее о любимом цветке, Колетт Дюбуа, не задумываясь, ответила: «Глоксиния. Этот цветок олицетворяет любовь с первого взгляда».

Глава 9

220, Боут-стрит, плавучий дом № 2

Ло долго рассматривала себя в зеркале. Ей скоро тридцать, хотя возраст никогда не имел для нее значения. И в сорок, и в пятьдесят, и в шестьдесят пять она будет сексуальной. Ло знала об этом. У нее хорошие гены. В конце концов, бойфренд ее тетки моложе ее на двадцать лет.

Мужчины. Ло хорошо их знала: от чего они вздрагивают, от чего начинают трепетать. У нее их было много, молодых и старых (пока она не установила для себя правило не встречаться с теми, кому больше сорока двух лет). Богатые. Бедные. Она пускала их в свою кровать, но никогда в свое сердце.

А потом появился Грант. Он влетел в цветочный магазин словно стрела и пронзил ее. Она почувствовала его.

Ло вздохнула, подвела глаза черным карандашом, слегка растушевала линии и несколькими быстрыми движениями наредила ресницы.

Дождь барабанил по крыше ее плавучего дома на озере Юнион. Хорошо было бы провести вечер дома с бокалом вина и увлекательной книгой. Нормальные люди так и поступают. Но Ло не такая, как они. Ей нужно выпорхнуть в мир, необходимо, чтобы рядом был мужчина, обожающий ее. Джейн однажды спросила, зачем Ло заполняет свое расписание таким количеством свиданий, и напрямую поинтересовалась, не испытывает ли Ло дискомфорт от пребывания в одиночестве и не заполняет ли свою жизнь мужчинами только для того, чтобы заглушить боль. Ло тогда отмахнулась от слов подруги. Она просто сменила тему. А потом поехала домой, надела облегающее платье от Хельмута Ланга и отправилась танцевать с мужчиной по имени Дэвид.

Ло как раз надевала лодочки на высоких каблуках, когда услышала стук в дверь. Это был Грант, готовый отвезти ее поужинать в уединенный ресторанчик в Западном Сиэтле, где они не встретят никого из знакомых. В конце концов, Грант все еще был женат. Этот факт мучил Ло, словно зудящий укус москита, но это было так глубоко в ее душе, что она и сама не могла туда дотянуться.

– Ты потрясающе выглядишь, – сказал Грант, останавливаясь в дверном проеме. Сам он выбрал в качестве вечернего костюма белую

рубашку с расстегнутой верхней пуговицей, темные джинсы и итальянские кожаные ботинки. От его улыбки Ло растаяла. Ни одному мужчине не удавалось этого добиться.

– Ты тоже выглядишь неплохо, – пошутила Ло.

– Готова?

Она кивнула, заперла дверь и взяла Гранта за руку. Ее каблук цокал по пристани. Ло нравилось ощущение его руки в ее пальцах. Ей нравилось то, как она чувствует себя, стоя рядом с ним.

В ресторане они уселись в самом дальнем и темном углу. Они не заняли места друг напротив друга, а устроились рядышком. Грант нашел руку Ло под столом и переплел свои пальцы с ее. Они ели, выпивали, но больше всего наслаждались обществом друг друга в этом восхитительном тайном месте. Они едва прикоснулись к вину, но оба опьянели от любви и желания.

– Что мы делаем? – прошептала Ло. – Что с нами?

Грант поцеловал ее руку.

– Это любовь, – сказал он, сразу найдя ответ. – Я это знаю.

Он крепко зажмурился, потом снова открыл глаза.

– Я знаю это. Знаю. Знаю.

Ло улыбнулась.

– Я тоже.

Слова слетели с ее губ, и она странным образом не узнала собственный голос. Более того, Ло не узнавала и своих чувств. И это ее испугало. Она отвернулась и принялась заново складывать салфетку на коленях.

– Неужели уже десять часов? – удивился Грант.

Могло быть и десять, и одиннадцать или даже три часа утра, Ло этого не знала. И ей это было безразлично. Время как будто застыло. Она бросила взгляд на свой мобильный телефон.

– В самом деле.

Грант потер лоб.

– Мне пора домой. Моим алиби был деловой обед, который состоялся раньше. Если я задержусь дольше, я...

– Я знаю, – быстро прервала его Ло. – Я все поняла.

Грант провел рукой по ее бедру и прижал женщину к себе.

– Не грусти, детка, – прошептал он. – Мы все уладим.

Она кивнула и отвернулась. Ло знала, насколько сложной была его ситуация, и это еще было слабо сказано. Грант собирался оставить жену сразу, как только адвокат поможет ему сформулировать план отхода,

который не оставит его совершенно без денег и обеспечит совместную опеку над двумя его дочками.

– Ты знаешь, на что это похоже? – спросила Ло, пока Грант доставал бумажник и отсчитывал купюры.

– Что именно? – спросил он, снова беря ее за руку.

– Такое чувство, будто мы поднимаемся на гору, – объяснила она. – Карабкаемся на Эверест. Мы вместе начали подъем из одного и того же лагеря. Но я поднималась быстрее. Так всегда бывает. Я уже добралась до вершины и вижу тебя внизу, на выступе. Мне так хочется бросить тебе трос, чтобы помочь подняться. И хочется крикнуть тебе, чтобы ты продолжал подниматься.

– Я поднимаюсь, – прошептал Грант ей на ухо.

– Но что если тебе не хватит кислорода? Или тебя подведет снаряжение? Или...

– Что если на меня набросятся злобные горные муравьи?

– Ну да, злобные горные муравьи, – улыбнулась Ло.

Грант ответил на ее улыбку, потом прижался носом к ее носу. Их глаза встретились.

– Я никогда не перестану подниматься к тебе, – прошептал он.

Идеальные слова. Ло следовало бы довольствоваться этим его обещанием. Но она вдруг поняла, что хочет большего. И Ло ничего не могла с этим поделать. Ей хотелось получить его целиком. Чтобы по утрам в воскресенье он был с ней, чтобы он был рядом, когда луна заглядывает в их спальню, чтобы желал ей доброго утра и спокойной ночи.

Зазвонил мобильный телефон Гранта. Он отпрянул от Ло, чары были разрушены.

– Звонят из дома, – объяснил он. Ло знала, что «дом» – это жена, и ей это очень не нравилось. Она ненавидела тайны. Ненавидела его несвободу. Она ненавидела всю ситуацию в целом.

– Понятно, – Ло отвернулась. Ей не хотелось, чтобы Грант видел ее слезы. Она вспомнила песню Билли Джоэла «And So It Goes», с которой она познакомилась благодаря матери Джейн. Там есть такие строчки: «В каждом сердце есть уголок, безопасное надежное святилище». Да. Именно там Ло спрячет свою любовь, свой страх перед тем, что она не осуществится. Ни один мужчина не бывал в этом уголке ее сердца.

Но тут Грант прошептал ей на ухо три слова, от которых ей сразу захотелось впустить его в этот уголок.

– Я люблю тебя.

– Я люблю тебя, – шепнула Ло в ответ.

И эти простые и надежные слова все изменили.

Глава 10

Март

Доктор Хеллер посветила специальным фонариком мне в глаза.

– Что было с твоим зрением в последнее время?

Я пожала плечами.

– Всего лишь несколько легких эпизодов, ничего существенного после того случая с Кэти на рынке.

Я напомнила ей об интенсивности тумана перед моими глазами и о том, что я едва устояла на ногах.

– Все начало приобретать больше смысла, – продолжала я. – Я была застенчивым ребенком, ненавидела встречаться взглядом с людьми. Я как будто шла по жизни с туннельным зрением. Я смотрела в пол. Тогда я этого не понимала, но как только я стала интересоваться людьми, мой дар сразу заявил о себе. Он заставлял меня видеть то, что раньше я видеть не хотела.

Доктор Хеллер кивнула, но я видела, что мне не удалось ее убедить. Я понимала, что она все еще ошеломлена моими словами о ней и докторе Уайте.

Я замолчала, вспоминая, как перед моими глазами впервые появилось облако. В то утро отец уходил от нас. Тогда я была, разумеется, слишком мала, чтобы понимать это, но я видела любовь, настоящую любовь, пусть и через призму разрыва. Я рассказала об этом доктору Хеллер.

– Интересное совпадение, – прокомментировала она и потянулась за моей картой. – Но я уверена, что у этого есть медицинское, научное объяснение, которое нам просто не удастся пока найти, особенно в свете результатов твоей последней томограммы. Понимаешь, судя по всему, опухоль на твоем глазном нерве увеличивается. Я не хочу тревожить тебя, но я проконсультировалась с врачом, который заканчивает клиническое исследование, о котором я упоминала во время твоего последнего посещения. Мы вместе изучили твою томограмму, и мы оба не сомневаемся, что ты страдаешь от крайне редкого и серьезного заболевания. Оно называется синдром Крейна. Из-за него постепенно распадается височная доля мозга. Сначала процесс идет медленно, а потом, подобно раку, ускоряется.

Доктор Хеллер вздохнула, и я поняла, что она встревожена, и даже

очень.

– Джейн, сейчас нас больше всего беспокоит тот факт, что эти эпизоды, возможно, нарушают функции твоего мозга. Я надеюсь, что хирургическое вмешательство поможет нам не допустить этого, остановить прогрессирующее повреждение мозга.

Я крепко сцепила руки на коленях.

– А если обойтись без... вмешательства?

– Я полагаю, что операция – это наша единственная надежда, – честно ответила доктор Хеллер.

В дверь кабинета постучали.

– Войдите, – сказала она. В кабинет вошли доктор Уайт и медсестра Келли.

– Келли, пожалуйста, измеряй Джейн давление, – попросила доктор Хеллер и повернулась к доктору Уайту. Он был ошеломляюще красив: волосы с легкой проседью, лицо скульптурной лепки и карие глаза. Он вполне мог бы сыграть красавца-врача в телесериале. – Что сказал ваш коллега?

Доктор Уайт посмотрел на меня.

– Джейн, мы проконсультировались с лучшим неврологом в университете Джона Хопкинса, он когда-то был моим наставником. Он полагает, что вам угрожает потеря когнитивной функции, если мы... – он сделал паузу и посмотрела на доктора Хеллер, – если мы не прооперируем вас.

Я тряхнула головой.

– Операция?

Келли застегнула манжету тонометра на моей руке, когда доктор Хеллер и доктор Уайт обменялись понимающими взглядами.

– Джейн, – сказала она. – Я понимаю, что это сложное решение. Но есть процедура, которая, как мы надеемся, прекратит появление этих эпизодов. Необходимо перекрыть приток крови к опухоли на твоём глазном нерве. Мы полагаем, что ты идеальный кандидат для этой операции.

Мое сердце забилося быстрее. Келли измеряла мне давление. Я посмотрела на нее, потом на двух врачей. Перед моими глазами снова поплыл туман. Я потеряла глаза.

– Джейн, с тобой все в порядке? – встревожилась доктор Хеллер.

– Это происходит снова, – объяснила я. – Помните, я говорила вам о том, что вижу...

– Приляг, – быстро прервала меня доктор Хеллер. – Келли, принеси ей воды.

Медсестра кивнула и выбежала из кабинета. Доктор Уайт отступил на шаг назад.

– Я вас оставляю, – сказал он. – Дайте мне знать, если я вам понадоблюсь. Я буду в своем кабинете.

Доктор Хеллер благодарно улыбнулась ему, потом снова повернулась ко мне.

– Я боюсь, Джейн, что если мы быстро не проведем эту операцию, твое здоровье серьезно ухудшится.

– Сколько у меня времени, чтобы принять решение?

– Не знаю, – ответила доктор Хеллер. – Но чем дольше ты будешь ждать, тем выше риск.

* * *

После предъявленного мне медицинского ультиматума мысли вихрем неслись в моей голове. Был только один человек, который мог помочь мне принять решение. Если верить газете «Сиэтл Таймс», Колетт должна быть в Шведском госпитале, где она творит чудеса с цветами.

– Я ищу одного человека из персонала госпиталя, – объяснила я женщине-администратору с большим носом и золотыми серьгами-кольцами. – Ее зовут Колетт. Она занимается цветочной программой для госпиталя, я так думаю.

– Колетт! Ну конечно, – в голосе администратора появились теплые нотки. – Ее кабинет чуть дальше по коридору, напротив магазина подарков.

– Спасибо, – поблагодарила я и направилась к единственной открытой двери. Я заглянула внутрь, не постучав. Комната была полна цветов и воздушных шариков. На одном я заметила надпись: «Ты чемпион».

Колетт стояла в уголке и пыталась исправить неудачную композицию из гвоздик. Я сморщилась: слишком много было гипсофили.

– Это ты, Джейн? Здравствуй, – сказала Колетт, подняв глаза от цветов и улыбаясь.

– Привет, – ответила я, делая шаг вперед. Я робела в присутствии этой женщины. – Я не знала, что вы работаете здесь, пока не прочла статью в «Сиэтл Таймс». Все дело в цветах, так? И в зеленых глазах. Мы относимся к особому типу женщин, верно?

Колетт убрала за ухо прядь седых волос и подошла к двери. Закрыв ее, она указала мне на стул возле письменного стола, на котором стоял горшок с яркой цветущей глоксинией.

– Присядь на минутку, пожалуйста.

Я буквально рухнула на стул, готовая вот-вот разрыдаться.

– Они хотят сделать мне операцию на головном мозге.

Колетт кивнула и шагнула ко мне.

– Значит, то, что мне сказал врач, правда? – спросила я. – Неужели эти случаи, когда я на время теряю зрение, разрушают мой мозг?

– Правду нелегко принять. – Глаза Колетт сузились. – Но позволь мне спросить тебя вот о чем. Ты сама чувствуешь, что твой мозг *разрушается*?

Я покачала головой.

– Нет, я бы этого не сказала. Во всяком случае, я сама так не думаю. Но доктор Хеллер так настойчиво предлагает операцию. А я всю жизнь верила ей.

Колетт сцепила пальцы.

– Люди могут пытаться делать выводы, но не существует никакого научного объяснения того, что мы испытываем. В конце пятидесятих годов XX века жила женщина, которая столкнулась с такой медицинской дилеммой. Ее звали Фелисия Харкерт. Не совсем понятно, в чем там было дело. Возможно, ей не хватило сил, чтобы совладать с даром, или сыграли свою роль какие-то другие факторы. В конце концов она согласилась на лоботомию. Остаток своей жизни Фелисия провела в клинике для умалишенных. Загляни в книгу. Ее страницы пусты. Она не совершила свое путешествие.

– Как же мне поступить? – спросила я дрожащим голосом.

– Есть только одно, что ты должна сделать: идентифицировать шесть типов любви, – решительно произнесла Колетт. – И знаешь, Джейн, ты должна добиться успеха. Ты обязана. Обещай мне, что пройдешь свой путь до конца.

Я смахнула слезу.

– Я постараюсь.

– Вот и хорошо, – сказала Колетт.

Я протянула руку и коснулась одной фиолетовой розетки глоксинии.

– Почему вы посвятили свою жизнь цветам?

Женщина долго молчала, потом глубоко вздохнула.

– Потому что это мой способ испытать любовь.

По дороге домой на Пайк-плейс я думала о ее словах. Они не оставляли меня, пока я выгуливала Сэма, а мартовское солнце согревало мое лицо.

– Ты выглядишь на все сто, – оценила мой наряд Ло. Это было в тот же день, но стрелки часов уже миновали цифру пять, а в половине шестого я должна была встретиться с Кэмом, чтобы выпить вместе в ресторане «У Лоуэлла».

Я потянула вниз подол юбки.

– Тебе не кажется, что я немного перестаралась? Пожалуй, мне стоит вернуться домой и переодеться в джинсы.

– Ни в коем случае, – воскликнула Ло. – Я знаю, что ты не слишком привыкла ходить на свидания, но, поверь мне, подруга, именно так одеваются женщины, когда идут встречаться с мужчиной. Они украшают себя чуть больше обычного. У тебя все отлично получилось.

Я вздохнула.

– Ну, не знаю. Я даже не уверена, нравится ли мне этот парень. Он какой-то...

– Какой?

– Слишком откровенный. Чересчур самоуверенный. Нахальный.

– Нахальный мужчина – это хорошо, – рассмеялась Ло. – А самоуверенность заводит. Сама увидишь.

– Мне бы твою уверенность, – сказала я. – И потом, я немного беспокоюсь, потому что рассказала ему о своем... состоянии.

– О том, что ты видишь любовь, – поправила Ло, доставая наличные из кассы.

– Лучше бы я этого не говорила.

– Но ты рассказала, – сухо парировала Ло. – Вполне вероятно, что ты поступила так именно потому, что интуиция подсказала тебе: ты можешь ему доверять.

– Но я все равно нервничаю.

– Свидания – это непросто. – Ло сложила купюры и чеки отдельно, потом убрала их в конверт, чтобы вечером отвезти в банк. – Знаешь, что последнее время не выходит у меня из головы?

– Что?

– Моя мама часто это повторяла, – продолжала Ло. – Она утверждала, что двадцать девятый год в жизни женщины самый опасный.

Я улыбнулась.

– Нам обеим по двадцать девять. Как ты думаешь, что твоя мама имела в виду?

Ло на мгновение задумалась, потом улыбнулась.

– Мама говорила, что в этом возрасте мы стоим на пороге будущего, но так, как еще никогда не бывало и больше уже никогда не будет.

Моя подруга снова умолкла, как будто пыталась вызвать из глубин памяти голос своей матери. Ло потеряла мать еще подростком. Это стало одной из причин, почему мы подружились в колледже.

– Это время выбора. Мама предупреждала меня, что многие женщины теряют себя в этот великий год. Они живут словно в тумане или оказываются там, где никогда не хотели быть. Кто-то делает неправильный выбор, совершая страшную ошибку. Но есть и такие, кто живет смело, громко, управляет своей жизнью. Кажется, моя мама говорила: «Бери жизнь за яйца». – Ло вздохнула. – В любом случае это опасный год. Нам следует быть мудрыми.

Я думала о словах Ло, пока шла через рынок. До ресторана «У Лоуэлла» оставалось пройти не так много, а там за столиком меня будет ждать Кэм. Я вспомнила и о Колетт, и о том, как она настаивала на том, чтобы я совершила свое путешествие до тридцатилетия, вернее, до заката в день моего тридцатилетия. Двадцать девять лет. Интересно, Колетт тоже считает этот возраст опасным?

Мой телефон зазвонил в квартале от ресторана. На экране я увидела имя Флинна и ответила.

– Привет, – сказала я.

– И тебе привет, – ответил брат. – Какие планы на обед?

– Я встречаюсь с тем журналистом, Кэмом.

– Свидание!

– Да, – подтвердила я. – Думаю, это можно назвать именно так.

– То есть он тебе нравится. Правильно я понимаю?

– Полагаю, правильно.

– Что ж, он хороший парень, Джейн, – продолжна Флинн. – По-настоящему хороший. Он рассказывал тебе о Джоанне?

– О ком?

– Джоанна была его девушкой, она умерла.

– Умерла?

– Да. Это было ужасно. Я подробностей не знаю. Мне в общих чертах об этом рассказал один парень, Адам, который жил в одной квартире с Кэмом в Нью-Йорке после всей этой истории. Ужасный случай. В то время они были помолвлены, насколько я понимаю. Кэм был за рулем, они ехали к каким-то друзьям за город на уик-энд. Я не знаю толком, что случилось, но они попали в аварию. Кэм отделался испугом, но Джоанне не повезло.

Она долгое время провела в коме и так до конца и не оправилась. Амнезия, травматическое повреждение мозга и все в таком духе. Кэм взял годичный отпуск на работе и ухаживал за ней. Адам как-то навестил его в это время, и он потом говорил, что никогда не видел, чтобы мужчина так заботился о женщине. Он купал ее, кормил с ложечки, заново учил ходить, говорил ей о своей любви.

– Это и печально, и вдохновляюще, – сказала я. – И чем все закончилось?

– У Джоанны случился удар. Это было осложнение после травмы головы.

– Какая трагедия!

– Да, – согласился со мной Флинн. – Это изменило Кэма, как любые трудности меняют человека. Такое даже представить страшно: человека, которого ты любишь, у тебя отнимают в мгновение ока.

– Теперь мне все понятно, – вздохнула я. – Именно поэтому он теперь так скептически относится к любви. Она у него была, а потом он ее потерял.

– Точно, – ответил Флинн, – но я не уверен, что могу назвать его отношение к любви скептическим, Джейн. Скорее Кэм стал относиться к ней серьезнее. Теперь он знает, что ничто в жизни не вечно.

Слова Флинна все еще звучали у меня в ушах, когда я вошла в ресторан и увидела Кэма, который уже ждал меня за столиком. Он сразу заметил меня и помахал мне рукой.

Я обошла администратора и направилась к Кэму.

– Привет, – поздоровалась я и села. Внутри у меня все трепетало.

– Ты великолепно выглядишь, – оценил Кэм.

Я сняла пальто и пристроила его на спинке стула.

– Спасибо. – Я чувствовала его взгляд, но не посмотрела ему в глаза, а оглядела зал.

– Ты уже бывал здесь? – спросила я, заставляя себя встретиться с ним взглядом. Кэм все так же смотрел на меня.

– Нет, – ответил он. – Это не то место, куда мы с Флинном отправились бы на первом курсе. А потом я долго не возвращался в Сиэтл.

Кэм помолчал, потом спросил:

– Послушай, разве не здесь снимали сцену из фильма «Неспящие в Сиэтле»?

– Здесь, – подтвердила я. – Это была та самая сцена, в которой Том Хэнкс и его друг говорят о...

– Тирамису, – одновременно со мной произнес Кэм.

Я улыбнулась и отвела глаза.

– Не могу поверить, что мы с тобой не встречались с Нового года, – сказал Кэм.

– Забавно, как быстро бежит время. – Я закусила губу и отругала себя за такой банальный и пустой комментарий.

– Что ж, я рад, что мы наконец встретились снова. Я думал о тебе, – признался Кэм.

Я посмотрела на него.

– В самом деле?

– Да.

Он был уверен в себе, даже нахален. Ло его бы одобрила. Но я все никак не могла разобраться, что значит для меня его бравада.

– А ты думала обо мне? – спросил Кэм.

– Ну... Пожалуй, да, – я почувствовала, как румянец заливает мои щеки.

– Знаешь, я никак не мог забыть тебя!

Я тряхнула головой.

– Что?

– Я все время вспоминал о том, что ты мне сказала в тот вечер о твоём даре, – ответил Кэм. – О твоей способности... – он заговорил тише, – видеть любовь.

– О! Я надеялась, что мы не станем возвращаться к этой теме.

– Почему?

– Потому что это... сложно.

– Ты мне доверяешь?

– Почему я должна доверять тебе? – с усмешкой поинтересовалась я. – Мы едва знакомы.

– Но ты доверилась мне в ту нашу первую встречу, – парировал Кэм. – Почему бы тебе не продолжить в том же направлении?

Я кивнула.

– Ты прав.

Официант принес два martini, которые Кэм заказал заранее, мы чокнулись, а потом сделали по глотку.

– Вот что мне хотелось бы знать, – снова заговорил Кэм. – Когда ты бываешь в тех местах, где собираются пары, как ты себя чувствуешь?

– Что ж... – осторожно начала я, – это может быть интересно.

– Что именно?

Я пересказала ему типичный эпизод, и Кэм только качал головой то ли от удивления, то ли от недоверия, то ли от того и другого сразу.

– Я поражен, – признался он. – То есть, иными словами, если ты сейчас посмотришь на пары в зале, то ты, вероятно, увидишь то, что заставит работать... твой дар?

Я кивнула.

– Любовь вокруг нас, она многолика. И если это настоящая любовь, то я это увижу.

– Тебе больно от этого? – спросил Кэм, опуская подбородок на ладонь.

Я покачала головой.

– Не то чтобы больно, но возникает какое-то давление в голове. А потом перед глазами появляется туман. Иногда я даже полностью теряю зрение. Это немного неприятно, несколько дезориентирует, но у меня ничего не болит.

Кэм задумался. Потом кивнул.

– У этого должно быть научное объяснение. Оно просто обязано существовать.

– Ты говоришь, как мой невролог, доктор Хеллер.

– Не обижайся, – спохватился Кэм, – но я просто не верю в колдовство.

– Кто говорил о колдовстве? – возразила я.

– Прошу прощения, я не хотел, чтобы мои слова так прозвучали. Я просто пытаюсь все это осознать.

– Вполне возможно, вскоре мне придется прооперироваться. Речь идет о моей голове.

– Прооперироваться?

Я рассказала ему о пугающем прогнозе, который услышала в кабинете врача.

– И что ты собираешься делать? – спросил Кэм.

– Не знаю. Честно говоря, временами мне кажется, что я бы легко обошлась без лоботомии.

Кэм улыбнулся.

– Я очень много об этом знаю.

– Откуда?

– Ничего удивительного, – ответил Кэм. – Я интересовался этой проблемой в прошлом, мне было нужно для статьи. – Он бросил в рот оливку из бокала с мартини. – В любом случае, это было много лет назад, и я не хотел бы сейчас утомлять тебя, ты можешь заскучать.

Я вспомнила о том, что сказал мне Флинн об умершей девушке Кэма. Может быть, он интересовался проблемами мозга из-за травм Джоанны?

– Как получилось, что ты начал писать о медицине? – спросила я.

Кэм на мгновение задумался, как будто решал, стоит ли ему говорить

правду о себе, но потом выражение его глаз быстро изменилось.

– За это платят намного больше, чем за статьи о спорте, – отшутился он.

Я улыбнулась, и когда официант спросил, принести ли мне еще мартини, я согласилась.

– Видишь вон ту пару? – спросил Кэм, меняя тему разговора. Он указал на молодых мужчину и женщину, погруженных в разговор. Перед ними на столике стояла открытая бутылка красного вина. Я быстро отвернулась от них.

– Они молоды, – продолжал Кэм, – хороши собой. Они явно поглощены друг другом. Ты думаешь, они влюблены?

Я округлила глаза.

– Это что, обязательный пункт программы?

– Да, – с лукавой улыбкой ответил Кэм.

Я вздохнула и снова взглянула в ту сторону, где должна была находиться пара, мне хотелось самой отыскать их. Я смотрела, как они потягивают вино и обмениваются шутками. Женщина, одетая в голубой топ с низким вырезом, потянулась через стол и на краткий миг накрыла рукой запястье мужчины. Он улыбнулся. Я прищурилась, потом собралась с силами, готовясь к тому, что вот сейчас перед моими глазами появится облако.

Я ждала, но ничего не произошло.

– Ну как? – спросил Кэм. – Что ты видишь?

– Ничего.

– Ничего?

– Ничегошеньки.

Он покачал головой.

– То есть ты хочешь сказать, что они *не* влюблены друг в друга?

– Я не вижу любви между ними.

Кэм сделал глоток мартини.

– Но они выглядят такими... счастливыми.

– Счастье не всегда означает любовь, – сказала я. – Ты удивишься, когда узнаешь, сколько людей на самом деле не влюблены, хотя и кажутся влюбленными.

– Значит, они прикидываются влюбленными?

Я пожала плечами.

– Я обычно говорю иначе. Эти люди *делают вид*, что они влюблены. Я думаю, что они хотят быть влюбленными. Им хочется жить идеальной жизнью и демонстрировать окружающим, что именно так они и живут.

– Но ты видишь их насквозь, – заявил Кэм.

– Полагаю, что так, – ответила я.

– Вот только тебе не слишком хочется все это видеть?

Я вздохнула.

– У меня такое ощущение, словно я вмешиваюсь не в свое дело.

– Как это?

– Если бы ты знал, что жена твоего лучшего друга его не любит, ты бы сказал ему об этом? Или, к примеру, твой брат безумно влюблен в женщину, которая никогда не ответит ему взаимностью? Что делать в таких случаях?

Кэм улыбнулся.

– Интересно, – он еще глотнул мартини.

– Ты по-прежнему мне не веришь?

– Не могу сказать, что я тебе не верю, – протянул Кэм. – Просто для меня картинка логически не складывается.

– В любви нет логики, – парировала я.

– И мы снова в тупике, – продолжал он. Кэм снова оглянулся по сторонам, потом указал на пару у окна: – А как насчет вот этих двоих? Что ты видишь?

Я снова вздохнула.

– Ты правда хочешь знать?

Кэм кивнул.

– Но позволь мне сначала самому угадать, – сказал он. – Между ними нет никаких любовных отношений. Не хочу, чтобы мои слова прозвучали грубо, но они совершенно не подходят друг другу. Женщина слишком красива для своего спутника. Ты только посмотри на этого парня. Он лысый, и к тому же его подвел рост. Он просто коротышка.

Кэм покачал головой.

– Я говорю, что они не любят друг друга.

Я повернулась, чтобы посмотреть на пару, которая так заинтересовала Кэма, и сразу же поняла, почему он позволил себе такие резкие суждения. Женщина и в самом деле была красива как модель. А мужчина был неказист. Ничего привлекательного. Я кивнула Кэму, но тут мое зрение начало неожиданно затуманиваться. Перед глазами появилось облако. Я потерла их кулаками.

– В чем дело? – спросил Кэм, наклоняясь ко мне.

– Это любовь. Большая любовь.

– Большая любовь?

Я кивнула, не открывая глаз.

– Если бы ты только мог почувствовать давление в моей голове...

– Ты в порядке?

Я заморгала.

– Сейчас все придет в норму, – сказала я. – Мне нужно в дамскую комнату.

Я встала, опираясь на край стола, чтобы не потерять равновесия, но я переоценила силу моих ног, они ослабели и подогнулись подо мной.

Когда я пришла в себя, то чувствовала себя странно, голова болела. Кэм склонился надо мной, как и мужчина из-за столика у окна. Он промокал мне лоб салфеткой. Я увидела на салфетке кровь. *Мою кровь?*

– Джейн, – позвал меня Кэм. Его глаза расширились, в них плескалась тревога. – Джейн, ты меня слышишь?

– Да, – пробормотала я. – Что случилось?

– Ты упала и ударилась головой, – объяснил Кэм.

– Вы потеряли сознание, – сказал мужчина (или муж) женщины-супермодели. – У вас царапина на лбу, а потом появится шишка. Но я не вижу никаких признаков сотрясения мозга.

Кэм посмотрел на мужчину, потом снова на меня и сказал:

– Но если у тебя позднее появится тошнота или тебе вдруг захочется спать, то тебе стоит заехать в отделение «Скорой помощи». Сотрясения мозга могут быть коварными. Я сам был свидетелем такого случая.

Мужчина кивнул.

– Да, если появится тошнота, сразу же везите ее к врачу, – посоветовал он.

Кэм усмехнулся.

– Ты удачно упала. Всего в двух шагах от нейрохирурга.

– Меня зовут Энди Уэстфилд, – представился мужчина. – Я работаю в медицинском центре «Харборвью». А это моя жена Анна. Сегодня десятая годовщина нашей свадьбы. Мы встретились в этом ресторане двенадцать лет назад. – Энди и Анна обменялись нежными взглядами. – Я до сих пор не понимаю, что она во мне находит. Что ж, вы можете вернуться к вашему обеду. С вами все будет в порядке.

Я улыбнулась.

– Спасибо. И счастливого праздника.

Кэм помог мне подняться, и стоило мне только взять его руку, как у меня внутри все снова затрепетало.

– Боже, вот стыд какой... – сказала я, снова занимая свое место.

– Не бери в голову, – посоветовал Кэм. Он тщательно взвесил свои следующие слова. – Знаешь, я начинаю тебе верить.

Мы встретились взглядами, и в эту минуту я почувствовала, что он видит меня. Не только мою внешность, но и меня саму. Он видел *меня*.

– Я рада, – улыбнулась я. – Я очень рада.

Глава 11

1112, Бродвей-авеню, владение 202

Джош подал своей невесте руку, чтобы помочь ей выйти из машины. Он еще десять минут назад завязал Кэти глаза, поскольку приготовил для нее сюрприз. Большой сюрприз.

– Можно мне, наконец, снять эту штуку? – взмолилась Кэти. – Я умираю от любопытства!

– Потерпи еще минутку, – попросил Джош, захлопнул дверцу машины и повел ее по дорожке к трехэтажному дому из песчаника на Капитолийском холме, который он приобрел для них. Риелтор только на этой неделе передал ему ключи, и Джош долго смотрел на сверкающую латунь. Разумеется, Кэти достойна особняка, даже замка, но на этот дом он потратил все свои сбережения до последнего пенни. Особняк только что отремонтировали, в нем были кухня, достойная шеф-повара, домашний офис на верхнем этаже и роскошная ванная комната с душевой кабиной для двоих. У Джоша быстрее забилось сердце, когда он представил, как они вдвоем с Кэти будут принимать душ.

Улица тоже была потрясающей, соседи замечательные. Накануне Джош как раз познакомился с одной из соседок, неврологом, которую звали доктор Хеллер. Она упомянула о том, что местная школа вполне приличная, а ее музыкальная программа недавно получила национальную премию. И Джош сразу представил, как они с Кэти будут здесь жить, представил их будущее. Во дворе зазвучат детские голоса.

– Джош, я не понимаю, что происходит, – нетерпеливо сказала Кэти. – Сегодня даже не день моего рождения. Ну что ты там прячешь в рукаве?

Она обвила руками его шею и пробежалась пальцами по волосам.

Джошу это очень нравилось. Ни одна женщина раньше не прикасалась к нему так, как это делала Кэти. Но в его жизни и не было женщин, похожих на нее. Она – сила, и в жизни, и в постели. Джош улыбнулся про себя, когда они подошли к парадной двери их нового дома.

– Что ж, – произнес он, открывая ключом замок и распахивая дверь перед своей невестой. Теперь настал черед снять с ее глаз повязку. – Добро пожаловать домой, красавица.

Кэти прикрыла рот рукой.

– Джош! Это что, шутка?

– Тогда это была бы слишком жестокая шутка, – ответил он.

– Джош! – взвизгнула Кэти. – Это же дом! *Тот самый* дом, который я видела в Интернете. Я тебе его показывала. Я еще подумала, что тебе это не показалось интересным.

– Неправда, – улыбнулся Джош. – Я отправился его посмотреть на следующий же день.

Кэти восхищенно покачала головой.

– Но ты же говорил, что дом слишком дорогой... – она посмотрела на своего жениха и бросилась в его объятия. – Ты самый замечательный мужчина на планете, ты знаешь об этом?

Джош подмигнул Кэти, положил руки ей на бедра и прижал ее к себе.

– Иди ко мне. Я хочу перенести тебя через порог.

Ей очень понравилось, как его сильные руки подхватили ее, и то, как он держал ее, как будто она была призом, сокровищем. Джош переступил через порог. Он опустил Кэти на пол рядом с лестницей, и она провела рукой по перилам.

– Тебе нравится? – спросил Джош. – Мне кажется, это вполне подходящее место, чтобы начать нашу совместную жизнь.

– Это идеальное место, – ответила Кэти.

– Идем! Я покажу тебе дом, – Джош взял ее за руку.

Кэти шла за ним по комнатам, пока они не оказались в главной спальне.

– Вон там мы поставим кровать, – сказал Джош, показывая на дальнюю стену. – Тогда мы будем видеть восход солнца, когда проснемся. Отсюда даже виден кусочек озера.

Кэти кивнула, но она не смотрела на озеро. Она смотрела на Джоша. Ее охватило желание. Этого мужчину она любила всем своим существом. Чувство было сильным, ощутимым. Их глаза встретились. Кэти и Джош поцеловались, страстно, глубоко.

– Нам очень хорошо вместе, правда? – сказала Кэти. – Я думаю, нет на свете женщины, которая любила бы мужчину так же сильно, как я люблю тебя.

– Нам очень хорошо вместе, – повторил ее слова Джош. – У нас самая прекрасная любовь.

Кэти кивнула.

– Знаешь, что люди говорят о звездах?

– Ты о чем?

– Некоторые звезды ярко светят, а потом гаснут, – продолжала Кэти. –

У них короткая жизнь. Другие звезды горят не так ярко. Они не такие ослепительные, но их света хватает на тысячи и тысячи лет. – Она покачала головой. – А мы с тобой странное сочетание и тех, и других. Мы горим ярко, но нашего света хватит надолго.

Джош притянул ее к себе, стянул с нее свитер и бросил его на пол. Кэти расстегнула сначала его рубашку, потом ремень на брюках. Через несколько мгновений они, уже обнаженные, слились в единое целое. Крики экстаза эхом отозвались от голых стен.

Они были дома.

Глава 12

Май

Рынок на площади Пайк-плейс был наполнен весенними продуктами, и в цветочном магазине толпились покупатели, желавшие купить сезонные цветы. В этот вторник после обеда мы с Ло должны были отправиться на примерку подружек невесты, которыми нам предстояло быть на свадьбе Кэти. Мне очень не хотелось рано закрывать магазин при такой успешной торговле, но я без колебаний согласилась на просьбу подруги.

Мы как раз собирались закрыть магазин, когда зазвонил мой мобильный телефон. Это была Мэри. Она плакала.

– Дорогая, что случилось? – спросила я.

– Я беременна, – сказала Мэри.

– Это замечательно, ты, должно быть...

– Илай не вернется домой, Джейн.

– Что ты имеешь в виду?

– У него другая женщина, – объяснила Мэри. – Ее зовут Лиззи. Она из отдела маркетинга той самой фирмы звукозаписи, с которой Илай сейчас работает.

– Ты сказала ему, что ждешь ребенка? Это же все меняет!

– С тем же успехом я могла взять собаку из приюта. Ему это безразлично. Домой он не вернется.

– О, дорогая! У меня нет слов.

– Слова не нужны, – продолжала Мэри. Она плакала и смеялась одновременно. – Я счастлива, но мне очень горько.

– Готова? – спросила Ло, когда я убрала телефон в сумочку.

Я рассказала ей о Мэри, и мы обе сошлись на том, что Илай самый эгоистичный из мужчин в истории человечества.

– Давай прогуляемся, – предложила я. – Магазин свадебных нарядов не очень близко, но сегодня такой хороший день.

– Давай, – ответила Ло.

Прилавки ломились от свежих продуктов, повсюду царил атмосфера приподнятого настроения. Люди повеселели после долгой зимы и дождливого апреля. Даже чайки казались счастливее. Но только не Ло. Уже с утра она выглядела так, как будто внутри нее погасили свет.

– Сама расскажешь, что тебя тревожит, или мне придется угадывать? – спросила я.

Ло уныло пожала плечами.

– О, нет! – воскликнула я. – У тебя проблемы с Грантом.

– В этом-то и парадокс, – сказала она. – У меня нет проблем с Грантом. Все замечательно. Никогда в жизни я настолько не растворялась в мужчине. Я впервые задумалась о совместном будущем. С Грантом. Но все остальное кажется таким... мрачным.

– Почему?

– Ну, для начала, есть его жена.

– Значит, Грант так и не ушел от нее?

– Все сложно, – торопливо принялась объяснять Ло. – У них две дочери, семья очень хорошо обеспечена, так что им придется делить много денег. Гранту все надо предусмотреть.

– А может, не стоит ждать, пока он решит все свои проблемы?

– Контакт, – загадочно ответила Ло.

– Ты о чем?

Ло улыбнулась.

– Это трудно выразить словами. Когда я думаю о нем, у меня в животе порхают бабочки. Я чувствую, что он видит меня такой, какая я есть, и ему все во мне нравится. Для меня это и есть контакт.

– Но что тогда тебя тревожит? – спросила я.

– Я чувствую, что Грант колеблется. – Ло собрала свои блестящие каштановые волосы в конский хвост и закрепила резинкой, которую сняла с запястья. – Иногда мне кажется, что его устраивает такое положение дел, ему нравится вся эта таинственность и возможность приходить и уходить.

– То есть и хочется и колется?

– Пожалуй, так и есть, – ответила Ло. – Получается, что ему нравится страсть в отношениях со мной и возможность вернуться домой к удобствам совместной жизни с женой.

– Ты говорила, что Грант спит в гостевой спальне.

Ло кивнула.

– Но как-то раз у него сорвалось с языка, что его жена великолепно готовит. Она покупает ему одежду, забирает ее из химчистки. В общем, все в таком роде.

– Получается, что он хочет иметь и любовницу, и домохозяйку.

Ло улыбнулась.

– Мужчины. Зачем только мы вообще имеем с ними дело?

– Грант подобрался к тебе ближе остальных, – сказала я. – Как это

получилось?

– Я привыкла держать дистанцию, Джейн. На этот раз я ее нарушила, даже в подсознании. – Ло откашлялась. – Я все время вижу один и тот же сон.

– Звучит пугающе.

– Мне снится холодная ветреная ночь. Я стою одна на пустой дороге из гравия, идущей через лес. Я поддеваю носком гравий в ожидании Гранта, который подъедет ко мне, откроет дверцу машины и скажет: «Садись».

– Ты поддеваешь ногой гравий, – повторила я.

Ло кивнула.

– Это действие символизирует нетерпеливое ожидание на полпути. – Она нахмурилась. – Я ненавижу половину пути.

– Картинка слишком пассивная, – прокомментировала я. – Ты позволяешь кому-то другому сидеть за рулем и действовать.

– Но что еще я могу сделать, Джейн? Я люблю Гранта. Я хочу только одного: чтобы он взял меня за руку и прожил со мной целую жизнь.

– Мне очень жаль, Ло.

Этим утром она соединила в букете белые тюльпаны и белые гиацинты. Результат получился ошеломляющим. Ее цветочные композиции идеальны, пожалуй, они даже лучше моих.

– Знаешь, что моя бабушка говорила о тюльпанах? – спросила я.

– Она знала секрет каждого цветка, – грустно улыбнулась Ло.

– Тюльпаны – это единственные цветы, которые продолжают расти после того, как их срезали. Ты когда-нибудь смотрела на них внимательно? Они тянутся к солнцу, ищут его, открываются ему навстречу. Тюльпаны остаются сильными, даже если увядают. На их лепестках появляются морщинки, но от этого они не становятся некрасивыми. А потом эти лепестки падают, словно слезы. Ты тюльпан, Ло, – я взяла ее за руку и пожалала. – Ты красива, несмотря на боль. И ты никогда не перестанешь тянуться к солнцу.

– Спасибо, Джейн, – сказала она. – Сегодня мне нужно было это услышать.

Через несколько минут мы подошли к магазину свадебных нарядов, и Кэти помахала нам рукой через стекло витрины, приглашая войти.

– Привет! – воскликнула она, обнимая одновременно меня и Ло. – Вы можете поверить, что я выхожу замуж в следующем месяце?

– Принести вам шампанского? – предложила хорошенькая продавщица чуть за тридцать. По ее глазам было видно, что она плакала, но пытается тщательно скрыть следы слез. На бейджике было написано ее имя: Селеста.

Я посмотрела на Ло, потом на Кэти и пожала плечами.

– Почему бы и нет?

Продавщица принесла поднос с бокалами. Я рассматривала искрящиеся пузырьки и думала о ней. Человек должен либо искренне верить в любовь, либо совершенно в ней разочароваться, чтобы работать в магазине свадебных платьев. Я бросила взгляд на безымянный палец Селесты. Она не была замужем. Когда Кэти и Ло отошли посмотреть платья от Веры Вонг, женщина вытащила бумажный носовой платок и промокнула глаза.

– Прошу прощения, – извинилась она. – Сегодня тяжелый день.

– Все уладится, – попыталась я ее утешить.

Глаза Селесты наполнились слезами, но она все-таки улыбнулась, словно пыталась побороть и обхитрить свою печаль.

– В моей жизни сейчас все наперекосяк, – призналась продавщица. – В мае прошлого года я была невестой. Я шла по центральному проходу в церкви, преисполненная самых благих намерений. Я надеялась на будущее с мужчиной, которого я любила или думала, что люблю.

– Что случилось?

– Оказалось, что все было ложью, иллюзией, – призналась Селеста. – Его работа, его прошлое, его обещания. Все ложь.

Она снова промокнула глаза бумажным носовым платком, и я подумала о моем даре и о том, что я могла бы избавить ее от такой душевной боли. Но как бы я ей об этом сказала?

Мы сели на скамью, и я принялась наблюдать за женщинами, которые, собравшись группами, ахали и охали вокруг будущих невест.

– Вам нравится здесь работать?

– Честно говоря, нет, – ответила Селеста. – Я работаю неполный день, только чтобы свести концы с концами. Эта работа позволяет мне оплачивать квартиру. Если я не в магазине, то занимаюсь творчеством.

– О! И что это за творчество?

– Гончарное дело, – ответила Селеста.

Я подумала о Флинне. Эта женщина ему бы понравилась. Разумеется, его привлекла бы ее красота, но ему бы понравились и трещинки в ее фарфоре. Она ничуть не похожа на тех пресных отлакированных женщин, с которыми встречался брат.

– У моего брата есть художественная галерея на Пайонир-сквер. Мне стоило бы вас познакомить.

– Спасибо большое! – воскликнула Селеста. – Но я стесняюсь показывать кому-либо свои работы, если не считать моего кота. Сезанн

очень благожелательный критик.

Я улыбнулась.

– Должно быть, непросто быть окруженной таким количеством счастья, когда вам грустно.

Она покачала головой.

– Я не могу назвать этот магазин счастливым местом.

– Что вы имеете в виду?

– Магазины для невест наполнены искусственным счастьем, – объяснила Селеста. – Разумеется, время от времени здесь бывают и счастливые невесты. Им, как правило, все равно, каким будет ее платье или какие платья выбрать для подружек невесты. Они просто счастливы оттого, что выходят замуж за человека, которого любят. – Продавщица покачала головой. – Но большинство людей женятся не по любви. Они женятся ради идеи любви.

– Как и вы?

– Если оглянуться назад, то я скажу – да. В глубине души я сомневалась даже в день свадьбы. Как было бы хорошо, если бы кто-то отвел меня в сторону и сказал: «Не выходи за него замуж».

– И вы бы послушали этого человека?

– Возможно.

Кэти и Ло вернулись с охапками свадебных платьев.

– У тебя есть какие-то предпочтения? – спросила я у Кэти.

Она улыбнулась и пожала плечами.

– Девочки, выбирайте сами. Мне в общем-то все равно.

Мы с Селестой обменялись понимающими взглядами.

* * *

– Кэти выглядит такой счастливой, – сказала Ло, когда мы возвращались обратно на рынок.

– Да, – согласилась я. – Понимаешь, я вижу это, когда они вместе. Любовь. Ощущение невероятно сильное.

Я замолчала, вспоминая, как затуманилось мое зрение в присутствии Кэти и Джоша. Мне следовало радоваться за них, и я радовалась. Но меня убивала мысль о том, что я не увижу такой любви в моей собственной жизни, останусь слепа к ней.

– Ты сегодня встречаешься с Кэмом, так? – спросила Ло.

Я посмотрела на часы и улыбнулась.

- В шесть часов, в «Иль Бистро».
- Он поразил твое сердце, – сказала Ло.
Я нервно хохотнула.
- Не уверена, что я выбрала бы именно *эти* слова.
- Что ж, у меня нет твоего дара, но я могу коечто сказать о том, что я вижу. И я думаю, что ты влюблена в этого парня.
- Влюблена? – повторила я. – Не думаю. Заинтригована, да. Но присутствует и некоторая настороженность. Я многого не знаю о Кэме. На самом деле он для меня загадка.
- Прежде всего, ты переборщила с осторожностью. А во-вторых, загадочность – это идеальное качество для мужчины.
Я кивнула.
- Кэм не обо всем говорит со мной. К примеру, он редко рассказывает о своей карьере или своих статьях. Мне приходится читать его статьи в Интернете, чтобы понять, что его интересует, что его вдохновляет.
- И что же его интересует?
- Я замялась.
- Люди... такие, как я.
- Какие именно?
- Кэм освещает проблемы неврологии. Просто набери его имя в поисковике, и сразу получишь массу статей обо всех аспектах этой отрасли медицины, – я покачала головой. – Как-то так.
- Получается, он пишет о мозге и встречается с девушкой – пациенткой невролога, – Ло усмехнулась. – Фотографы женятся на моделях, которые им позируют. Шеф-повара строят семью с администраторами ресторана. У тебя что-то в этом духе. Не вижу в этом большой проблемы.
- Я хмыкнула.
- Значит, пациентка?
- Это лучше, чем псих, – ответила Ло с саркастической усмешкой.

* * *

Прежде чем переодеться в юбку и легкий топ, я вывела Сэма на короткую прогулку. Проходя через вестибюль, я послала воздушный поцелуй Бернарду, говорившему по телефону. За прилавком пекарни «Мерриуэзер» я не увидела Элейн, поэтому заходить не стала.

- Привет, красотка, – окликнул меня Мел. – Что-нибудь купишь?

Может быть, свежий номер «Вог»? Или газету?

– Спасибо, нет, – ответила я. – Мне нужно отвести Сэма домой.

Я понизила голос до театрального шепота:

– Сегодня вечером я иду на свидание.

Мел просиял.

– С журналистом?

– Да.

Старик кивнул:

– Симпатичный парень.

– Вы что, встречались?

– Он подходил ко мне вчера. Сказал, что пишет для «Тайм». Спросил, знаю ли я владелицу «Цветочной леди». Разумеется, я сказал, что знаком с тобой. Ему было любопытно. Но он же журналист, так? Парень сказал, что вы с ним друзья.

Я улыбнулась, но во мне как будто что-то щелкнуло.

– Забавно, – протянула я. – Раз уж Кэм был на рынке, странно, что он не зашел поздороваться со мной.

– Он задавал много вопросов, но получил мало информации, – быстро проговорил Мел. – Насколько я понял, он очень торопился на какое-то интервью.

– И что вы о нем думаете? – спросила я.

– Он мне показался умным парнем, – в глазах Мела появилось выражение тревоги. Такое выражение должно было бы появиться в глазах моего отца, окажись он поблизости. – Не забывай думать головой, детка.

Я улыбнулась.

– Обещаю. Я всегда думаю головой. Пожалуй, я даже слишком рассудочна. Я пытаюсь чуть больше думать сердцем.

– Вот и хорошо, – сказал Мел. – Но пока ты думаешь сердцем, не забывай включать мозг. У тебя хорошая голова на плечах, Джейн.

В эту минуту мимо проходила англичанка Вивиан. Ее каблуки стучали по булыжникам, а шикарный шарф, завязанный на шее идеальным узлом, трепетал на весеннем ветерке.

Мел повернулся и посмотрел на нее.

– Здравствуйте! – поприветствовал он ее.

Вивиан посмотрела на него, явно не узнавая.

– Прошу прощения, – она опустила ниже солнечные очки, – вы что-то сказали?

Терьер англичанки повизгивал у ее ног, а перед моими глазами начало образовываться облако.

– Нет-нет, – быстро ответил Мел, – я всего лишь поздоровался.
– Что ж, – Вивиан издала странный звук, похожий на фыркание, – здравствуйте.

– Скажите, пожалуйста! – прошептал мне старик, как только женщина отошла на приличное расстояние.

Я потеряла глаза, гадая, откуда взялось облако любви. Мел в самом деле смотрел на Вивиан щенячьими глазами, но она не испытывала к нему никакого интереса.

– Ну и ладно, – буркнул Мел, и я поняла, что отношение Вивиан задело его. – Пожалуй, тебе пора отправляться на это твоё свидание.

Я улыбнулась ему.

– Не принимайте это слишком близко к сердцу. – Я замялась, не зная, стоит ли ему что-то говорить. – Думаю, вы... ей нравитесь.

У Мела округлились глаза.

– Не может такого быть. Я всего лишь скромный уличный торговец. А она, вероятно, выросла во дворце.

Я покачала головой.

– Это все пустяки, и вы об этом знаете. Я все равно уверена, что вы ей нравитесь.

– Ты просто добра ко мне, Джейн, – отмахнулся от моих слов Мел. – Все в порядке. Мужчина всегда знает, если он оказался не в своей лиге.

– Я с вами не согласна на этот счет. Вивиан пока еще и сама не знает, что она к вам чувствует. Вам придется запастись терпением.

Старик был явно заинтригован. Я надеялась, что не подала ему ложную надежду. Но мои глаза никогда не лгали. Во всяком случае, я так считала.

– Что ж, – я пожала Мелу руку, – я, пожалуй, пойду.

Я прошла несколько шагов, потом обернулась к старику.

– Кстати, мне нравится ваш галстук-бабочка!

Он потянул бабочку за концы, затягивая узел, и благодарно улыбнулся.

По дороге я заглянула в ленту новостей на «Фейсбуке» и увидела, что Мэри только что объявила о своей беременности. Под снимком УЗИ появилось с десяток комментариев от обрадованных членов семьи и друзей и примерно столько же радостных ответов Мэри. Но, несмотря на веселые фразы и смайлики, я чувствовала глубокую печаль моей подруги.

Я тут же позвонила ей.

– Я только что видела твой пост в «Фейсбуке», – сказала я. – Давай будем просить Господа, чтобы ребенок был похож на тебя.

– Спасибо, – ответила Мэри. Я поняла, что она плачет.

– Ты держишься?
– Стараюсь, – всхлипнула она.
Я услышала громкий стук на заднем плане.
– Что там у тебя?
– Это всего лишь Лука, – объяснила Мэри.
– Лука?
– Он мой подрядчик. Я же переделываю кухню, помнишь?
– Ах да, верно.
– Сейчас живу в состоянии ремонта. Всюду пыль. Посуду я мою в раковине в ванной. И английский язык Луки оставляет желать лучшего. Но знаешь, что странно, Джейн? Я действительно рада, что он здесь. Честно говоря, не представляю, что бы я делала, если бы Луки не было рядом, когда мне так отчаянно не хватает Илая.
– Я рада, что его присутствие хоть как-то тебя успокаивает.
Из трубки донесся плач Мэри.
– Джейн, – произнесла она слабым голосом, – как ты думаешь, сколько нужно времени, чтобы сердце перестало болеть?
– Дорогая моя, все пройдет. Но со временем.
– И сколько же времени на это понадобится, как по-твоему? Видишь ли, Джейн, я не уверена, что у меня хватит сил вечно ходить с этой раной в сердце. Господи, у меня такое чувство, будто я оставляю за собой кровавый след по всему Сиэтлу.
– Это не навсегда, поверь, – постаралась я утешить ее. Я вдруг вспомнила, как горевала моя мама после ухода отца. – Моя мама обычно говорила, что каждый год любви требует одного месяца выздоровления.
Мэри вздохнула.
– Девять лет. Это значит, что к тому моменту, как у меня родится малыш, я, возможно, снова стану собой.
– Не возможно, Мэри, а обязательно станешь. Ты этого сейчас не видишь, а я вижу. Каждый бегун, стартуя, не видит финишной черты. Но она есть. Просто верь в это.
– Спасибо, Джейн, – сказала Мэри. – Заходи ко мне в гости, когда сможешь, ладно? Я покажу тебе кухню, и мы поужинаем едой навынос на бумажных тарелках.

* * *

Я пришла в «Иль Бистро» на пять минут раньше. Тихий итальянский

ресторан работал на рынке Пайк-плейс столько же времени, сколько и мой цветочный магазин. Есть особая мудрость в стенах заведений с историей. Я вошла, повесила плащ на вешалку возле двери и подумала обо всех тех предложениях руки и сердца, о ссорах и признаниях в любви, которые слышали стены этого заведения. Я увидела Кэма у барной стойки и помахала ему рукой.

– Привет, – поздоровался он, когда я подошла. Он захлопнул ноутбук и подвинул мне свой стаканчик с виски. Я сделала глоток.

– Теперь ты работаешь в баре?

– Да, завтра последний срок для сдачи статьи. Я как раз ее заканчиваю. Как прошел день?

– Интересно, – ответила я.

К нам подошел бармен.

– Могу я что-нибудь предложить вам, мисс?

– Коктейль «Манхэттен», пожалуйста.

– И что же такого интересного было в твоём дне? – поинтересовался Кэм.

– Ну, для начала я выпила шампанского в магазине свадебных платьев. Он явно был заинтригован.

– Насколько я понимаю, с тобой не каждый день такое случается?

Я усмехнулась.

– Вот именно.

– Я много о тебе думал, – признался Кэм, не сводя с меня глаз.

– Я тоже думала о тебе.

Его глаза расширились.

– О чём именно?

– О всяком разном, – ответила я. Мои глаза блуждали по бару, пока я собиралась с мыслями. – У меня такое чувство, что я тебя едва знаю. А ты определенно знаешь обо мне больше, чем я о тебе.

Кэм сложил руки на груди.

– Что мне тебе рассказать?

– Ты мог бы рассказать о твоей карьере, – назвала я. – Ты об этом почти не упоминаешь. Я посмотрела твои статьи в Интернете, и выяснилось, что ты величина среди журналистов, пишущих о науке. Почему ты не сказал мне, что получил Пулицеровскую премию?

– Постеснялся, полагаю, – усмехнулся Кэм.

– Ты явно не относишься к числу застенчивых людей.

– А ты бы предпочла, чтобы я принялся разглагольствовать об этом при первой же нашей встрече?

– Хороший аргумент, – сказала я. – А как насчет твоих прошлых отношений? Ты когда-нибудь встречался с кем-нибудь достаточно долгое время? Любил ли ты кого-нибудь?

– Ну конечно, – протянул Кэм, – ускользающая тема любви.

– Верно. Ты в любовь не веришь. Давай не будем забывать об этом факте.

– Это неправда, – возразил он. – Я говорил тебе, что любовь – это вопрос выбора. Это потребность или желание выбрать и сделать, а не просто чувствовать.

– То есть ты признаешь, что *есть* чувство, которое ассоциируется с любовью?

– Полагаю, что это правда, – сказал Кэм и примирительно улыбнулся.

– И когда же ты испытывал это...

– Чувство, – произнесли мы в унисон, и я почувствовала, как вспыхнули мои щеки.

Я вспомнила, что рассказывал мне Флинн о смерти женщины, которую когда-то любил Кэм. И мне мгновенно стало стыдно за то, что его расспрашивала.

– Ее звали Джоанна. – Он кашлянул, и я догадалась, что одно только имя все еще глубоко волнует его.

Я положила руку на запястье Кэма.

– Не надо. Ты не обязан говорить об этом, если тебе не хочется. Я не хотела...

– Но я все-таки продолжу, – негромко сказал Кэм. – Надеюсь, ты узнаешь меня и с этой стороны.

Я кивнула и слушала, пока он рассказывал мне об аварии, о травме Джоанны и ее смерти.

– У меня такое чувство, что когда я пишу о проблемах мозга, я отдаю ей долг.

– Так и есть, – с нежностью произнесла я. Мгновенно все встало на свои места: нежелание Кэма открыться, его настороженное отношение к любви.

– Послушай, – Кэм нарушил молчание, – на следующей неделе мне нужно лететь в Нью-Йорк. У меня там встречи. Потом еще неделю я буду работать в Чикаго. Но вскоре после этого в Сиэтл прилетят мои родители. Я бы хотел вас познакомить, если ты, конечно, не возражаешь.

– Я буду рада встретиться с ними, – просияла я.

– Я сознаю, что еще слишком рано для «знакомства с родителями», – усмехнулся Кэм. – И у меня в городе еще не так много друзей. Поэтому,

поверь, ты окажешь мне услугу. Если я тебя не приведу, то мне придется выслушать часовую лекцию мамы о том, что мне следовало бы встречаться с милой девушкой.

Я улыбнулась:

– Милая девушка, значит?

Кэм ответил на мою улыбку.

– Побудь один вечер моей «милой девушкой», ну пожалуйста!

– Я буду рада.

Кэм притянул меня к себе. Я почувствовала, как в животе запорхали бабочки.

– Хочешь уйти отсюда? – спросил он.

– Конечно, – ответила я. – А куда?

– Моя квартира всего в квартале отсюда, и у меня есть балкон, – сказал

Кэм. – Можем заказать какую-нибудь еду и смотреть на паромы. Как тебе?

– Звучит заманчиво, – улыбнулась я.

* * *

Пока мы шли в квартиру Кэма, у меня зазвонил мобильный. Это был Флинн.

– Мой брат звонит, подожди секунду, – извинилась я.

– Без проблем. – Кэм отстал от меня на шаг.

– Привет, Флинн, – поздоровалась я.

– Как поживает моя любимая сестричка?

– Хорошо. Я с Кэмом.

– Передай ему трубку. Я хочу, чтобы он дал мне слово, что будет вести себя с тобой прилично.

Я скосила глаза на Кэма, но он пристально смотрел на экран своего телефона. Мускулы его предплечья напряглись, когда он начал быстро печатать эсэмэс или электронное письмо. Мне оставалось только гадать, кому адресовано его послание.

– Он сейчас не может с тобой поговорить, но дай мне знать, когда ты возьмешь с него это слово, – сказала я. – Ты-то сам как? Как зовут нынешнюю даму твоего сердца?

Флинн немного помолчал.

– Я ни с кем не встречаюсь.

– Мой брат перестал интересоваться женщинами? Это неправда. – Я рассмеялась. – Неужели ты все еще одержим девушкой из квартиры

напротив?

Его молчание подтвердило мою правоту.

– Так и есть! Ты уже познакомился с ней? Скажи мне хотя бы, что ты перевел этот флирт в реальную жизнь.

– Я все еще не познакомился с ней, – сказал Флинн. – Это лишено всякого смысла, Джейн. К тому же я боюсь знакомиться с ней. То, что существует между нами сейчас, очень сильно. А что если при встрече мы не оправдаем ожидания друг друга?

– Неужели ты собираешься флиртовать с ней через улицу до конца времен?

– Нет... То есть я не знаю. Я беспокоюсь за нее, – признался брат. – Она всегда кажется такой печальной. Я отдал бы что угодно, только бы избавить ее от этой печали.

– Тогда позвони в ее дверь.

* * *

Кэм жил на углу Седар-стрит и Эллотт-стрит в новом многоквартирном доме с полами из темного дерева и высокими окнами, выходившими на балкон, с которого открывался вид на бухту Эллотт.

– Ты такой аккуратист, – оценила я, войдя в гостиную, обстановку которой составляли черный кожаный диван, кушетка и кофейный столик с тремя пультами дистанционного управления, лежавшими параллельно. Даже декоративные подушки на кушетке стояли ровнехонько.

– Это не совсем так, – ответил Кэм. – Просто у меня мало вещей, за порядком в моей квартире следит замечательная женщина, и я редко бываю дома. Это и есть тройной секрет порядка в квартире.

Я подошла к окну.

– Какой замечательный вид отсюда.

– Да, – согласился Кэм. – Вид красивый. Я даже не думал, что так люблю Сиэтл.

– Город очаровал тебя, верно?

Кэм откупорил бутылку вина, налил два бокала, вышел на балкон, встал рядом со мной и протянул мне бокал. Наши глаза встретились.

– Ты тоже очаровала меня, – признался он и накрыл мою ладонь своей. Я не отняла ее. – Это правда.

Я сделала глоток вина и улыбнулась.

– Спасибо.

На кухонной стойке зазвонил мобильный телефон Кэма.

– Ответь, – предложила я.

Он состроил недовольную гримасу и посмотрел на свой телефон.

– Я не хочу отвечать, но мне придется это сделать. Я всю неделю пытался связаться с одним человеком, поэтому вполне вероятно, что это звонит он.

Я улыбнулась.

– Давай же, возьми трубку.

– Кэм Коллинз, слушаю вас, – произнес он напористым деловым тоном. Мне нравился его голос, такой уверенный и сексуальный. – Да, здравствуйте. Спасибо, что позвонили.

Он взглядом попросил у меня прощения и поднял два пальца, как будто говоря: «Всего пару минут».

Я кивнула, и Кэм направился в свою спальню, расположенную дальше по коридору. Его голос звучал приглушенно из-за полуоткрытой двери, но говорил он очень энергично.

Кэм вернулся через пять минут, выглядел он раздраженным и рассеянным.

– Прости, – извинился он.

– Я наслаждалась видом, – ответила я и коснулась его руки, пытаясь восстановить близость, нарушенную звонком. – Спасибо, что ты рассказал мне о Джоанне.

– Я хотел это сделать. – Кэм сел рядом со мной. – Очень важно, чтобы ты узнала о тех обстоятельствах, которые сформировали меня.

Он на мгновение задумался.

– Знаешь, ей должны были сделать операцию, которая, вполне вероятно, спасла бы ей жизнь и вернула здоровье. Но Джоанна умерла за три дня до этого.

– Боже, как жаль... – тихо произнесла я.

Кэм потер лоб.

– Ты упоминала о том, что твой невролог склоняется к необходимости операции. Я должен откровенно сказать, что беспокоюсь за тебя. Вдруг операция и в самом деле сможет предотвратить нарушения работы мозга, которые так тревожат твоих врачей?

Я вздохнула.

– В данный момент я не готова делать операцию. Разумеется, доктор Хеллер считает, что я веду себя глупо, и ты, вероятно, с ней согласен.

– Нет, – ответил Кэм. – Но ты знаешь, что я на стороне науки. И все-таки это только твое решение, Джейн, и ничье больше.

Я кивнула.

– Я понимаю, что это кажется безумием, но я верю своим глазам.

– Ты говоришь о своем даре, о своей способности видеть любовь?

– Да. Это ощущение идет изнутри. И хотя доктор Хеллер предупреждает меня об опасности этих эпизодов для моего мозга, я знаю, что должна дойти до конца.

Кэм вопросительно посмотрел на меня.

– То есть идентифицировать шесть типов любви?

– Да.

Он наклонился ко мне поближе.

– А тебе когда-нибудь хотелось, чтобы ты умела видеть любовь в своей жизни?

– Да, – ответила я. – Все было бы намного легче, согласен?

– Может быть, да, но может быть, и нет.

Кэм вдруг отвернулся и провел рукой по темным волосам.

– Почему ты так говоришь?

Он покачал головой.

– Это пустяки.

– Нет, – сказала я с чуть большим нажимом, чем собиралась. – Расскажи мне, что тебя беспокоит.

Кэм посмотрел на меня, он явно колебался. Потом его взгляд смягчился.

– Джоанна под конец не узнавала меня, – ответил он. – После всех этих лет, когда я любил ее, ухаживал за ней, она даже не узнавала меня.

– Но это была ее болезнь, а не ее сердце, – возразила я.

– То же самое я все еще говорю себе. – Кэм опустил голову. – Но я заглянул в ее глаза. В них не было любви.

– Конечно же, Джоанна любила тебя в глубине души, – заверила я его. – У нее не оставалось сил выразить ее. Джоанна была больна.

Кэм кивнул.

– И все-таки все эти годы мысль об этом мучает меня. Ну почему любовь можно включать и выключать с такой простотой, как будто щелкнув пальцами? Если она загорается и гаснет так быстро, без усилий, как можно ей доверять?

– О, Кэм, – прошептала я, снова касаясь его руки. Он взял меня за руку.

Я придвинулась к нему чуть ближе.

– Я хочу поцеловать тебя.

Он улыбнулся и наклонился ко мне. От его кожи пахло мылом,

кондиционером для белья и мужчиной.

– Спасибо, что рассказал мне свою историю, – сказала я. – Думаю, что теперь я тебя понимаю.

– Я все равно не верю во все это колдовство, – с улыбкой ответил Кэм. – И я на стороне твоего невролога, который не сомневается, что всему этому можно найти научное объяснение...

Я положила палец на его губы.

– Пусть у нас будут разногласия. Но сейчас я просто хочу поцеловать тебя.

Он широко улыбнулся, поднес мою ладонь к губам и поцеловал. Потом притянул меня к себе. Сначала Кэм целовал меня нежно, но потом его поцелуи стали страстными, и я забыла, какое сейчас время года, какой месяц, какой день недели. Я обняла Кэма, а он обнял меня.

Глава 13

342, Пайн-стрит, квартира 4

Мел смотрел на свое отражение в зеркале над раковиной в ванной. Было 1 июня, и он тосковал по своей покойной жене, как это всегда бывало в это время года, когда весело щебечут птицы, а по рынку гуляют пары. Он как будто снова видел ее, как она стоит позади него, отражаясь в этом самом зеркале, и с любовью обнимает его за плечи. Иллюзия оказалась такой реальной, что Мелу показалось, будто он чувствует аромат ее духов.

Пока он шел к лифту, а потом через вестибюль многоквартирного дома, в котором жил, Мел все время думал об Адель. Они поженились в первые выходные июня пятьдесят лет назад. Он с особой тоской вспомнил об этом, когда увидел свадьбу, позирующую перед канонической вывеской рынка на Пайк-плейс. Мел улыбнулся и помахал рукой невесте в пышном белом платье, которая шла на высоких каблуках по бульжникам рынка. Ее новоиспеченный муж держал ее за руку. За ними следовали фотографы, документировавшие их любовь во всем ее совершенстве.

Адель всегда любила свадьбы. Она прикладывала одну руку к сердцу, другой брала Мела за руку и говорила:

– Посмотри на них, дорогой. Правда, они прекрасны?

Адель была особенной. Она могла читать его, словно открытую книгу. И даже если ей попадался не слишком приятный пассаж, она ни разу не положила книгу на полку. Адель обожала историю их любви, даже самые тернистые ее главы.

Любовь старшеклассников редко длится долго, но Мел и Адель выдержали проверку временем. Когда у нее обнаружили рак, в Меле проснулась не свойственная ему свирепость. Он не мог позволить болезни отнять у него любовь всей его жизни. Но болезнь все-таки победила. Сначала Адель похудела так, что сквозь тонкую кожу просвечивали кости. Потом болезнь лишила ее разума, и она перестала узнавать Мела.

Адель умерла 2 июня восемь лет назад. Она испустила последний вздох в 9.15 вечера. Мел держал жену за руку и видел, как в последний раз затрепетали ее веки. А потом он рухнул на больничную кровать и обнимал Адель до тех пор, пока ее тело не остыло и персонал больницы не попросил его уйти.

Ночью после смерти Адель Мел вернулся в их квартиру возле рыночной площади и впервые почувствовал себя чужим в собственном доме. Без Адель дом опустел. Там, где когда-то жили любовь и смех, теперь поселились печаль и горе. Мел не смог заставить себя лечь на большую кровать, накрытую стеганым покрывалом, которое с такой любовью сделала Адель. Поэтому он устроился на диване в гостиной. Там он и спал все следующие восемь лет.

Порой, особенно в такие теплые июньские дни, ему казалось, что вот сейчас Адель выйдет из-за угла и улыбнется ему, протянет сэндвич, поцелует, спросит, когда его ждать к обеду, хотя Мел каждый день возвращался домой ровно в пять часов. Она никогда не уставала спрашивать его, а он никогда не уставал отвечать на ее вопрос. «Когда тебя ждать к обеду, дорогой?» «В пять часов, дорогая».

В их совместной жизни был свой ритм, естественный, плавный, а отношения напоминали связь между луной и приливом. Они притягивали друг друга, отдавали себя друг другу, уравнивали друг друга. Поэтому после смерти Адель Мел потерял свою луну. Из его жизни исчез ритм. Все как будто сбилось с привычного шага: сон, еда, время суток. Мел напоминал прилив, который перестал понимать, наступать ему на берег или оставаться на месте. Он просто плыл по жизни, как плывет деревяшка по бухте Эллиотт, подхваченная течением, бросаема из стороны в сторону, пока однажды солнечным июньским днем она не окажется на берегу. И тогда, впервые за долгое время – может быть, даже годы – она просохнет на теплом песке.

Мел стоял возле своего киоска с газетами и чувствовал, как солнечные лучи согревают его лицо. Ему семьдесят три года, он слишком стар, чтобы день за днем работать в таком режиме, но что еще ему остается? Играть в гольф? Сидеть в квартире и смотреть телевизор? Мел вздрогнул при мысли о выходе на пенсию. И потом, ему нравилось находиться в гуще событий. Рынок похож на прекрасную реку, полную людей, которые несут цветы, весеннюю спаржу, ярко-красный редис и медовые соты. Мелу нравилось сидеть на берегу этой реки, наблюдать, здороваться со знакомыми, впитывать все проявления жизни. Иногда кое-кто из прохожих особенно трогал его сердце. Мама с ребенком. Молодой человек и девушка с приколотыми к ее платью цветами, направляющиеся на выпускной бал. Или... женщина.

Вивиян впервые появилась на рынке в канун Рождества. В своем пальто на меху, с неприступным видом и британским акцентом она по социальному статусу намного превосходила его.

Это влюбленность школьника, сказал себе Мел, что-то вроде той любви, которую он испытывал к Бетти Лу Мэнсфилд, самой популярной девочке в школе, пока в его класс не пришла Адель. Как-то раз в пятницу после школы Мел пригласил Бетти Лу выпить с ним колы в закусочной, она отказала ему с такой жестокостью, что Мел поклялся больше никогда не забывать о своем месте в жизненном пространстве.

Но на этот раз с Вивиан он снова вступил на территорию Бетти Лу. И хотя у него не было никакой возможности выяснить, испытывает ли Вивиан хотя бы малейший интерес к нему, его увлечение ею росло. К примеру, он гадал, как она предпочитает готовить яйца; любит ли она оперу с такой же страстью, как и он сам; ищет ли она луну в небе каждую ночь, как это делает сам Мел, в надежде увидеть ее краешек, даже если на небе тучи.

Мел говорил себе: глупо даже надеяться на то, что ей захочется узнать его так же, как ему хочется узнать ее. И все-таки, когда Вивиан проходила мимо его киоска, он не мог не посмотреть на нее.

В это особенное июньское утро Мел надел накрахмаленную рубашку, аккуратно причесался и теперь сидел в ресторане на рынке, который назывался «Яичное гнездышко Владимира». В 1970-х годах его открыл русский эмигрант, и ресторан славился своими омлетами и яйцами Бенедикт. Каждую пятницу Мел занимал угловой столик у окна. Ему нравилось читать газету и смотреть, как чайки ходят по битым ракушкам под окном.

Внук Владимира, Джонни, подошел к столику Мела.

– Вам как обычно?

– Да, сэр, – кивнул Мел. Если бы ему пришлось озвучить заказ, то официант бы услышал: «Два яйца, слегка взбитых. Пшеничный тост без масла. И принесите, пожалуйста, соус табаско».

Джонни исчез на кухне, и в этот момент дверь ресторана распахнулась. Мел повернулся и увидел, что на пороге стояла Вивиан. Она прекрасно выглядела в черном платье и сером кашемировом кардигане. Шею украшала нитка жемчуга. Вивиан заметила Мела, и на короткий миг уголки ее губ приподнялись. Даже намек на улыбку заставил Мела просиять.

– Столик на одного? – спросил Джонни, вышедший в зал.

– Да, – холодно произнесла Вивиан. Его вопрос слегка раздосадовал ее. Разве люди не понимают, что не следует привлекать внимание к тому, что человек обедает один?

Джонни усадил ее за столик по соседству с Мелом.

– Отсюда открывается лучший вид в городе, – сказал Джонни, отодвигая для Вивиан стул.

– Я это вижу, – ответила она, глядя на бухту.

Джонни протянул ей меню, а Мел не сводил глаз с ее изящных рук с маникюром, которые взяли меню и тут же закрыли.

– Два яйца, слегка взбитых. Пшеничный тост без масла, – Вивиан явно знала, о чем говорила.

Джонни обменялся взглядом с Мелом.

– Великолепный выбор, – одобрил он. – Сию минуту все принесу.

Вивиан смотрела в окно. Мел уже раз десять развернул, снова свернул и опять развернул салфетку на коленях. Он открывал было рот, чтобы заговорить, но сразу же его закрывал. По какой-то причине все, приходившее ему в голову, казалось недостойным того, чтобы нарушить личное пространство Вивиан. Поэтому Мел сидел молча, наслаждаясь ее присутствием.

Вернулся Джонни. Он принес их заказы и поставил бутылочку табаско на столик Мела.

– Приятного аппетита, – пожелал Джонни и занялся другими посетителями, которые только что вошли в ресторан.

Мел одобрил взбитые яйца хорошей порцией соуса. Прежде чем заняться едой, он поднял глаза и встретился взглядом с Вивиан.

– Прошу прощения, – сказала она, – вы позволите взять вашу бутылочку с табаско? На моем столике такой нет.

У Мела зажглись глаза, и он торопливо отложил вилку.

– С удовольствием, – ответил он, и это слово выразило все, что он испытывал по отношению к этой загадочной женщине. Он с удовольствием сидел рядом с ней, передавал ей табаско, обменивался взглядами поверх обеденных столиков.

Для него все это удовольствие.

Закончив обед, Вивиан расплатилась и встала, собираясь уйти. Но прежде чем направиться к выходу, она повернулась к Мелу и произнесла два слова:

– Хорошего дня.

Когда дверь за Вивиан закрылась и она скрылась в толпе на рынке, Мел подумал: «Да, это и в самом деле очень хороший день».

Глава 14

9 июня

Из кухни до меня донесся звон мобильного, который я поставила там на зарядку. Я со стоном села в постели. Сэм на своей подстилке поднял голову и снова ее опустил, вторя моей досаде на то, что нас подняли раньше восьми часов утра. Накануне я надолго задержалась в магазине, заканчивая цветочные композиции для свадьбы Кэти – шестьдесят ваз с белыми гортензиями и ирисами, не говоря уже об изысканном цветочном оформлении для церкви, – поэтому я рассчитывала поспать по крайней мере еще час, чтобы быть в форме на свадьбе, где я была и флористом, и подружкой невесты. К сожалению, я забыла выключить звонок телефона, поэтому он меня и разбудил.

Я доковыляла до кухни и увидела на экране фамилию доктора Хеллер.

– Алло? – сонно ответила я.

– Джейн, прости за такой ранний звонок, – извинилась она. – Но ты не выходила у меня из головы. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как ты была у меня на приеме. И ты знаешь мое мнение по поводу операции. Это новая методика, Джейн, у нее минимальный риск. Я считаю, что это единственный выход, и ты должна им воспользоваться. Я беспокоюсь за тебя.

Я вздохнула.

– Доктор Хеллер, я бы хотела прожить этот год без хирургического вмешательства.

– Ты по-прежнему веришь в то, что тебе рассказала та женщина, верно? Что твое состояние здоровья – это дар?

– Да, – подтвердила я. Мое сердце забилось быстрее, когда я вспомнила о Колетт и о ее словах о том, что я не имею права проиграть, идентифицируя шесть типов любви.

– Я верю вам и понимаю вашу тревогу, – продолжала я, – но я чувствую, что должна с этим разобраться.

Я почувствовала разочарование доктора Хеллер.

– Даже ценой разрушения твоего мозга? У нас есть достоверные результаты того, что происходит с твоим мозгом после таких эпизодов. Каждый случай повреждает его, уничтожая мозговую ткань. Эффект

накапливается, все становится только хуже.

Я опустилась на диван.

– Возможно, вы правы, – ответила я. – И вполне вероятно, что я пожалею о своем решении. Но сердце побуждает меня двигаться вперед. Я не могу объяснить, почему или как, но я знаю, что должна это сделать.

– Тебе известны мои медицинские рекомендации, – сказала доктор Хеллер. – Я лишь надеюсь, что ты и дальше будешь принимать их во внимание.

– Обязательно, – ответила я.

– И, Джейн, есть кое-что еще, – продолжала доктор Хеллер. – Я не знала, говорить тебе или нет... Прости меня. Нет, неважно...

– Что вы имеете в виду, доктор Хеллер?

– Прости меня, – повторила она. – Мне не следовало ничего говорить. Я не должна вмешиваться.

– Я вас не понимаю.

– Просто будь осторожна, – попросила доктор Хеллер.

– Я не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите.

– Я и так сказала уже слишком много.

* * *

– О чем ты думаешь? – спросила меня Ло, когда я остановилась на нижних ступенях лестницы, ведущей в церковь, и посмотрела на небо. Легкие облака казались тонким кружевом, накинутым поверх бездонной синевы.

– О своей маме, – с улыбкой ответила я. – Она всегда любила свадьбы.

– Я знаю об этом, – негромко сказала Ло.

– Мама позволяла мне примерить ее фату, – продолжала я. – Ту самую, в которой она выходила замуж за отца. Я пододвигала стул, вставала на него, открывала верхний ящик комода, доставала фату и аккуратно разворачивала ее. Мама прикалывала ее к моим волосам, и я чувствовала себя принцессой.

Ло внимательно посмотрела на меня.

– Ты переживаешь, что в твоей жизни такого дня может не случиться, я права?

Я пожала плечами.

– Это ты о свадьбе? Нет, меня беспокоит не свадьба.

– Ты волнуешься из-за любви, – Ло говорила так, словно

констатировала факт.

Я кивнула.

– Я тоже, – подруга сжала мою руку.

Мы вместе поднялись по ступеням. Церемония была назначена на три часа, и у нас было время, чтобы проверить цветы, украшавшие церковь, – фрезии и белые розы в сочетании с гортензиями от чисто-белых до нежно-зеленых.

Кэти и ее мать вышли из комнаты невест и ахнули, увидев эти роскошные цветы.

– Какое великолепие, – произнесла Кэти сквозь слезы радости. Я наклонилась, чтобы поправить бант на букете, украшавшем одну из скамей. – А теперь, девочки, отправляйтесь переодеваться. Мэри только что приехала, и она ждет вас, чтобы сделать вам парадные прически.

– Парадные прически, – фыркнула я, пока мы с Ло шли следом за Кэти по коридору.

– Я люблю свадьбы, – призналась Мэри, накручивая на щипцы для завивки прядь моих волос. – В них есть ощущение открывающихся возможностей. А еще мне нравится, когда двое людей публично объявляют о своей любви друг к другу.

– Я тоже люблю свадьбы, – улыбнулась я. – В аэропортах, на свадьбах и в больницах у меня всегда появляются бабочки в животе.

– Волнуют начало и конец, – с ностальгической ноткой сказала Мэри. – Что написал Скотт Фицджеральд? Кажется, там было что-то такое: «Я люблю ее, и в этом и есть начало и конец всего». Мне бы хотелось, чтобы меня любили именно так. Решительно. Настойчиво.

Я поняла, что эти слова укололи Ло, потому что она мгновенно сменила тему.

– Пожалуй, нам стоит устроить зимнюю поездку «только для девочек». Отправимся туда, где солнце и тепло.

Мэри указала на свой выступающий живот:

– Но мне придется взять с собой вот этого малыша.

– Без проблем, – сказала Ло. – Мы любим детей.

Мэри улыбнулась.

– Думаю, она отлично впишется в нашу компанию.

Мои глаза расширились.

– Она?

– Да, – подтвердила Мэри. – Я только что об этом узнала. У меня будет девочка.

– Это надо отметить шампанским, – решила Кэти, подходя к нам с

только что открытой бутылкой. В платье невесты она выглядела сногсшибательно. Я помогла ей прикрепить фату к сложной высокой прическе. Ло тем временем подошла ближе к зеркалу и подкрасила губы красной помадой.

– Может быть, кто-то из вас поймает мой букет, – Кэти оглядела нас с Ло.

Я улыбнулась, а Ло эти слова как будто застали врасплох.

– Мне не нравится эта традиция, – она энергично покачала головой.

Я увидела странное выражение ее глаз и решила обязательно расспросить ее о Гранте при первом же удобном случае. Что-то случилось или же не случилось.

Неожиданно Кэти повернулась ко мне.

– Сколько времени у нас осталось до церемонии?

Я посмотрела на мобильный телефон на туалетном столике.

– Пять минут.

– Мне нужно в туалет, – Кэти скорчила гримаску.

– Я тебя отведу, – засмеялась я. – Тебе потребуется помощь со всеми этими... слоями.

Она усмехнулась.

– Фасон мне уже разонравился.

Мы прошли по заднему коридору церкви, повернули за угол, и тут я заметила в отдалении Джоша в отлично сшитом смокинге. Красотой он не уступал Кэти, но я знала об их глубокой любви. Я это видела. Я это *почувствовала*.

– Стой! – крикнула Кэти, увидев, что Джош идет нам навстречу. – Закрой глаза. Не смотри на меня! Это плохая примета!

Я тоже зажмурилась. Их любовь была слишком сильной, чтобы я могла наблюдать за ней.

Но Джош не подчинился. Сквозь полуприкрытые веки я видела, как он медленно приближается к нам. Он не мог оторвать взгляда от своей невесты. Не произнес ни слова, не обращая внимания на меня, он обнял Кэти за талию и привлек к себе. Я отвернулась, когда он поцеловал ее. Их любовь была по-настоящему мощной, я даже ни рискнула смотреть на них. Перед самой церемонией я не могла допустить повторения того, что случилось со мной в тот раз, когда я впервые увидела их вместе.

– Ты выглядишь божественно, – сказал Джош Кэти. – Никогда в жизни я не видел такой красивой женщины. Никогда.

Она улыбнулась.

– Спасибо, красавчик. Но ты испортишь мой макияж, а я еще не

прошла по проходу. Кстати, где здесь ванная комната?

Я указала вперед.

– Думаю, сразу за углом.

Джош чмокнул Кэти в щеку.

– Встретимся у алтаря.

– Только бы не сработала плохая примета, – сказала Кэти.

Ее будущий муж покачал головой.

– Ни в коем случае. Ведь мы с тобой не верим в плохие приметы, помнишь?

* * *

Я предполагала, что мы с Ло составим друг другу пару на свадебном приеме. Мы вместе работали над цветочным убранством и стояли у алтаря в роли подружек невесты. Она же не могла пригласить Гранта. Хотя Ло надеялась, что они смогут вывести их отношения из тени, Грант все еще не ушел от жены, поэтому их встречи оставались тайными. Но потом Кэти настояла на том, что хочет познакомиться с Кэмом. Ло убедила меня, что не возражает против того, чтобы остаться без пары, поэтому я его и пригласила.

– Хорошо, что Кэм придет, – с хитрой улыбкой объявила Ло, когда мы проверяли доставленные на свадьбу белые розы. – Нам нужно увидеть, как он выглядит в костюме. В мешковатых вещах фигуру не оценишь.

Кэм появился на приеме в костюме от Тома Форда. Когда он подошел ко мне и легко поцеловал в щеку, Ло одобрительно улыбнулась мне.

В бальном зале гостиницы «Четыре сезона» свет был неярким, но мерцание свечей идеально дополняло цветочные композиции на столиках.

Кэм наклонился ко мне и прошептал:

– Если говорить о платьях подружек невесты, то ты в своем наряде выглядишь замечательно.

Я улыбнулась, отпила глоток вина. На свадьбах и на других подобных мероприятиях я стараюсь держаться как можно незаметнее. Если я начну оглядывать бальный зал, рассматривать пары, то мое зрение затуманится окончательно.

Ло выглядела печальной. Она без всякого выражения смотрела на свой телефон, лежавший на столе.

– Он звонил? – спросила я.

Она покачала головой, перевернула телефон экраном вниз и вздохнула.

– Грант не звонил, – сказала Ло, – и я не стану ему звонить. Он сегодня куда-то пошел с женой.

Я откинулась на спинку стула.

– Это грустно.

Она кивнула.

– Я не радуюсь. Но я пытаюсь доверять ему. Грант говорит, что любит меня. А я... Господи, как же я люблю его. Я...

Ее голос прервался, она внимательно смотрела в другой конец зала. И тут я увидела то, что видела она. В дальнем конце зала стояли Грант и... его красавица-жена. Его рука обнимала за талию миниатюрную белокурую женщину. Они оба улыбались и болтали с родителями Кэти.

Ло покачала головой.

– Не могу поверить, – прошептала она. – Он здесь?

– Без паники, – сказала я. – Итак, у вас есть общие знакомые. Вероятно, он не мог отвертеться от этого приглашения.

– Ты только посмотри на них, – кипятилась Ло. – Они выглядят такими... *счастливыми*. Грант рисовал мне совсем другую картину.

Я посмотрела через зал.

– То, что они выглядят счастливыми, не означает, что они счастливы на самом деле.

Кэти, обходившая гостей, подошла к нашему столику.

– Кто-нибудь нальет мне бокал белого вина? – прошептала она мне. – Эти приветствия и поздравления очень утомительны.

Я улыбнулась и налила ей вина, и только в эту минуту Кэти заметила смятение на лице Ло.

– В чем дело, дорогая? – встревожилась она.

Ло кивком головы указала на тот уголок зала, где Грант и его жена смеялись вместе с еще одной парой.

– Откуда ты их знаешь? – спросила она у Кэти.

Та прищурилась.

– Ты о женщине в золотистом платье?

Ло кивнула.

– Я могу ошибаться, но, по-моему, этот мужчина – один из коллег отца Джоша, он со своей женой, – сказала Кэти и нахмурилась. – Честно говоря, у меня в голове все перепуталось. Моя новоиспеченная свекровь настояла на том, чтобы мы пригласили весь Сиэтл. Я... – она осеклась и внимательнее вгляделась в лицо Ло. – В чем дело?

Ло повернулась ко мне.

– Ты видишь это, Джейн? Скажи мне. Они?.. Я должна знать.

Кэти недоуменно смотрела на нас обеих, но я сосредоточилась на Гранте и его жене. Я видела отчаяние Ло. Эти двое казались счастливой любящей парой: красивые, улыбающиеся, хорошо одетые, язык тела выдает их любовь и уважение друг к другу. Я смотрела на них и ждала, ждала.

– Что ты видишь? – нетерпеливо спросила Ло.

– Ничего, – наконец выдохнула я по прошествии нескольких минут.

Ло с облегчением откинулась на спинку стула, но ее волнение не утихало. Ее любовь оказалась тяжелой ношей, и я понимала, что Ло устала.

Моя подруга не сводила глаз с Гранта, и когда он посмотрел в нашу сторону, то увидел нас. Я заметила то, как их взгляды встретились, увидела выражение его лица и поняла, что Ло значит для него так же много, как и он для нее. На его лице появилось умоляющее выражение, как будто он просил понять его. Грант шепнул что-то жене и направился к нам.

Спустя несколько мгновений он уже стоял рядом со стулом Ло. Она смотрела перед собой, не в силах поднять на него взгляд.

– Ло, я...

– Все в порядке, – быстро ответила она. – Ты не должен ничего мне объяснять.

Ее голос звучал решительно и ровно. Но я понимала, что она ошеломлена, ей больно.

Я бросила взгляд на жену Гранта и увидела, что она наблюдает за разворачивающейся сценой. Если она ничего не знала, то теперь знает наверняка. Любой человек в зале и без моего дара мог увидеть, как Грант любит Ло. Перед тем, как она встала и попросила извинить ее, моя подруга бросила на Гранта короткий взгляд. И тогда это случилось. Перед моими глазами появился туман, сначала легкий, а потом такой же густой, как и тот, что я видела между Кэти и Джошем, когда перед моим внутренним взором они соединились, словно элементы одной головоломки.

– Прости меня, – обратилась Ло к Кэти. – Я... Я не слишком хорошо себя чувствую. Я вынуждена уйти.

– Дорогая моя, – воскликнула Кэти и положила руку на плечо Ло. – Не переживай, все в порядке.

Когда Ло ушла и Грант присоединился к своей жене, я потерла глаза. Кэм, вернувшийся к столику с двумя бокалами шампанского, сразу понял, что произошло.

– Присядь, Джейн, – негромко сказал он.

– Что с ней? – Кэти присела на корточки рядом со мной.

Кэм сжал мою руку.

– Кажется, у меня разыгралась... мигрень, – быстро ответила я.

– Ей скоро станет лучше, – заверил Кэм мою подругу.
Кэти грустно улыбнулась.
– Гости на моей свадебной вечеринке падают, словно мухи.
Мое зрение начало обретать обычную четкость.
– Этот мужчина... – прошептала я. – Ло любит его, а он любит ее.
Кэти изумленно посмотрела на Гранта.
– О! Я догадываюсь, какую боль испытала Ло, когда она увидела его здесь с женой.
– Да, – подтвердила я. – Именно поэтому ей пришлось уйти, – я снова потеряла глаза. – Но она с этим справится.
– Если тебе нужно пойти домой и отдохнуть, – сказала Кэти, – я пойму и не обижусь.
Я покачала головой.
– Ни в коем случае. Я остаюсь, – я повернулась к Кэму. – Я еще даже не потанцевала с этим парнем.
Он пожал мою руку под столом. Кэти улыбнулась и отошла к следующему столику. Когда Джош присоединился к ней и обнял за талию, мы оба не смогли отвести от них глаз.
– Они удивительная пара, – сказал Кэм. – Они любят друг друга, это очевидно.
Я кивнула.
– Да, и это очень сильная любовь. Я не могла смотреть на них во время церемонии, иначе я упала бы прямо в церкви.
Кэм улыбнулся, и в эту минуту зазвонил мой мобильный телефон, лежавший на столе. Я увидела, что это Элейн, и решила ответить, но сначала улыбнулась Кэму, извиняясь за это.
– Привет, Элейн. Я уже несколько дней не могу до тебя дозвониться.
– У тебя есть минутка, чтобы поговорить со мной? – спросила Элейн. Ее голос прервался, я поняла, что она плачет.
– Да, – ответила я. – Я на свадебном приеме, но я сейчас выйду из зала, чтобы мне было лучше тебя слышно.
В вестибюле отеля я нашла мягкое кресло и села.
– Теперь лучше, – выдохнула я. – Я вся внимание. Что происходит?
– Джейн, это ужасно.
– Что случилось?
– Я влюбилась в Чарльза, – призналась Элейн. – Это наш сосед. Помнишь, ты встречалась с ним на Рождество?
– Помню, конечно.
Я не сказала Элейн, что не удивлена ее признанием. Я видела их

любовь совершенно отчетливо.

– Джейн, я так давно ношу это в себе, я просто должна с кем-то поделиться. – Она замолчала, и я услышала ее всхлипывания. – Мне так стыдно.

– Нет, не нужно стыдиться, – воскликнула я. – Да, для тебя это нелегко. Да, это неожиданно. Но я не думаю, что кому-то из нас следует стыдиться своей любви.

Я подумала о Ло и Гранте. Сильная любовь может быть прекрасной или разрушительной, но она всегда оставляет глубокий след. Если отбросить всю шелуху, то в любых обстоятельствах и несмотря ни на что, любовь – это любовь. Просто некоторым из нас везет больше, и мы находим ее при менее сложных обстоятельствах. Теперь я это понимала.

– Элейн, я не могу тебе сказать, по какой причине, но в последнее время я много и серьезно думала на эту тему. И я пришла к убеждению, что мы не можем выбирать, кого именно мы любим. И объект нашей любви может меняться со временем, – ответила я ей и задумалась.

Мэтью и Элейн. Они когда-нибудь по-настоящему любили друг друга? Все те годы, что я их знала, в их присутствии у меня никогда не появлялось перед глазами облако. Но не значит ли это, что они любят друг друга по-другому? Или это их любовь изменилась? В конце концов, у любви бывают свои приливы и отливы. Она может исчезнуть или затаиться на полвека в тихом уголке сердца, не видимая никому, даже мне.

– Да. – Элейн взяла себя в руки. – Вот только как мне следует поступить? Я замужем. У меня двое детей. И я влюблена в человека, который живет на другой стороне улицы.

– Ты действительно его любишь, – сказала я. – И я не говорю тебе, что ты должна что-то с этим делать. Я думаю, что тебе следует признать эту любовь и не оправдываться за нее.

– Я не искала этой любви, – грустно ответила Элейн. – Чарльз просто вошел в мою кухню на Рождество, и все стало ясно.

– Я знаю, я это видела.

– Ты видела?

– Да.

– Но ты мне ничего не сказала.

– Не сказала.

– О, Джейн, что же мне теперь делать?

– А что ты делаешь, когда несчастна? Что возвращает тебе хорошее настроение?

Элейн ненадолго задумалась.

- Пирог. Я пеку сладкие пироги.
- Тогда испеки пирог. Испеки два пирога или три. Испеки столько пирогов, сколько тебе захочется. А потом ложись спать. Когда проснешься, ты сможешь взглянуть на ситуацию более трезво.
- Ты права, – согласилась Элейн. – Я так и сделаю.
- Как Мэтью? Он в курсе?
- Нет.
- Не спеши. Дай себе время. Пока ничего не предпринимай.

Мы попрощались. Вдруг я увидела знакомую фигуру, выходящую из вестибюля гостиницы. Этот пучок света из серебристой стали я бы узнала где угодно. Неужели это была Колетт? Или она следит за тем, как я пытаюсь выполнить свое задание?

* * *

- Прости, – извинилась я перед Кэмом, вернувшись к нашему столику. – У моей подруги кризис.
- В любви?
- Да.
- Он улыбнулся.
- Ты могла бы зарабатывать на этом деньги. Джейн Уильямс, любовный доктор.
- Ха! Едва ли... В этом деле я преуспела бы ровно настолько, насколько это удастся предсказательнице на рынке.
- Кэм пожал плечами.
- Ну, если ты действительно веришь в то, что видишь, ты могла бы делать людям добро, указывала им верное направление.
- Я покачала головой.
- Мне бы хотелось иметь другой дар. Например, фотографическую память или умение предсказывать погоду по болям в локте.
- Кэм рассмеялся.
- Уверю тебя, твой дар куда круче, чем локоть с метеорологическими способностями.
- Я улыбнулась и сложила салфетку, лежавшую у меня на коленях.
- Если бы только моя мама была жива. Она так любила свадьбы.
- Уверен, что ты сильно по ней скучаешь, – сказал Кэм.
- Это так, – ответила я. – Тебе повезло. Твои родители живы.
- Он кивнул.

– Они женаты сорок пять лет, но я не уверен, счастливы ли они. То есть они, конечно же, счастливы, но в этом уравнении совсем не осталось романтики, – Кэм кивком указал на Кэти и Джоша, которые только что вышли на площадку для танцев. – Я знаю, что ты видишь любовь между ними. Интересно, что бы ты сказала о моих родителях. Держу пари, что ты видела бы все достаточно отчетливо, без любовного тумана.

Я попыталась рассмеяться, услышав это предложение.

– Твои мама и папа и состояние их брака не являются сюжетом для одной из твоих статей о науке.

Я подумала о моих родителях и о том, как мало я знала об их любви. Это определенно была любовь, любовь истинная – я видела это лишь однажды – несмотря на то, что отец ушел из нашей жизни.

– Моя мама умерла, когда я училась в старших классах, – я решила рассказать об этом Кэму, хотя редко с кем-то делилась обстоятельствами маминой смерти. И отношения с ней я ощущала как особую близость.

– Мне жаль, – быстро сказал Кэм. – А твой отец? Ты часто с ним видишься?

Я покачала головой.

– Нет, он ушел от нас, когда я была совсем еще крошкой. Пожалуй, я бы его и не узнала, если бы встретила на улице. И все же я много о нем думаю. Гадаю, где он и как проживает свою жизнь. Возможно, у него хорошая новая семья и у меня есть сводные братья и сестры, с которыми я никогда не встречалась. Или думаю о том, почему он ушел от нас. Я знаю, что он любил мою мать, но почему-то ему не хватило этой любви, чтобы остаться с нами.

Кэм кивнул, но взгляд у него был рассеянным. Я увидела, что он вытаскивает из кармана телефон.

– Прости, это с работы.

– Все в порядке. Ответь.

– Спасибо. – Кэм отошел от столика. Он вернулся через несколько минут, как раз к тому моменту, когда из динамиков полилась новая мелодия. Он улыбнулся:

– Ты знаешь эту песню?

– Да. Это «Look of love»^[4], классика.

Кэм подал мне руку.

– Потанцуешь со мной?

Музыка завораживала меня, как и взгляд Кэма. Я встала, Кэм приобнял меня за талию, и мы вышли на площадку для танцев.

– Я хочу, чтобы ты всегда думала обо мне, когда услышишь эту

песню, – прошептал Кэм мне на ухо. – Я хочу, чтобы ты ощущала мое присутствие.

– Обещаю, – ответила я, прижимаясь головой к его груди.

Взгляд любви. Ее тихий шепот. Возможно, я не могла видеть ее в своей жизни, но в этот вечер я ее чувствовала.

Глава 15

2201, Хэмлин-стрит

Август

Элейн раскатывала тесто для сладкого пирога на мраморной столешнице в своей кухне. Мэтью должен был вернуться на следующий день, поэтому дети собрали целую миску вишни с дерева на заднем дворе и даже вынули из нее косточки. Пальцы у них покраснели от сока.

– Папе понравится наш пирог с вишней, – сказала Элла, сидя рядом с братом и улыбаясь.

Да, Мэтью любил пироги с вишней. Элейн помнила, как он радовался, когда обнаружил старое вишневое дерево на заднем дворе. Это было первое дерево, на которое вскарабкалась Элейн, когда была маленькой. Именно оно давало вишни для десятков летних пирогов, которые с любовью пекла ее бабушка.

Элейн смешала вишню с сахаром в миске, потом добавила капельку корицы в точности так, как делала ее бабушка. Перемешивая ягоды с сахаром, она вспоминала, как в детстве сидела возле бабушки и смотрела, как та стряпает пироги. В процессе готовки дедушка обязательно заходил в кухню и утаскивал что-нибудь на пробу, при этом получая от жены шлепок по руке. Их отношения были легкими и исполненными любви. Элейн всегда считала это настоящей любовью. Она подумала о своем муже. Да, Мэтью любит ее. Конечно же, любит. Но он никогда не смотрит на нее так, как ее дедушка смотрел на ее бабушку.

Элла сунула в рот покрытую сахаром вишню и отправилась следом за братом играть на задний двор. Элейн тем временем нарезала тесто на узкие полоски и выложила решетку на верхней части пирога. Она подняла глаза и увидела, как Чарльз подъезжает к своему дому. Он бросил взгляд через дорогу и заметил ее в окне. Их глаза встретились, и Элейн сразу вспомнила предыдущий вечер. Ее сердце рвалось из груди.

Они повели детей на ярмарку около озера Грин и провели весь день, переходя от одного аттракциона к другому и лакомясь сахарной ватой. Они даже в цирке побывали.

В конце дня они оказались на «блошином» рынке около стоянки. Все устали, но Элла потянула мать за руку.

– Давай посмотрим, мамочка, ну, пожалуйста!

Чарльз улыбнулся.

– Я люблю старые вещи, – сказал он. – Пожалуй, стоит пройтись по рядам.

И вскоре они уже переходили от прилавка к прилавку, разглядывая выставленные на продажу связанные вручную свитера и гончарные изделия. Элла бросилась к прилавку со старинными украшениями. Это в основном была бижутерия, к которой девочки неравнодушны.

– Смотри, – неожиданно воскликнула Элла, показывая браслет с брелоками, который она нашла на дальнем конце прилавка. – Такой браслет был у тебя в детстве, да, мамочка?

Элейн торопливо подошла к дочке. Ее глаза наполнились слезами, когда она увидела браслет вблизи. Это был ее браслет, тот самый, который она потеряла в двенадцать лет на такой же ярмарке.

– Не могу поверить, – сквозь слезы произнесла Элейн, держа браслет в руке. Все брелоки были на месте: торт, лопатка, половина сердечка. – Это он! Это мой браслет, который я потеряла в детстве! Я в этом уверена.

Прежде чем она успела понять, что происходит, Чарльз достал бумажник, вынул две купюры и протянул их стоявшей за прилавком женщине средних лет с татуировкой в виде единорога на плече.

– Он до сих пор мне впору, – удивилась Элейн, застегивая браслет на запястье.

Вечером Элейн, все еще под впечатлением от событий дня, осталась в доме одна. Элла и Джек отправились с ночевкой к своим кузенам, Мэтью уехал из города по делам. Поэтому когда Чарльз появился у нее на пороге с бутылкой вина, она без колебаний пригласила его войти.

Разумеется, это был опрометчивый поступок. Но Чарльз был соседом, другом, и никем больше. Они стояли иногда на тротуаре, глядя на своих детей, играющих вместе, обменивались короткими приветствиями. Постепенно их тяга друг к другу достигла точки кипения. И вот он стоял, прислонившись к косяку, с легкой щетиной на подбородке и с тоской в глазах.

– Ты позволишь мне войти? – негромко спросил он.

– Да, – ответила она. Одно слово, но им было сказано все. Так музыкант может передать эмоцию одной нотой.

Элейн пригласила Чарльза войти. Они пили вино и разговаривали.

– Ты потеряла браслет, который был тебе дорог. Поэтому я купил его

для тебя. Мне понятно чувство, когда ты тщетно ищешь то, что, как подсказывает тебе сердце, ты никогда уже не найдешь.

– Должно быть, ты очень тоскуешь по твоей покойной жене, – сказала Элейн, глядя ему прямо в глаза.

– Это правда, – не стал отрицать Чарльз. – Я каждый день думаю о ней. Мне все о ней напоминает. Музыка. То, что говорит наша дочка. Розы в саду. – Он надолго замолчал, потом посмотрел на Элейн. – Ты напоминаешь мне ее.

– Она была похожа на меня? – спросила она.

– Кара обожала бы тебя, – сказал Чарльз. От этих его слов сердце Элейн едва не разорвалось. – Я даже представить не мог, что снова поверю в романтическую любовь. А потом я вошел в твою кухню.

Сначала их руки нашли друг друга, потом губы и тела. Элейн знала, что это не просто влечение, это было глубже. Она поняла это в тот момент, когда в первый раз посмотрела в глаза Чарльза в тот день, много месяцев назад. В его глазах она увидела жизнь. Большую, смелую, красивую жизнь. Дом и сад. Голоса детей. Ежегодные праздники, Рождество и Пасху, дни рождения и годовщины. В этих глазах она увидела любовь.

В камине мерцали языки пламени, отбрасывая танцующие тени на их обнаженные тела на ковре. Элейн не задернула шторы. В любую минуту мимо мог пройти кто-то из соседей – миссис Уилкинсон со своим пуделем или Джонатан и Лиза Уэст, прогуливающие перед сном своего малыша, – и увидеть их переплетенные тела. Элейн понимала, что это было глупо и беспечно. Она вела себя так, будто ей снова было шестнадцать лет. Но все равно она должна была быть с ним, а он должен был быть с ней. Для каждого из них другой был сокровищем, которое они искали всю жизнь. Находка на «блошином» рынке стоила миллион долларов, она просто лежала в пыльной корзине и ждала, пока ее возьмут.

И они взяли ее, каждый из них. Они потеряли себя в этом обретенном сокровище.

Элейн, стоя над пирогом в кухне, часто-часто заморгала и вцепилась в браслет на запястье, который ей купил Чарльз. Он стоял на подъездной дорожке к своему дому на другой стороне улицы. Она гадала, помнит ли он, как прикасался к ней всего двадцать четыре часа назад, как она прикасалась к нему. Слышит ли он ее голос? Ведь Элейн слышала его голос. Она все еще чувствовала его.

– Мама! Мама! – закричала Элла от задней двери. Элейн мгновенно пришла в себя. – Папочка приехал!

Элейн обернулась и увидела Мэтью, стоявшего в дверях кухни. Она не

слышала, как подъехала его машина. Как давно он там?

Муж подошел к ней.

– Я успел на более ранний рейс из Чикаго, – объяснил он и поцеловал ее в лоб.

Элейн заново завязала фартук и заставила себя улыбнуться так, словно ничего не изменилось. В конце концов, она его жена. Любящая, практичная, неспособная на предательство. Элейн повернулась к столешнице, к своему пирогу с вишней. Мэтью прижался к ее спине, его руки обвились вокруг ее талии, он поцеловал ее в щеку. Элейн подняла глаза. Чарльз стоял возле почтового ящика. Она знала, что он видит их в окне кухни.

– Интересно, он когда-нибудь соберется перекрасить дом? – спросил Мэтью, склоняя голову вправо.

Глаза Элейн и Чарльза снова встретились, и она с трудом сдержала подступившие слезы.

– Хорошо бы, – сказала Элейн. – Ужасный оттенок голубого, правда?

Мэтью чмокнул ее в макушку.

– О, у нас пирог с вишней! Вот повезло!

Он бросил вишню в рот и вышел из кухни.

Элейн посмотрела в окно и вцепилась в столешницу. Ей казалось, что ее сердце вот-вот разорвется.

Глава 16

Сентябрь

Ло сидела за прилавком в цветочном магазине в голубом платье с черным поясом, из-за которого ее талия казалась еще тоньше. Она была завораживающе красива с собранными в пучок волосами, но выглядела печальной. Когда я вошла в магазин, Ло подняла на меня глаза, и я поняла, что она плакала.

– За всю неделю он ни разу не позвонил и не прислал эсэмэс, – сказала Ло, глядя на телефон, и тяжело вздохнула.

После свадьбы Кэти Ло потребовала от Гранта объяснений. То, что она увидела его на торжестве с женой, глубоко ранило ее, особенно после того, что он рассказывал о своей несчастливой жизни и о своих взглядах на совместное будущее с Ло.

– Все пройдет, – продолжала Ло, беря себя в руки. – Мне просто нужно перестать сходить из-за этого с ума. Грант явно сделал свой выбор и решил остаться с женой. Что ж, отлично. Но знаешь, чего я никак не могу понять? Что никак не выходит у меня из головы, Джейн?

Я подошла к ней, поставила сумочку на прилавок.

– Что же?

– Я никогда еще не любила так сильно, – продолжала Ло. – И я знаю, что он чувствует то же самое. Эта любовь больше, чем все то, что мы оба испытывали раньше. И вот я все пытаюсь понять, как он смог все это оборвать, – она покачала головой, как будто не верила собственным словам. – И как мне дальше со всем этим жить? Как мне просыпаться по утрам, ходить на свидания, зная, что я, возможно, никогда больше так не полюблю?

Мне хотелось сказать ей, что она обязательно полюбит, что любовь ждет ее за углом, что даже истинная любовь вполне может повторяться и прийти снова. Полагаю, что у кого-то именно так и бывает. Но если это такая большая яркая любовь, какой Ло любила Гранта, можно ли найти *это* еще раз? Я знала только то, что видела своими глазами, а я видела любовь между Ло и Грантом. Это была сильная любовь. И, как и моя подруга, я гадала, как сердце продолжает биться, если такая любовь остается без ответа.

– В любви слишком высоки риски, – сказала я. – Ты любишь и надеешься, но никогда нет никаких гарантий. В ваших сердцах вы строите ваш замок вместе, но он может рухнуть в мгновение ока. Я тоже этого боюсь.

Ло подняла глаза.

– Ты говоришь о Кэме?

– Да, – ответила я. – Он пригласил меня познакомиться с его родителями. Они должны были приехать в Сиэтл несколько месяцев назад, но у его отца появились проблемы со здоровьем, поэтому все сорвалось. Ло, ведь знакомство с родителями – это важный шаг, верно?

– Именно так.

– Но я не могу сказать, собирался ли он представить меня как свою девушку или просто как помощницу в сборе материала для статьи. Кэм как-то уж слишком увлечен моим мозгом. Можешь считать это паранойей, но я не хочу стать темой для его исследований.

Ло смущенно опустила голову.

– Джейн, я не собиралась ничего тебе говорить. Я даже дала себе клятву, что не стану вмешиваться, – она вздохнула. – Но то, что ты сейчас сказала об осторожности... В общем, на свадьбе Кэти я видела некоторые сообщения в телефоне Кэма. Он оставил его на столике. Хотя я сама была не в лучшей форме в тот вечер, я не могла не обратить внимание на появляющиеся эсэмэс, набранные прописными буквами. Такое ощущение, что шла настоящая война.

Я вспомнила наш романтический танец. Неужели я ошибалась, когда думала, что Кэм не спускает с меня глаз?

– Ты их прочитала?

– Я смогла прочитать лишь частично, – вздохнула Ло. – Такое ощущение, Джейн, что у него неприятности на работе.

Я была слишком потрясена, чтобы ответить, поэтому сменила тему.

– Мне нужно подкрасить волосы. Ты не сможешь присмотреть за магазином оставшуюся часть дня? После парикмахерской я собиралась навестить Флинна.

Ло кивнула.

– Отправляйся со спокойной душой. И передай от меня привет Флинну.

– Передам, – пообещала я. – А ты, пожалуйста, постарайся не слишком горевать о Гранте.

Я подумала о старинной книге, которую отдала мне Колетт, в которую были записаны имена любящих друг друга людей из прошлых веков,

примеры истинной любви, мимолетной любви, всех типов любви. Имена Ло и Гранта обязательно будут вписаны в эту книгу. Я поняла это в тот самый день, когда впервые увидела их вместе. И не важно, знаю я или нет, какая любовь связывает их или чем закончится их история. Как бы отчаянно Ло ни хотела, чтобы их любовь выдержала испытание временем, преодолела все преграды, стала тем семечком, которое прорастает через трещину в бетоне и продолжает расти вверх, их любовь все-таки не в ее власти и не во власти Гранта.

* * *

– Вы только посмотрите на нее! – воскликнула я, войдя в салон и удивляясь округлившемуся животу Мэри.

Она улыбнулась и погладила его.

– Я знаю, он огромный, – сказала Мэри. – Если бы я получала по доллару каждый раз, когда меня спрашивают, не жду ли я двойню, то...

Мэри заправила за ухо длинную золотисто-каштановую прядь и вздохнула.

Я сжала ее руку.

– Я знаю, как тебе было трудно после ухода Илая.

Она кивнула.

– Не стану лгать, это был настоящий ад. Быть беременной и при этом остаться одной, – Мэри вздохнула. – Спасибо Господу, у меня есть Лука.

– Лука?

– Это мой подрядчик, помнишь? – продолжала Мэри, пока я усаживалась в кресло. – Я даже не ожидала, но он стал мне настоящим другом. – Она снова вздохнула. – Я буду скучать по нему.

– Скучать?

Она кивнула, разделяя мои волосы на пряди.

– Перестройка кухни практически завершена. А потом он собирается вернуться в Италию. Его нанял какой-то американский миллионер для ремонта особняка на озере Комо. – Мэри пожала плечами. – Может быть, это Клуни.

В голосе Мэри я почувствовала сожаления и колебания.

– Ты поэтому грустишь?

Она быстро покачала головой.

– Нет, ничего подобного. – Мэри провела расческой по пряди моих волос. – Мне просто не хватает его, вот и все.

Она начала наносить краску на волосы, а я подумала о том, как любовь может либо свалиться на тебя, словно тонна кирпичей, либо коснуться твоего лица, словно перышком.

* * *

– Отлично выглядишь, сестренка, – одобрил Флинн, когда мы встретились с ним в ресторанчике «У Бичера» на рынке за поздним ленчем.

Я провела рукой по только что покрашенным волосам и улыбнулась.

– О, спасибо.

Мы оба заказали сэндвичи с дандженесскими крабами под соусом и уселись на скамье, с которой открывался вид на бухту Эллиотт. У наших ног бродили чайки, а мы с удовольствием ели ленч: сладкое крабовое мясо, красный перец, обжаренный на гриле, и веточки укропа между двумя кусками идеально поджаренного хлеба. Рай, иначе не скажешь.

– Помнишь, как мама любила сидеть здесь по утрам с чашкой кофе? – спросил Флинн, вытирая уголки рта салфеткой.

– Да, она сидела вон там и смотрела на бухту, – сказала я, указывая на скамью впереди, занятую в этот момент молодой семьей. Малыш в шортах с гавайским принтом, взвизгивая, кидал кусочки хлеба голодным чайкам. Я смяла бумагу от сэндвича и положила рядом на скамью. – Знаешь, я думаю, что мама так и не оправилась после ухода отца.

Флинн кивнул.

– Согласен.

– Даже когда она была счастлива, – продолжала я, – в ее глазах жила печаль, как будто она все время помнила о нем.

Брат посмотрел на бухту, потом повернулся ко мне.

– Мне знакомо это чувство.

– Что ты имеешь в виду?

– Я говорю о женщине, которая живет в доме напротив, – он потер лоб. – Джейн, я не знаю, как это описать. Я понимаю, что это не имеет никакого смысла. Я до сих пор так и не познакомился с ней, мы ни разу не встречались. Но именно ради нее я просыпаюсь каждое утро, – Флинн улыбнулся. – У нас свой язык. Мы улыбаемся, машем друг другу, мы жестикулируем. Позавчера я написал на листке оберточной бумаги: «Какой ваш любимый цветок?» Она написала ответ на куске картона: «Оранжевые розы». И я купил огромный букет и поставил его возле окна, чтобы она их видела.

Я улыбнулась.

– Ну да, Ло говорила, что ты заходил за оранжевыми розами.

– Они ей понравились, – сказал Флинн. – Она даже улыбнулась, а мне больше ничего и не нужно было. Она редко улыбается. Такое ощущение, что у нее на плечах лежит непосильная ноша. И тот мужчина продолжает к ней приходить. Думаю, он ее бывший приятель. После этих визитов она всегда плачет. Я вижу ее в слезах, и мне не терпится пойти к ней, облегчить ее боль. Я хочу утешить ее, как мне никогда не хотелось утешить ни одну другую женщину. Джейн, это не имеет никакого смысла, но я думаю, что это любовь.

Флинн посмотрел на меня широко раскрытыми глазами.

– Или какая-то форма любви, – с усмешкой ответила я. – Флинн, как ты можешь знать, что любишь ее, если ты ни разу не говорил с ней? Ни разу не прикоснулся к ней?

– Просто знаю, и все.

И в эту минуту я поняла, что Флинн и эта таинственная женщина тоже займут свое место в старинной книге. Между ними восторженная, редкая и сильная любовь.

– Спроси, как ее зовут, – сказала я. – На вашем языке спроси.

– Спрошу, – ответил мой брат.

* * *

Кэм заехал за мной в четыре часа, и мы отправились на пароме на остров Бейнбридж, чтобы встретиться с его родителями в ресторане «Хичкок» в сонном городке Уинслоу, где они гостили у родственника.

– Ты прекрасно выглядишь, – улыбнулся Кэм, когда мы вышли из машины и пошли по дорожке, держась за руки. Был великолепный вечер начала осени – теплый бриз, синее небо над головой, гуляющие по тротуарам пары, дети с мороженым в руках.

– Моим родителям не терпится с тобой познакомиться, – продолжал он.

Я поймала свое отражение в витрине и посмотрела на мой бледно-голубой сарафан и сандалии. *Может быть, мне стоило одеться понаряднее?*

– Моя мама выросла на острове Бейнбридж, – сказала я.

– Какая она была? – спросил Кэм.

– Она была самым милым человеком на свете. Снисходительная,

добрая, немного непрактичная, – я слегка улыбнулась. – Однажды она помогла торговцу рыбой с рынка сделать предложение его девушке. Из цветов эта девушка больше всего любила редкий сорт лилий. Разумеется, мама заказала их из Перу, не меньше двухсот штук, и не взяла с него ни цента. Она часто так помогала людям. Мама любила любовь.

– А ты любила ее, – подсказал Кэм.

– Очень любила, – ответила я.

Мы подошли к ресторану, и я прошла следом за Кэмом в неярко освещенный зал. Нам помахала из-за столика седовласая пара, и Кэм улыбнулся.

– Мама, папа, – сказал он, когда мы подошли к столику, – это Джейн.

– Рада познакомиться с вами, миссис Коллинз, – поздоровалась я и поставила сумочку на стул.

Она тепло обняла меня.

– Пожалуйста, зовите меня Клаудия, – сказала она. – А это Джеральд.

– Приятно познакомиться с вами, Джейн, – сказал отец Кэма.

Подошедший официант раздал нам меню. Клаудия раскрыла свое и повернулась к Джеральду.

– Дорогой, здесь подают ньокки^[5]. Ты же их любишь.

– Я не люблю ньокки, – с гримасой ответил он.

– Нет, любишь. Ты просто забыл. – Она заговорщически улыбнулась мне. – Он бы и голову свою забыл, если бы она не была прикреплена к туловищу.

Джеральд нахмурился и отложил свое меню.

– Раз уж ты так хорошо знаешь, что я люблю, почему бы тебе не сделать заказ за меня?

Клаудия уверенно кивнула.

– Я так и сделаю.

Кэм заерзал на стуле. Я понимала, что ему неловко за перепалку между отцом и матерью. Я видела, что он был прав. Его родители не любили друг друга. Я снова посмотрела на Клаудию и Джеральда. И тут это случилось. Перед моими глазами начал подниматься туман. Я моргнула и вцепилась в край стола, чтобы не упасть.

– Ты в порядке? – шепнул мне Кэм. – Это же не...

Я кивнула.

– Да.

– Дорогая, надеюсь, вы хорошо себя чувствуете, – Клаудия потянулась через стол и похлопала меня по руке.

– Все нормально, я просто...

– У Джейн случаются мигрени, – вмешался Кэм.

Я ненадолго закрыла глаза, чтобы туман рассеялся. Мне придется весь обед мучиться головной болью, изнутри будет что-то давить на глазные яблоки, но я знала, что нового эпизода не будет. Это никогда не случается дважды при общении с одними теми же людьми.

– Бедняжка, – пожалела меня Клаудия. – С Джеральдом такое тоже случается. У него голова болит от сыра, но он от него все равно не отказывается. И еще у него непереносимость лактозы. – Клаудия покачала головой. – Если вы думаете, что он отказался от молочных продуктов, то ошибаетесь. Он не слушает доводов разума.

Джеральд нахмурился.

– Сыр, – произнес он, качая головой. – Она хочет, чтобы я отказался от сыра!

Я посмотрела на Кэма и улыбнулась. Его родители искренне любят друг друга. Несмотря на возраст. Несмотря на постоянные перепалки. Несмотря на ворчание по поводу жизни и сыра. Это любовь.

* * *

Кэм пригласил меня к себе, и когда мы устроились на диване с бокалами вина, он провел рукой по моим волосам.

– Знаешь, я не могу в это поверить. Я не могу поверить в то, что ты увидела за обедом между моими родителями.

– Почему?

Кэм принялся вращать вино в бокале.

– Я был уверен, что вся любовь, соединившая их когда-то, за прошедшие годы испарилась. Они без конца ворчат друг на друга.

Я кивнула.

– Я слышала, что каждая любовь заканчивается перепалками на кухне.

Кэм хмыкнул.

– Перепалками на кухне?

– Да. Но твои родители все еще любят друг друга среди кухонной утвари. Очень сильно любят.

Кэм улыбнулся так, как будто был удивлен до глубины души.

– Даже после сорока пяти лет брака, когда они то и дело говорят о непереносимости лактозы у моего отца?

Я ответила ему улыбкой.

– Да, любовь не отменяет непереносимость лактозы.

Он придвинулся ближе ко мне.

– Как ты думаешь, мы с тобой могли бы найти любовь? – прошептал он. – Как ты думаешь, человек с твоим даром мог бы увидеть ее в нас?

Он был так близко, что я чувствовала запах его кожи, его дыхание, сладкое и опьяняющее. Мое сердце забилося быстрее, когда я переплела свои пальцы с пальцами Кэма. Я вспомнила Колетт и задумалась: увидела бы она любовь между нами? Я и хотела это знать, и не хотела. Больше всего в эту минуту я желала отдаться чувствам. И, прижавшись губами к губам Кэма, я забыла обо всем.

Глава 17

4572, Саннисайд-авеню

Мэри свернула на подъездную дорожку. Она была рада тому, что грузовичок Луки все еще припаркован напротив ее дома. Честно говоря, у нее даже сердце забилося быстрее. Стоял уже конец сентября. Поскольку Мэри решила сохранить камин, ремонт кухни и уголка для завтрака занял больше времени, чем планировалось, но в глубине души она радовалась этому, потому что Лука дольше задержался в ее доме. Теперь работы подходили к концу, и Мэри начала тревожиться. Ей становилось не по себе при мысли о том, что она останется в одиночестве, хотя уже совсем скоро должна была родиться ее малышка.

Мэри услышала звук пилы на заднем дворе и улыбнулась про себя. Лука. Оказалось, что его дружба значила для нее куда больше, чем она ожидала. Он помог ей собрать колыбельку и покрасить детскую. А Мэри, как только установили новую плиту, готовила для него еду. Иногда она заказывала еду на дом, и тогда они подолгу сидели за столом, рассказывая друг другу истории и активно помогая себе при этом жестами. Мэри удовлетворенно вздохнула, вспомнив предыдущий вечер.

Луке пришлось временно отключить воду, пока водопроводчик устанавливал новый кран. Поэтому Мэри предложила ему пойти в маленький ресторанчик «У Джулии», расположенный в конце улицы. Вечер выдался теплый, на кленах, высаженных вдоль тротуара, щебетали птицы.

– Осторожно, – предупредил Лука и взял Мэри за руку, когда она едва не ступила в открытый люк. Ее живот был уже просто огромным. В такие теплые дни, как этот, она часто размышляла, какого размера он достигнет к родам, которые ожидались в декабре. У Мэри часто спрашивали: «Ты ждешь двойню?»

Лука во второй раз прикоснулся к ней. Первый раз был случайностью. Они стояли возле плиты и рассматривали, как выложена мозаика на стене. Их руки соприкоснулись, и по коже Мэри мгновенно побежали мурашки. Лука тогда отступил назад и нервно потер лоб.

Мэри вошла в дом и положила ключи на столик у стены. Она все еще вспоминала предыдущий вечер. В ресторане администратор провела их к маленькому столику в глубине зала у самого аквариума, в котором плавали

две пухленькие золотые рыбки.

– В детстве мне всегда хотелось иметь золотую рыбку, – сказала она Луке. – Но моя мама так и не позволила мне этого, хотя это самые удобные домашние питомцы в мире.

Лука улыбнулся и указал на золотую рыбку размером поменьше.

– Вот эта маленькая ты, а большая рыба – это я.

– Ты только посмотри на них. Они выглядят счастливыми даже в аквариуме, – воскликнула Мэри.

Он кивнул.

– Ты можешь быть счастливым везде, если есть любовь.

Это была самая совершенная английская фраза, которую Лука произнес за все это время, и Мэри понравилось то, как сверкнули его глаза, когда он это говорил. Разумеется, Лука был прав. После того, как Илай ушел от нее, их красивый дом, которым она так гордилась, потерял для нее свою значимость. Любовь ушла. Но с любовью она могла бы жить и в лачуге, и в трейлере... и даже в аквариуме на двоих.

Мэри заглянула на кухню, где Лука прикручивал ручки к нижнему шкафчику. Эти ручки она купила в специальном магазине. Мэри никак не могла выбрать между полированным никелем и пьютером, потом выбрала первый вариант, и эти ручки идеально подошли к белым шкафчикам.

Старый камин, который так ненавидел Илай, остался на своем месте. Мэри радовалась ему, словно старому другу.

– Забавно, – сказала она, оглядываясь по сторонам. – Поначалу и ремонт, и беременность казались вечными, но время пролетело так незаметно...

Мэри вдруг стало грустно: и Лука скоро уедет, да и ее муж не увидит современную кухню, в которой они собирались готовить вместе. Она тогда представляла, как по утрам в воскресенье они будут попивать кофе, сидя на кухне, и обмениваться страницами «Нью-Йорк таймс». На сковородке шипит бекон, в духовке пекутся маффины с черникой. Запах счастья.

Но когда Мэри провела рукой по разделочной доске, которую Лука отполировал до идеальной гладкости, в глубине ее существа зародились другие чувства. Как только он закончит дверной проем, он уедет, займется следующим проектом, и эта перспектива пугала Мэри.

За все эти месяцы ремонта и беременности Лука оставался постоянной фигурой в ее жизни, единственным надежным человеком. Она возвращалась домой после дня работы в салоне, а он был в доме: что-то прибивал, пилил, красил, строгал. Как старинный канделябр в прихожей, Лука стал частью ее дома и ее жизни, и Мэри не была готова попрощаться с

ним навсегда.

Лука поднялся. Повернулся к ней и улыбнулся. Мэри нравилась его улыбка, такая мальчишеская и жизнерадостная. Илай никогда так не улыбался и никогда не смотрел на нее с таким ожиданием, как это делал Лука.

– Вот и ты, моя красная рыбка, – сказал он, делая шаг к ней.

Мэри не удержалась от смеха.

– Ты хотел сказать «золотая рыбка»?

Лука улыбнулся и провел рукой по темным волосам.

– Ох, – засмеялся он, – мой английский. Да, я хотел сказать «золотая рыбка».

– Нет-нет, – смеясь, возразила Мэри. – Красная рыбка лучше, намного лучше.

Их взгляды встретились и никак не могли оторваться друг от друга.

– Тогда ты всегда будешь моей красной рыбкой, – медленно произнес Лука.

* * *

Неделей позже Мэри стояла в красивой кухне своего идеального дома. Лука уехал. На том месте, где когда-то стояла его циркулярная пила, теперь красовался кухонный комбайн, подаренный на свадьбу одной из тетушек Илая, имени которой она уже не помнила. Вместо металлического ящика для инструментов с проржавевшими петлями на кухне пристроилась белая миска с блестящими красно-зелеными яблоками сорта «Бабуля Смит». Лука отлично выполнил свою работу. Стюарт, архитектор Мэри, говорил о том, что пошлет фотографии кухни в журнал «Архитектурный дайджест» на ежегодный конкурс реконструированных кухонь. Но каким бы красивым ни было пространство, Мэри чувствовала себя в нем одинокой и потерянной. Любовь не жила ни в ее кухне, ни в ее доме.

Красная рыбка. Мэри улыбнулась про себя, думая о Луке. Она скучала по нему. Перед тем как уйти, он написал свой номер телефона на клочке бумаги.

– Если что-то пойдет не так, если что-то сломается, позвони мне, – попросил он, – я приеду и все исправлю.

Каждое утро Мэри смотрела на этот клочок бумаги. Иногда ей даже хотелось, чтобы сломалась посудомоечная машина, потек кран, перекошились дверцы шкафчика. Ей так хотелось найти причину, чтобы

позвонить ему, снова услышать его голос, увидеть его. Все эти месяцы Лука был ее другом, и без него она чувствовала себя бесконечно одинокой.

«Почему бы просто не позвонить ему? – подумала Мэри. – Почему бы просто не позвонить ему и не сказать «привет»? Так поступают старые друзья».

Она взяла телефон и глубоко вдохнула. Но она не набрала номер Луки, она позвонила мужу. Да, теперь они чужие, но Илай до сих пор остается ее мужем. Он по-прежнему мужчина, за которого она вышла замуж. Ее сердце бухало в груди, два удара на каждый гудок. Мэри почувствовала, как толкнулся ребенок, и погладила то место, куда только что ударила крохотная ножка, коленка или локоток. Их ребенок.

После четвертого гудка в трубке раздался голос.

– Алло? – Голос был женским, молодым, сексуальным и... раздраженным. Мэри быстро нажала на кнопку отбоя и тяжело опустилась на стул возле стола в ее идеальной одинокой кухне.

Глава 18

Октябрь

– Доброе утро, – поздоровалась я с Бернардом, выходя из лифта с Сэмом.

– Доброе утро, – ответил он с улыбкой и погладил Сэма по голове. Мы вышли на тротуар. Воздух в Сиэтле стал холодным, на рынке на каждом свободном участке стояли тыквы. Я остановилась возле овощного прилавка и полюбовалась сладкими тыквами. Я купила три штуки: одну для газетного киоска Мела, другую для Элейн и третью для цветочного магазина.

– Привет, красотка, – улыбнулся мне Мел, когда я подошла к нему.

– Это для вас, – сказала я и поставила тыкву возле кассового аппарата. – Счастливого октября.

– Октябрь и в самом деле счастливый. – Мел подошел ближе ко мне, как будто собирался раскрыть секрет. – Вчера мы говорили о парламенте.

Я недоуменно посмотрела на него.

– О парламенте?

– Да, – победно выпалил старик. – Мы завтракаем вместе каждую пятницу. Правда, мы сидим за разными столиками, но это не важно. Мы вместе едим сэндвичи с яйцами.

– Подождите, Мел! С кем вы завтракаете по пятницам?

Но тут я увидела, как сияют его глаза, и все поняла.

– Ах да, с английской королевой. Ну конечно!

Он просиял.

– Да.

– Рада за вас, Мел. Почему вы не пригласите ее на свидание?

– Мне бы этого очень хотелось, – ответил он. – Но пока я набираюсь смелости.

– Только не затягивайте. Иначе Вивиан может подумать, что не нравится вам. Мы, женщины, бываем такими нетерпеливыми.

Я подмигнула ему и пошла дальше к пекарне «Мерриуэзер», у входа в которую я привязала Сэма к фонарному столбу. Элейн была занята тем, что выкладывала на витрину свежие круассаны. Она подняла глаза и улыбнулась, увидев меня.

– Это тебе, – объявила я, водрузив тыкву на прилавок.

– Ой, спасибо! – Она поставила пустую корзинку для выпечки. – Я рада, что ты зашла. У тебя есть время немного поговорить?

– Разумеется.

Элейн вытерла муку со щеки и вышла из-за прилавка. Мы сели за столик у окна.

– Чарльз... – начала она. – Думаю, это настоящее, Джейн. Я влюблена. Безумно, глубоко, искренне.

Слова потоком лились с ее губ.

Я вспомнила туман, появившийся перед моими глазами, когда я увидела Элейн и Чарльза рядом. Разумеется, она влюблена. Я видела это своими собственными глазами.

– Люди говорят о родстве душ, – продолжала Элейн. – Я никогда не верила в то, что люди могут быть созданы друг для друга, – она покачала головой. – Но потом я встретила Чарльза... И все.

– Что такого ты в нем увидела, Элейн?

– Воздушные шары, – с ностальгией произнесла она. Я заметила браслет с брелоками у нее на запястье.

Я покачала головой, не слишком хорошо понимая, о чем говорит моя подруга.

Элейн улыбнулась.

– Чарльз любит воздушные шары. И я тоже. Мэтью ни за что не согласился бы подняться на воздушном шаре даже ради спасения собственной жизни. Что уж говорить о моем удовольствии... А Чарльз... – она вздохнула и снова улыбнулась. – Он спонтанный, открытый. Мэтью это совершенно не свойственно. Если бы я попросила Чарльза завтра отправиться со мной на остров Санторини на воздушном шаре, он бы сразу согласился.

Но в то же самое время, – продолжала Элейн, – это ужасно. Я не знаю, что делать. Вчера вечером Чарльз попросил меня принять решение. Он хочет, чтобы я оставила Мэтью и мы начали жить вместе. Я понимаю, что ему невыносимо тяжело наблюдать, как каждый вечер я задергиваю шторы в нашей спальне. Он видит меня с Мэтью и детьми во дворе. И при этом он любит меня, а я люблю его.

Элейн снова вздохнула.

– Я не могу так жить дальше, Джейн. Это меня разрушает. И, конечно же, это разрушает Чарльза. Он недавно потерял жену. У него было достаточно эмоциональных потрясений в жизни.

– Вот это меня и беспокоит, – призналась я. – Ты уверена, что Чарльз

готов полюбить снова? Не слишком ли рано он бросился в новые отношения?

– Я думала об этом. Но по его глазам я вижу, что он готов, он целиком и полностью в нашей любви.

– А его дочь? Каково ее место в этом сценарии?

Элейн улыбнулась.

– Мы говорили об этом с Чарльзом. Он всегда хотел жить на воде, как и я, и нам пришло в голову, что мы могли бы переехать в плавучий дом на озере Юнион. Мы могли бы поселиться поблизости от Ло.

Моя подруга замолчала, как будто наслаждаясь этой мечтой.

– Двухъярусные кровати, барбекю на палубе, дети в каяках. – Ее лицо снова стало серьезным. – Чарльз хочет *жить со мной*, Джейн. И это будет красивая жизнь. Я тоже этого хочу.

– Ну и что же ты собираешься делать? – спросила я.

– Я просто не представляю. – Элейн помолчала. – Я могла бы уйти от Мэтью, последовать за своим сердцем и начать новую, совершенно другую жизнь с Чарльзом.

Она крепко зажмурилась.

– Я вижу эту жизнь во всей ее красоте. И чувствую себя абсолютно *живой*. Но куда деться от сожалений о моих детях, о моей семье. И я люблю Мэтью. Он мне дорог. Я никогда не хотела причинить ему боль. Я на это не способна, и все же... Мне придется разрушить свою семью, чтобы быть с Чарльзом. Если я этого не сделаю, я останусь без него. И мне придется жить с осознанием того, что я упустила любовь. Что я стояла перед лицом истинной и прекрасной любви, которая наполняла меня так, как я даже представить не могла, и упустила ее.

– О, Элейн, – прошептала я. – Это кажется неразрешимой дилеммой. Но мне кажется, что твое сердце уже знает, какой выбор ты должна сделать. Наше сердце всегда говорит с нами, но требуется время и тренировка, чтобы научиться его слушать.

По глазам Элейн я видела, насколько глубоки ее переживания.

– Ни одно важное решение не принимают без серьезного обдумывания, – продолжала я. – Скажи Чарльзу, что тебе нужно подождать до января. У тебя будет девяносто дней. Для такого решения, как твое, требуется время.

Но, размышляя о выборе, перед которым оказалась Элейн, я не могла не думать о собственном выборе: Колетт, дар, любовь, доктор Хеллер. В январе будет ясно, преуспела я или проиграла, возможно, с плачевными последствиями.

Ло украсила витрину цветочного магазина тыквами, ярко-оранжевыми, словно апельсиновый шербет, и белыми, похожими на привидения.

– Ты отправила меня в нокаут, – сказала я, поставив маленькую сладкую тыковку возле кассового аппарата.

– Грант предложил мне поехать с ним в Париж, – огорошила меня Ло.

– Когда?

– В декабре.

– Значит, он ушел от жены?

– Еще нет, – ответила Ло. Я видела, что она борется с собой. – Но он обязательно разведется. Я знаю, что он это сделает. Он готовится к бракоразводному процессу.

– Процесс, – повторила я. – Звучит как фраза из бизнес-плана.

Ло вздохнула.

– Я знаю.

Невероятно, чтобы Ло была в таком подавленном состоянии. Она всегда была сильной. И каким-то образом Грант сумел заставить ее спустить паруса.

– Ни о чем сегодня не беспокойся, – сказала Ло. – Я знаю, что для тебя это важный день. Я займусь магазином.

Ло как всегда помнила, что это годовщина смерти моей мамы.

– Ты поедешь на кладбище?

Я кивнула. Мама хотела, чтобы ее похоронили на острове Бейнбридж, на котором она выросла. Еще ребенком она любила бывать на маленьком кладбище на берегу. В моем детстве она возила меня туда и разрешала бродить между надгробиями. Когда умерла бабушка, я рассыпала лепестки ее любимых фрезий по крышке гроба перед тем, как мужчины опустили его в могилу. Теперь и мама покоится на этом тихом кладбище над морем. Странно, но там нет ощущения, что находишься среди костей и печали. Это сад, полный цветов, ярких розовых азалий и кустов роз с броскими оранжевыми и желтыми цветами. Возможно, именно поэтому мама так любила это место. И я его тоже люблю.

– Держи, – Ло перегнулась через прилавок.

Она протянула мне два букета красных и оранжевых георгинов с веточками мяты и аспарагуса.

– Спасибо, – поблагодарила я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы при виде этих осенних георгинов, которые так любили мои бабушка

и мама.

* * *

Сэм запрыгнул на заднее сиденье «Вольво», старой машины моей мамы, которую я так и не собралась поменять, и я поехала к пристани, чтобы там сесть на паром. Была середина дня, поэтому обошлось без вереницы автомобилей, и я сразу въехала на паром и заняла великолепное место на носу. Что мама обычно говорила о паромах? Я улыбнулась про себя. Ах да! Это самые дешевые и самые прекрасные круизные суда в мире. Она всегда садилась на паром, если хотела собраться с мыслями.

Вдохнув запах соленой воды и выхлопных газов, я сразу вернулась в то время, когда мне было одиннадцать лет. Мы с Флинном сидели на заднем сиденье машины. У брата на голове были наушники, потому что ему надоело слушать Билли Джоэла и его песню «And So It Goes», которую мама проигрывала снова и снова.

Я увидела слезы в маминых глазах.

– Ты по-прежнему скучаешь по нему, мамочка?

Под «ним» я подразумевала моего отца, которого я почти не помнила.

Она кивнула.

– Да, милая. Я всегда буду любить его.

– Как ты можешь его любить, если он нас бросил? – спросила я.

– Да, он ушел от нас, – согласилась мама. – Но когда человек поступает плохо, делает тебе больно, это не значит, что ты перестаешь любить его. Ты просто идешь по другому пути. Приспосабливаешься. Но любовь продолжает жить. – Она прижала ладонь к сердцу. – Она живет здесь. Когда-нибудь ты это поймешь.

Любовь продолжает жить. Кажется, теперь я это понимала. Об этом говорили глаза Мела, когда он вспоминал о своей покойной жене. Это было заметно в общении родителей Кэма, сохранивших любовь после сорока пяти лет брака. Думаю, то же самое можно сказать и об Элейн. Кого бы она ни выбрала, она навсегда сохранит Чарльза или Мэтью в уголке своего сердца. Я думала обо всем этом, пока паром скользил по спокойной октябрьской воде. Небо было голубым и чистым, как бывает в редкие осенние деньки, которые так упорно цепляются за лето.

Зазвонил мобильный. Я посмотрела на экран и увидела эсэмэс от Кэма. «Думаю о тебе». Я улыбнулась и написала в ответ: «Я о тебе не забыла. Спасибо». Он знал, что этот день – годовщина смерти мамы. Я

сказала ему об этом по телефону накануне вечером, хотя поначалу я не собиралась рассказывать об этом. Мама была и остается для меня священной фигурой.

Я оставила Сэма в машине, поднялась по лестнице на верхнюю палубу, где купила кофе, а потом устроилась у большого окна и стала смотреть на воду и далекую точку на горизонте – остров Бейнбридж. Через некоторое время я услышала аплодисменты и поздравления других пассажиров. В центре внимания оказалась молодая пара. Им обоим было за тридцать. Они выглядели так, словно сошли со страниц модного журнала. Женщина – высокая и удивительно красивая – была одета в полосатое трикотажное платье и стильную джинсовую куртку. Я с восхищением посмотрела на ее туфли на танкетке. Привлекательный мужчина чем-то напоминал Дэвида Бекхэма в своих черных обтягивающих джинсах, клетчатой рубашке и спортивной куртке. Вместе они выглядели как ожившее совершенство. Я видела, что пассажиры придерживались такого же мнения, особенно после того, как мужчина опустился на одно колено и преподнес своей спутнице кольцо. Фотограф в темно-синем свитере запечатлел момент.

Люди, распахнув глаза и раскрыв рты, наблюдали, как он надевает кольцо с бриллиантом на палец своей возлюбленной. Женщина на мгновение замялась, посмотрела на кольцо, потом на мужчину, улыбнулась, прижала руку к губам.

– Да, – наконец сказала она. – Да!

Снова раздались поздравления и аплодисменты. Мужчина обнял женщину. Я не стала отворачиваться. Я и так увидела слишком много. Я готовилась к появлению тумана перед глазами, к давлению за глазами яблоками. Я ждала острого приступа. Ждала, ждала. Ничего не произошло. Я моргнула, глубоко вдохнула и снова сосредоточилась на красивой паре. Казалось, они без ума друг от друга.

Вот только... никакой любви не было.

Мы уже подплывали к острову, поэтому я встала, бросила стаканчик из-под кофе в мусорный бак и отправилась в дамскую комнату, размышляя о том, как женщина может ответить согласием на предложение о браке, если она не любит. Пока я мыла руки, вошла та самая женщина. Она поставила сумочку возле зеркала. Я видела огромный бриллиант на ее пальце. Камень сверкал в дневном свете ламп, пока она смотрела на себя в зеркало. Ее взгляд был неуверенным, ищущим, даже испуганным.

– Поздравляю вас, – сказала я, когда ее глаза встретились в зеркале с моими. – Я видела, как ваш спутник сделал вам предложение.

Женщина заставила себя улыбнуться.

– О, спасибо, я...

Она увидела свои глаза в зеркале и быстро отвернулась, как будто ей было неприятно смотреть на себя.

– Вас что-то тревожит, верно? – спросила я.

Она потерла лоб, оглядела дамскую комнату, в которой, кроме нас двоих, больше никого не было.

– Господи! Ну что это со мной? Почему я не чувствую себя счастливой? – воскликнула она и кивком указала на дверь. – Самый удивительный человек на свете только что попросил меня выйти за него замуж. Я должна была бы плясать от радости. Но я...

– Но вы его не любите.

Она кивнула.

– Я не люблю его. Я могла бы научиться любить его. Вы только посмотрите на него. Он же...

– Он не ваша любовь, – решила произнести я, и мое сердце забилося быстрее. Мне не следовало вмешиваться, но женщина уже все поняла и кивнула.

– Вы видите это, да? Неужели все настолько очевидно?

– Нет, – вздохнула я. – Это совсем не заметно. Просто я... чувствую такие вещи.

– Мама меня возненавидит, – прошептала женщина. – Она так хотела летнюю свадьбу и уже забронировала бальный зал в отеле «Фэрмонт».

– Но это ваша жизнь, не ее. И потом, ваша любовь совсем рядом. Просто будьте терпеливы и смотрите во все глаза.

Она покачала головой.

– Как бы я хотела, чтобы это было не так трудно. Как бы я хотела лучше знать свое сердце.

– Вы уже его знаете, – заверила я ее. – На самом деле вы одна из тех отважных, кто слушает свое сердце.

Я положила руку ей на запястье.

– Вы слушаете свое сердце прямо сейчас.

Раздался гудок парома, и капитан объявил по громкой связи:

– Прибываем на остров Бейнбридж. Просим пассажиров вернуться в свои машины.

– Спасибо, – поблагодарила меня женщина, когда мы вместе вышли в коридор.

– Не за что, – ответила я, заметив красивого жениха, ожидавшего ее в нескольких шагах впереди. Он еще не знал, что помолвка уже закончилась.

Когда я вернулась к машине, Сэм приветливо замахал хвостом. Мы съехали с парома на остров, миновали Уинслоу, проехали еще несколько миль и увидели указатель рядом с высокими пушистыми елями. До кладбища оставалось совсем немного. Спустя пару минут я остановилась на парковке и выпустила Сэма погулять. Потом взяла цветы и направилась по покрытой мхом каменной дорожке к могиле моей бабушки. Я положила один из букетов возле ее надгробия и улыбнулась.

– Привет, бабуля, – прошептала я. – Это я, Джейн. Я по тебе скучаю.

Рядом была могила моей мамы.

– О, мама! – По моему лицу покатились слезы. – Как же мне тебя не хватает.

Я положила цветы на мох возле надгробного камня и опустилась на колени. Вдруг я услышала хруст гравия за моей спиной, но когда обернулась, там никого не оказалось.

– Я совсем растерялась, мама, – продолжала я. – Понимаешь, у меня есть этот дар, способность *видеть любовь*. Проблема с глазами, которая у меня всю жизнь, никак не связана с неврологией, хотя доктор Хеллер могла бы с этим поспорить. Первым человеком, который показал мне истинную любовь, была ты. А теперь мне надо понять, что с этим делать. Как жить дальше. Что это значит для меня и для тех, кто мне дорог. Но, мама, я не знаю. Я просто не знаю. Как бы я хотела, чтобы ты была рядом.

Я положила руку на камень надгробия, и в это мгновение по кладбищу пронесся порыв холодного ветра. Я вздрогнула. С клена по соседству слетел один красный лист и упал к моим ногам.

Услышав за спиной шаги, я обернулась. У меня за спиной в неприятной близости ко мне стоял мужчина. Было такое ощущение, что он там уже давно, слушал то, что я говорила маме. Мне потребовалось время, чтобы вспомнить: это был фотограф с парома. Я еще там обратила внимание на его голубые кеды, потому что в школьные годы носила потрепанную пару именно такого оттенка.

– Прошу прощения, – сказал мужчина. – Не могли бы вы помочь мне найти дорогу обратно к парому? Я сбился с пути, а навигатор в арендованной машине не работает.

– Конечно, – ответила я. – От кладбища поверните направо. На первом знаке остановки сверните налево. Поезжайте по дороге и на первом же перекрестке сверните еще раз налево. Вы приедете прямо к терминалу. – Я

сделала паузу. – По-моему, я уже видела вас на пароме. Вы сфотографировали ту пару, которая там обручилась.

Он усмехнулся.

– Точно. Я не смог удержаться. Они были такими красивыми.

– Что привело вас сюда?

– О! Я фотограф-фрилансер. Просто делаю кое-какие снимки по заданию редакции.

Я кивнула.

– Что ж, тогда удачи.

– Подождите, – встрепенулся мужчина. – Вы не будете возражать, если я вас сфотографирую? Я только что заметил ваши зеленые глаза. Это такая редкость. Я собираю коллекцию снимков зеленоглазых людей. Всего лишь забава для души, не уверен, что я как-то использую их. Мне бы хотелось сфотографировать вас прямо здесь, если вы не возражаете. Свет восхитительный, он так красиво струится сквозь ели.

Я пожала плечами.

– Почему бы и нет?

– Спасибо, – с улыбкой поблагодарил он. – А теперь отойдите на несколько шагов и прислонитесь вон к тому дереву.

Я кивнула и встала так, как он попросил.

– Теперь чуть выше подбородок... Вот так, отлично.

Его камера щелкнула один, два, три раза.

– Теперь повернитесь направо, как будто вы смотрите на кладбище... Вот-вот, именно так. И еще пару снимков.

Сделав еще несколько кадров, он взглянул на экран.

– Великолепно получилось.

Я посмотрела на небо, где появились темные страшные грозовые тучи, готовые разразиться дождем. Интересно, что бы сказал о них Бернард. Я в этот раз не видела никаких картин, но от их мрачности мне стало не по себе.

– Да, серия получилась отличная, – сказал фотограф.

– Хорошо, – ответила я. – Пришлете мне снимок?

– Конечно.

Я дала ему адрес моей электронной почты, и мы вместе направились к парковке.

– Это ваш золотистый ретривер? – спросил мужчина, положив руку на опущенное стекло дверцы, когда Сэм подпрыгнул и принялся громко лаять.

– Сэм, прекрати немедленно, – велела я. – Простите, он никогда так себя не ведет. Наверное, ему не понравилось, что я не взяла его с собой на

прогулку.

Фотограф улыбнулся.

– Что ж, тогда давайте прощаться. Еще раз спасибо за снимки и за то, что подсказали мне путь к терминалу.

На ветровое стекло моей машины упал одинокий оранжевый кленовый лист. Когда я потянулась, чтобы убрать его, неподалеку сверкнула молния, и раздался оглушительный раскат грома.

– Поехали домой, Сэм, – сказала я, кладя листок на приборную доску.

Глава 19

1301, Четвертая авеню

Ноябрь

Флинн повернул ключ в замочной скважине, открыл дверь, вошел в свою квартиру и поставил сумку у входа. Ключи он бросил на столик, и этот звук эхом отозвался в его одиноком доме.

Вечером Кэм должен был зайти к нему в галерею, но он так и не появился. В последнее время он как будто был все время занят. Но Флинн не собирался позволить Кэму избежать откровенного разговора о Джейн. Он должен присматривать за своей сестрой.

В галерее было много женщин, роскошных женщин. Блондинка на высоченных шпильках бросилась к нему через зал, чтобы поговорить. Флинн знал, что мог бы заполучить ее. Он чувствовал ее желание, как акула ощущает в воде запах крови. Флинн взял бы ее за руку, увел в заднюю комнату, прижал бы к стене, стянул бы с нее трусики, поднял эти длинные ноги так, чтобы они обхватили его тело. А потом они могли бы подняться в его квартиру, и тогда Флинн зажег бы свечи в спальне и снял с блондинки одежду. Он играл бы на ней, словно на прекрасном инструменте, пока тело ее не зазвучало и Флинн не услышал бы ту музыку, которую жаждал услышать.

Но он вернулся домой один, как делал уже несколько месяцев кряду, потому что в его жизни уже присутствовала женщина. Она была одновременно далеко и близко. Флинн видел ее, но не мог обладать ею. Он не мог прикоснуться к ее роскошной коже или провести руками по волнующим изгибам ее тела. Пока не мог. Она восхитительная, опьяняющая, влекущая, и Флинн предпочитал находиться в ее присутствии, пусть даже отделенный от нее стеклом и бетоном, чем иметь рядом другую женщину из плоти и крови.

В квартире женщины горел свет, и окно сияло, словно маяк в ночи. Флинн разглядел бутылку вина и два пустых бокала на кухне. К ней пришел гость? Флинн посмотрел на другие окна ее квартиры, но сначала увидел только кота, перепрыгнувшего с кофейного столика на кушетку. Но

тут появилась и сама хозяйка. Она вышла из спальни, словно богиня. На ней было черное, облегающее фигуру платье. При одном только взгляде на нее по телу Флинна пробежала дрожь, и он протянул руку, легко коснулся окна, как будто ожидал ощутить ее кожу.

Женщина увидела его. Она знала, что он на нее смотрит. И ей это нравилось. Ей нравилось то, как он на нее смотрит. Ей нравилось то, что она притягивает его, а он притягивает ее. Этим утром она наблюдала за Флинном, когда тот варил кофе. Она рассматривала его обнаженное тело, когда он стоял в кухне: изгиб плеч, сильную спину и то, что находилось ниже. При одном только его виде у нее подскочила температура.

Флинн увидел, как женщина резко повернулась к входной двери. Спустя несколько мгновений она впустила в квартиру мужчину, высокого, симпатичного, в темном костюме. Кто это был? Точно не тот, кто навещал ее и раньше, заставляя женщину плакать после своего ухода. Других мужчин Флинн рядом с ней не видел. Неужели это ее новый бойфренд? Или просто свидание?

Флинн не мог отвести взгляд от этих двоих. Он наблюдал за ними так, как смотрят эпизод телевизионного шоу, в котором ожидается очередной поворот сюжета. Вот оно! Мужчина неожиданно притянул к себе женщину и поцеловал ее. Их губы надолго слились, а потом он начал раздевать ее, дергая молнию на платье, пока она не поддалась. Мужчина отнес женщину на белый ковер у дивана, уложил на спину, расстегнул брюки, и их тела переплелись.

Сердце Флинна забило быстрее. Ему хотелось крикнуть: «Нет!» Но у него не было никаких прав на эту женщину. Он не имел права на ее тело или на ее сердце. И все равно его тело пульсировало, сердце пронзала боль, а Флинн все смотрел, как мужчина прижимается к ней. Это было одновременно прекрасно и ужасно. Он не мог отвернуться. Его глаза были прикованы к этому окну, к тому, как поднималось и опускалось ее тело. Флинну казалось, что он слышит ее стоны, ее крики, шум ее дыхания. Он как будто ощущал ее кожу, такую нежную и упругую, чувствовал ее вкус.

Женщина повернула голову и снова посмотрела на Флинна, словно бросала ему вызов. Она увидела, что он наблюдает за ней, и протянула руку к окну именно в ту секунду, когда Флинн поднял руку к своему окну.

Через несколько минут мужчина встал, оделся и ушел из ее квартиры. Флинн продолжал смотреть. Женщина прошла в кухню, на ней были только черные трусики, грудь оставалась обнаженной. Она подошла к окну, держа в руках большой лист бумаги. На нем было всего одно слово, написанное прописными буквами: ПРОСТИ.

Флинн вытер слезу со щеки. Он увидел печаль в ее глазах. Почувствовал ее боль. Чувствовала ли она, как ему больно? Он вспомнил о ватмане, который недавно купил для галереи. Флинн взял один лист и быстро написал: ВСЕ О'КЕЙ.

Потом Флинн на другом листе написал вопрос: ПОЧЕМУ?

Ответ она написала на листе бумаги, который нашла в кухне. Женщина сделала это очень быстро, и ее слова ударили ему в сердце, словно стрела: ПОТОМУ ЧТО Я НЕ МОГУ БЫТЬ С ТОБОЙ.

Эти слова были одновременно трагическими и успокаивающими. Флинн ответил улыбкой, ничего другого ему на ум не пришло. Она тоже улыбнулась.

Флинн взял следующий лист ватмана: КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?

СЕЛЕСТА

А Я ФЛИНН

ПРИВЕТ, ФЛИНН

ПРИВЕТ, СЕЛЕСТА

Глава 20

1112, Бродвей-авеню, владение 202

Кэти открыла глаза, когда луч солнца коснулся ее лица. Нежный утренний свет лился в окно спальни, которую она делила с Джошем. Он все еще спал, и Кэти постаралась не разбудить его. Ей нравилось наблюдать, как поднимается и опускается обнаженная грудь этого мужчины, которого она обожала. Кэти любила видеть его таким спокойным.

Прошли минуты, и Джош наконец заворочался. Он повернулся к ней и улыбнулся.

– Это лицо мне никогда не надоест, – произнес он и притянул Кэти к себе.

Утром он всегда хотел ее, и через несколько секунд их тела уже страстно сплелись, как это было и накануне вечером. Когда они оторвались друг от друга, Кэти лежала рядом с Джошем и улыбалась, ее кожа блестела от пота. Большого счастья она и представить не могла.

Джош встал, и Кэти залюбовалась скульптурными мышцами его ног, когда он подошел к платяному шкафу, чтобы одеться. Он натянул на себя джинсы и футболку с длинными рукавами, а потом снова улегся на кровать рядом с Кэти.

– Хочу сбежать за кофе в «Ладро». Принесу тебе двойной американо. Хочешь еще чего-нибудь?

– Булочку с черной смородиной, – сказала она.

Пальцы Джоша пробежали по шее Кэти и спустились к плечу, и ее кожа тут же покрылась мурашками. Он мог снова овладеть ею прямо в эту минуту, и она не оттолкнула бы его. Это могло продолжаться весь день без перерывов. Их любовь была как электричество, и в присутствии Джоша Кэти начинала искриться. В буквальном смысле.

– Отлично, принесу булочку с черной смородиной, – ответил Джош, вставая.

– Не задерживайся долго, – игриво произнесла Кэти.

Он кивнул и скрылся за дверью. Прошел час, и она решила наконец одеться. Свитер и легинсы, волосы собраны в конский хвост. Прошел еще час, и Кэти набрала номер Джоша. Но его мобильный молчал. Ближе к полудню она посмотрела в окно. Автомобиль стоял на подъездной дорожке.

Должно быть, Джош пошел пешком. Поэтому Кэти взяла ключи и пошла по тротуару по направлению к кофейне. Возможно, Джош встретил кого-то из знакомых и решил съесть ланч на Бродвее.

Кэти дошла до кофейни «Ладро». В витрине стоял поднос со свежими булочками с черной смородиной. У нее заурчало в животе.

– Прошу прощения, – обратилась Кэти к служащему за стойкой. Ему было слегка за двадцать, в носу серьга, левая рука полностью покрыта татуировками. – Вы не видели здесь мужчину? Высокий, в темно-синей футболке с длинными рукавами. Привлекательный. На голове бейсболка.

– Точно, был такой два-три часа назад. Он сидел вон за тем столиком с блондинкой.

Кэти покачала головой.

– С блондинкой?

– Ага, точно так. Он заказал булочку с черной смородиной и... – парень замолчал и прищурился, как будто вспоминал что-то, – кажется, кофе со взбитыми сливками.

Она кивнула.

– Это он.

Во всем Сиэтле Джош был единственным среди ее знакомых, кто регулярно пил кофе со взбитыми сливками, или кофе бреве, как его еще называли. Во время их первой встречи она даже прошла на этот счет: «Ты знаешь, что в большом бреве сто сорок шесть граммов жира?» Кэти это знала наверняка. Во время учебы в колледже она подрабатывала в «Старбаксе».

– Спасибо, – поблагодарила она парня и снова взялась за телефон. Набрала номер Джоша, но он не ответил. Если у него встреча с коллегой или с подругой, почему он ей об этом не сказал?

Кэти заказала американо и отправилась домой. Она не знала, что и думать. Может быть, Джош приготовил ей сюрприз? Она вставила ключ в замочную скважину. Ведь удивил же он ее покупкой этого дома. Кэти улыбнулась, вспомнив, как Джош перенес ее через порог, а потом они занимались любовью на полу в самой большой спальне. Да, конечно же, он решил чем-то ее удивить. Джош появится через несколько минут с ее остывшим кофе, и все встанет на свои места.

Но время шло, а Джош так и не появился. Солнце зашло, но домой он так и не вернулся. Кэти еще одиннадцать раз позвонила ему на мобильный, потом еще одиннадцать раз, но Джош не ответил на ее звонок. Кэти принялась вспоминать прошедшее утро, гоняя воспоминания по кругу раз за разом. Она сказала что-то такое, чем обидела его? Нет. Он сердился,

когда уходил из дома? Нет.

Наконец она не выдержала и позвонила его лучшему другу Джоуи.

– Привет, это Кэти. Ты общался сегодня с Джошем?

– Нет. А что?

– Ну, сегодня утром он ушел за кофе и до сих пор не вернулся.

– Очень странно, – протянул Джоуи. – Ты думаешь... что-то случилось?

– Господи, надеюсь, что нет, – сказала Кэти. – Я просто ничего не понимаю. Джош ушел около девяти и сказал, что скоро вернется. Но это было почти двенадцать часов назад. На звонки он не отвечает. Ты не мог бы позвонить ему?

– Да, разумеется.

– Если что-то выяснишь, позвонишь мне?

– Обязательно.

Кэти мерила шагами комнату, снова и снова набирала номер Джоша, то и дело подходила к окну и в конце концов позвонила в полицию.

– Мой муж не вернулся домой, – задыхаясь, выпалила она в трубку. Эти слова ей самой показались невероятными. Кэти казалось, что она грезит. Отвечая на вопросы офицера полиции, она едва узнавала собственный голос.

Кэти смотрела, как минутная стрелка описывает круги на циферблате, пока ее веки не отяжелели и не закрылись. Она уснула одна в их огромной супружеской постели.

* * *

На другое утро Кэти открыла глаза, и на какой-то блаженный момент она даже забыла о том, что Джош ушел. Ужас вернулся, когда она протянула руку к его половине кровати и ощутила холод простыней.

Она села в постели, взяла мобильный телефон с прикроватной тумбочки и снова позвонила Джошу. Когда снова включилась голосовая почта, Кэти прорыдала в телефон:

– Джош, где ты? Мне так страшно. Что-то случилось? Я звонила в полицию. Я беспокоюсь о тебе.

Потом она долго смотрела на телефон. Минута. Пять минут. Двадцать. Кэти забыла о времени, помнила только, что Джоша нет рядом. Что, если его избили? Или похитили? Или того хуже...

Она повернулась к телефону в то мгновение, когда экран зажегся,

сообщая о звонке. Это был Джоуи.

– Привет, – торопливо поздоровалась Кэти. – Есть новости?

– В общем, да, – осторожно ответил он.

– Что? – Сердце Кэти гулко стучало в груди. – С ним все в порядке?

Что случилось?

– Да, он в порядке, – голос Джоуи звучал совершенно неубедительно. – Кэти, я даже не знаю, как тебе это сказать, и я не понимаю, что творится с Джошем, но я с ним говорил.

– Правда? – обрадовалась Кэти. – Где он? Что он сказал? Почему он не позвонил мне?

– Джош просил меня позвонить тебе, – продолжал Джоуи. Ему явно было неловко. – Он сказал, что ему нужно время кое-что обдумать. Ему нужно пространство. Именно поэтому он вчера и не вернулся домой. Джош чувствует себя трусом, но он не может сам сказать тебе об этом.

Кэти покачала головой.

– Я не понимаю. Что, черт побери, все это должно значить?

– Я и сам этого не понимаю, – ответил Джоуи. – Как будто что-то сломалось. Я спросил, могу ли я встретиться с ним. Я думал, что смогу достучаться до него при личной встрече, но Джош даже не сказал мне, где он сейчас находится.

– Джоуи, я вообще ничего не понимаю! Такое впечатление, что у него кризис среднего возраста или что-то в этом духе.

– Не знаю, – вздохнул Джоуи. – Джош хочет, чтобы ты знала, что с ним все в порядке, и ему необходимо некоторое время на раздумье, прежде чем он вернется домой.

– Джоуи, ты хотя бы понимаешь, насколько это все странно?

– Мне жаль, Кэти. Это совсем не похоже на Джоша.

Она почувствовала, что у нее начинается истерика.

– Может быть, его бьют. Как ты думаешь, его не могли взять в заложники?

– Нет, – буркнул Джоуи. – На это совершенно не похоже.

– О! – Кэти на мгновение умолкла. – Когда я искала его в кофейне «Ладро», мне сказали, что видели его утром с блондинкой.

– С блондинкой?

– Именно так.

– Послушай, – торопливо заговорил Джоуи, – не делай поспешных выводов. Возможно, с ним что-то происходит, и ему просто нужно побыть одному. Ты же знаешь, с парнями такое случается время от времени.

– Но Джош хотя бы мог позвонить мне сам, – сказала Кэти. – Я же его

жена.

– Потерпи немного, – посоветовал Джоуи. – Я уверен, что он скоро появится.

Кэти положила телефон на тумбочку у кровати, уткнулась лицом в ладони и заплакала. И это идеальная любовь? Не успеешь и глазом моргнуть, а она уже исчезла без объяснений, оставив тебе только воспоминания и слезы.

Глава 21

– Джейн, спасибо, что перезвонила, – сказала доктор Хеллер. – Хирург из госпиталя Джона Хопкинса может прооперировать тебя в следующем месяце. Мне пришлось сдвинуть горы, чтобы этого добиться. Для этого тебе придется лететь в Балтимор, но я молю Бога, чтобы ты согласилась. Если ты не согласишься, Джейн, то я боюсь, что ты будешь жалеть об этом всю свою жизнь, – она вздохнула. – То есть если ты, конечно, сохранишь способность сожалеть или вообще думать. Джейн, это реально. Это серьезно. Если не будет операции, то в твоём мозге произойдут необратимые изменения когнитивных функций.

Я поставила ведро с розами на пол, знаком попросила Ло заняться покупателем, который только что вошел в магазин, и скрылась в задней комнате.

– Я всю мою жизнь доверяла вам, доктор Хеллер, – начала я. – И у меня нет причин не доверять вас сейчас. Поверьте мне, иногда я просыпаюсь утром с одним-единственным желанием покончить со всем этим. Я хочу верить в науку и позволить вам избавить меня от моего состояния. Но я не могу, доктор Хеллер. Я должна идти до конца, даже если при этом придется подвергнуть огромной опасности мое здоровье.

– Понимаю, – сказала она. – Я боялась, что ты не передумаешь.

– Мне жаль.

– Мне тоже, – ответила она.

Я закончила разговор и вышла в магазин. Там я уселась на табурет за прилавком и изобразила абсолютное спокойствие.

Вот только Ло слишком хорошо меня знала.

– Что случилось? – спросила она.

Я покачала головой.

– Доктор Хеллер только что сообщила мне, что без операции мой мозг может отказать в любую минуту.

Ло нахмурилась.

– И, насколько я понимаю, эта операция уничтожит твой дар?

– Да, – подтвердила я.

– И что ты собираешься делать?

– Я не знаю.

– Тебе надо поговорить с Колетт, обсудить это с ней. Ведь у тебя осталось совсем мало времени, Джейн. Насколько я помню, Колетт

говорила, что ты должна заполнить страницы книги до заката солнца в день твоего тридцатилетия, верно?

Я кивнула.

– Дорогая моя, день твоего рождения через месяц.

– Я помню.

– Повидайся с Колетт. Она обязательно тебе поможет.

* * *

Я постучала в дверь Колетт. Услышав шаги, я обрадовалась, что она дома. Звонить заранее я не стала. Я просто вышла с Пайк-плейс и, погрузившись в свои мысли, прошла до самого ее дома.

– Джейн, – с улыбкой приветствовала меня Колетт. – Какой сюрприз!

– Можно мне войти? – спросила я. – Я... Я совсем запуталась, Колетт. Мне бы пригодился ваш совет.

– Входи же, моя дорогая, – пригласила она. Я прошла за ней в квартиру, в которой царил беспорядок. Посередине столовой стояли два ящика, кругом валялись стопки книг.

– Прошу прощения за беспорядок, – извинилась Колетт, – Я занималась уборкой.

Я опустилась на потертый бархатный диван и вздохнула.

– Чем я могу тебе помочь? – спросила она, усаживаясь рядом со мной.

– Я верю в свой дар, – начала я. – Я верю каждому слову из того, что вы мне рассказали. И все-таки логика говорит обратное. И потом, мне страшно. Мой врач говорит, что мне необходима операция. Отказ от нее приведет к серьезным последствиям для моего здоровья. Скажу откровенно, это давит на меня.

– Понимаю, – сказала Колетт. – Но, Джейн, ты уже знаешь, что тебе нужно делать.

– Все-таки нужно действовать по вашему плану?

Она кивнула.

– Что бы ты сказала себе, если бы была на моем месте?

Я снова вздохнула.

– Что мозг помогает нам сделать выбор, но только сердце знает наверняка. Сердце всегда право. Нам нужно только научиться слушать его.

– Да, – Колетт улыбнулась мне, как гордый учитель улыбается своей талантливой ученице.

– В таком случае, я думаю, сердце велит мне продолжать мое

путешествие, – продолжала я. – Я уже близка к финишу. Я знаю это и почти готова записать имена в книгу.

Я глубоко вздохнула, думая о том, что я напишу на страницах старинного фолианта, передаваемого из рук в руки на протяжении веков. В последние несколько месяцев я внимательно изучала книгу. Под каждым именем женщина, наделенная моим даром, описывала любовь, свидетельницей которой она была. Иногда записи были на французском, иногда на английском, но каждое живое описание трогало меня до глубины души, я слышала голоса этих женщин, чувствовала любовь, которую они описывали так подробно и доверительно. Мне предстояло сделать то же самое. Скоро. Совсем скоро.

– Колетт, вы говорили, что если у меня не получится, если я не совершу это путешествие, я всю оставшуюся жизнь буду сожалеть об этом. Я все время думаю о ваших словах.

Она кивнула.

– Если ты потерпишь неудачу, то кончишь, как я.

– Как вы?

– Да. Я не довела начатое дело до конца.

Я обратила внимание на то, что страницы Колетт в книге остались пустыми, но до этой минуты я почему-то не задумывалась об этом.

– Я поверила в свой дар, когда уже стало слишком поздно, – продолжала Колетт. – Мне не хватило времени.

– И какими были последствия для вас? – выпалила я.

– Жизнь без любви, – ответила она.

Я покачала головой.

– Вы хотите сказать, что никогда не были влюблены?

– Отчего же? Была, – с тоской произнесла Колетт. – Много лет назад был один мужчина, Пьер. Мне было двадцать девять лет, я жила тогда в Париже. Однажды он вошел в мою жизнь и в мое сердце, чтобы навсегда остаться там.

– Он ответил на вашу любовь?

– Нет. С этим проклятием я живу. Никто никогда не ответит на мою любовь. Теперь это моя судьба, результат того, что я не прошла предназначенный мне путь до конца. Поэтому я и улетела в Америку после моего тридцатилетия. Мне невыносимо было жить там, где я могла встретить Пьера, ведь он никогда бы не полюбил меня. – Колетт крепко зажмурилась и потом снова посмотрела на меня. – Джейн, я говорю тебе об этом не для того, чтобы вызвать твоё сочувствие. Я лишь хочу, чтобы у тебя все получилось. Я надеюсь, что ты учтешь мои ошибки. Потому что...

Я встретила с ней взглядом.

– Что?

– Потому что я видела тебя и твоего молодого человека на свадьбе твоей подруги.

– Правда?

Она кивнула.

– Я забирала цветы, которые остались от предыдущей свадьбы. Администрация отеля решила отдать их в госпиталь. Я заглянула в танцевальный зал. Ты как раз с ним танцевала.

Я с трудом глотнула.

– Джейн, – сказала Колетт, – я видела любовь.

– Видели? Правда, видели?

Колетт кивнула.

– И я не хочу, чтобы ты потеряла ее так, как я потеряла свою. Я так и не смогла себе этого простить.

Я покачала головой.

– Но любовь не такая, – запротестовала я. – Любовь все прощает. Любовь не ставит условий. Она живет и дает второй шанс. Колетт, неужели у вас не будет второго шанса?

– Есть один способ, – сказала она. – Нужно заглянуть в конец книги и прочитать то, что написано на последней странице.

– И что там сказано?

– Там говорится, что женщина, обладающая даром, но не прошедшая свой путь до конца, получит еще один, последний шанс. Ночью в полнолуние, когда падает снег, любовь можно вернуть.

– Вы верите в это? У вас с Пьером появится еще один шанс?

– Не знаю, – Колетт опустила голову. – Хотя не стану отрицать, что я надеюсь на это. Я обдумывала эту возможность на протяжении долгих лет. Но сейчас я стараюсь об этом не задумываться. Я даже не знаю, жив ли еще Пьер. И даже если он жив, глупо думать, что я могу вернуться к нему и он будет любить меня так, как я любила его все эти годы.

– Но попробовать все-таки стоит, – сказала я.

Колетт кивнула.

– Любовь всегда заслуживает этого. Даже после моего провала. Ты тоже должна попробовать.

– Колетт, почему вы выбрали меня? Из всех новорожденных в тот день в госпитале?

Ее губы тронула легкая улыбка.

– Все дело в твоей маме, – объяснила она. – От нее исходила такая

любовь, что я не могла не любоваться и не восхищаться ею. Я подумала, что дочка женщины с такой душой обязательно будет обладать легендарной способностью любить и быть любимой.

– В маминых глазах и в самом деле всегда была любовь, – согласилась я, вытирая слезу со щеки. – Мама всегда говорила, что если человек кого-то полюбит, то это навсегда изменит его сердце. Любовь будет продолжать жить в нем. Но я видела, что сделала с ней любовь к моему отцу. Я слышала, как она плакала в своей комнате по ночам или рано утром, когда она думала, что я еще сплю. Ее любовь напоминала незаживающую рану. Она мучила ее.

Колетт с пониманием посмотрела на меня.

– И поэтому ты закрылась от любви.

– Да, – согласилась я. – Но во мне что-то меняется. Это одновременно пугающее и восхитительное чувство.

– Я знаю, – почти шепотом ответила Колетт. Я увидела в ее глазах слезы. – Наслаждайся каждой секундой, потому что дарить любовь и ощущать, что на твою любовь отвечают, – это самый большой в жизни подарок.

Ностальгическое выражение исчезло с ее лица, и она расправила плечи.

– А теперь иди и проживай те дни, которые остались до твоего тридцатилетия, действуй в соответствии с той ответственностью, которая была на тебя возложена. И ничего не бойся. Я уверена, что ты на правильном пути, по которому я сама, к сожалению, так и не осмелилась пройти.

– Спасибо, – я обняла Колетт.

У самой двери я задержалась возле старой тележки для цветов. Ее изумрудно-зеленая краска местами облупилась и даже облезла, обнажая проржавевшие прутья.

– Тележка принадлежала ей, – сказала Колетт.

– Кому?

– Парижской цветочнице Элоди, получившей свой дар на маскараде от цыгана. Я нашла эту тележку на блошином рынке в Париже. Снизу нацарапано ее имя. Я понимала, что это не просто совпадение, и тележка всегда оставалась со мной как напоминание о красоте и любви, которыми она делилась с жителями города. Вокруг Элоди видела ту же любовь, которую видим и мы с тобой.

Я провела рукой по краю тележки и только тогда различила французские слова, выгравированные на ее передней части: «Amour vit en

avant».

– Что означают эти слова? – спросила я.

Колетт улыбнулась.

– «Любовь продолжает жить».

* * *

Холодный, но яркий и солнечный день был слишком хорош для поездки в такси, поэтому я пошла обратно на рынок пешком по Первой авеню. Проходя мимо салона Мэри, я заглянула в окно и увидела, что она подметает пол в полном одиночестве. Поэтому я заглянула к ней.

– Джейн! – воскликнула она, отставляя в сторону щетку.

– Вы только посмотрите на нее! – Я погладила ее живот.

– Огромный, правда? – улыбнулась Мэри.

– Но почему ты здесь, а не дома, в постели, надо бы ноги повыше держать.

Она нахмурилась.

– Честно говоря, мне дома одиноко.

– Прости, – спохватилась я. – Тебе, должно быть, очень больно, что он даже не будет присутствовать при рождении ребенка.

Мэри кивнула.

– Моя мама тосковала по отцу, мужчине, который ее бросил, до самой своей смерти, – продолжала я. – Она не смогла никого полюбить, потому что все время смотрела в прошлое. Ты должна смотреть вперед, видеть ту жизнь, которую ты строишь, предвкушать радость, ожидающую тебя впереди.

– Да, – согласилась Мэри. – Ты права, Джейн. Знаешь, что я вижу, когда смотрю вперед?

– Что?

– Я вижу Луку.

Я улыбнулась.

– Ты сказала ему об этом?

Мэри покачала головой.

– Нет, не сказала. В любом случае уже поздно. Он уже вернулся домой в Италию.

– Никогда не бывает слишком поздно. Не забывай об этом, – я обняла подругу.

Я возвращалась домой по Первой авеню с необъяснимым чувством тяжести. Когда я ступила на переход, грохот и скрежет металла прервал мои размышления. Я остановилась с сильно бьющимся сердцем, повернула голову и увидела всего в двух футах впереди столкнувшиеся автомобили. Из голубого кабриолета поднимался дымок, его смятый в гармошку капот упирался в бок белого фургона «Вольво». Женщина, стоявшая рядом со мной, пронзительно закричала.

– О Господи! Я немедленно звоню 911!

Лысый мужчина средних лет выпрыгнул из кабины «Вольво». На нем не было ни единой царапины, хотя он явно был в ужасе от того, что видели мы все: ветровое стекло кабриолета было залито изнутри кровью.

Я подбежала к передней пассажирской дверце, где на переднем сиденье лежала без сознания женщина. Мужчина за рулем, предположительно ее муж, стонал и бормотал что-то неразборчивое. Я открыла дверцу, его веки затрепетали. Он увидел меня.

– Пожалуйста, помогите нам.

– Помощь уже близко, – сказала я, – держитесь.

– Моя жена... Что с ней? Она ранена?

Из носа женщины текла кровь, и я не понимала, дышит ли она, но ему я этого не сказала.

– Да, но с ней все будет в порядке. Сидите спокойно. Постарайтесь не двигаться.

– Мы ссорились... Перед самой аварией. Она сказала, что уходит от меня. Я совершил ужасный поступок. Я предал ее доверие.

– Нет-нет, не думайте об этом сейчас, пожалуйста, – воскликнула я.

– Это мое наказание.

– Ни в коем случае. – Я оглянулась через плечо, молясь, чтобы приехала «Скорая».

– Она сказала, что больше меня не любит, – воскликнул мужчина. – И это правильно. После того, что я сделал, я не заслуживаю ее любви.

Его жена не подавала признаков жизни. Смогут ли врачи помочь ей? Издалека раздался вой сирены, и я с облегчением выдохнула.

– Помощь уже близко, потерпите еще несколько минут.

Я подумала о Кэме и Джоанне, о том отчаянии, которое он испытал после аварии. Может быть, они тоже ссорились в тот момент? Неужели эти воспоминания до сих пор не ушли из его сердца? И, возможно, именно ее

лицо он видит каждую ночь, когда закрывает глаза?

Рядом с местом аварии остановилась «Скорая помощь». Я отошла в сторону, когда медики занялись своим делом. Я видела, как они извлекли окровавленное тело женщины из кабриолета и уложили на носилки. Мужчина, уже в шейном корсете, опустился на колени рядом с женой.

– Пожалуйста, дорогая, вернись ко мне! – закричал он. – Мне так жаль! Так жаль!

И в эту секунду перед моими глазами, из которых текли слезы, поднялся туман. Я постаралась не упасть и приблизилась к месту трагедии.

– Сожалею, сэр, – сказал один из парамедиков. – Мы потеряли ее.

– Нет, нет, нет! – Мужчину затрясло. – Нет, это невозможно. Сделайте же хоть что-нибудь!

– Сожалею, сэр, – повторил парамедик, поднимаясь на ноги и отходя от носилок. – Если хотите, вы можете побыть с ней несколько минут, чтобы попрощаться.

– Дана! – воскликнул мужчина. – Дана, прости меня. Дорогая, я люблю тебя. Я люблю тебя. Ты единственная женщина, которую я любил, единственная, которую я мог любить. – Он посмотрел на меня и добавил со слезами в голосе:

– Я редко говорил ей об этом. Я столько раз поступал неправильно. А теперь уже слишком поздно. Дана не знала, как сильно я люблю ее. И как она могла любить меня после моего предательства?

Он положил голову на грудь жены и зарыдал.

– Ваша жена знала, что вы любите ее, – сказала я прерывающимся голосом.

Мужчина поднял голову.

– О чем вы говорите? Откуда вы знаете?

Я опустилась на колени рядом с ним.

– Вы просто поверьте, что она любила вас до самого конца. И она чувствовала вашу любовь, как и вы чувствуете ее любовь к вам. Всегда помните об этом, пусть это поможет вам превозмочь боль. Любовь намного больше и сильнее. И она была у вас обоих.

Мужчина снова опустил голову на грудь жены, а я вернулась на тротуар, давая ему возможность сделать то, что нужно было ему сейчас больше всего, – попрощаться с женой.

Я размышляла о словах Мэри о начале и конце, пока возвращалась обратно на рынок. Конец отношений с Джоанной, возможно, разбил Кэму сердце, но я молилась о том, чтобы в нем осталось место для нового начала. Со мной.

* * *

– Какая же вы сегодня красotka! – оценил Бернaрд, когда я вышла из кабины лифта. Я смогла несколько часов отдохнуть, приняла душ и пришла в себя после трагической сцены в центре города.

– Кэм ведет меня обедать в ресторан «Кэнлис», – ответила я, разглядывая свое черное платье в большом зеркале на стене.

– Повезло, – улыбнулся Бернaрд. – Я водил туда жену на двадцать пятую годовщину нашей свадьбы. Это особенное место.

Я уже привыкла быть осторожной, особенно в ресторанах «для особых случаев», где очень много любви на каждый квадратный дюйм.

Я увидела, как у подъезда остановилась «БМВ» Кэма. Он вышел из машины и помахал мне рукой. Мне казалось, что время остановилось, когда он протирал ветровое стекло, такой красивый в своем костюме и галстукe. Простой, повседневный жест. Момент, столь отличный от аварии, свидетельницей которой я стала днем. И я почему-то успокоилась. Кэм принес мне покой.

Бернaрд усмехнулся.

– Вы выглядите так, словно увидели привидение.

– Это Кэм, – сказала я, беря себя в руки.

– Вы слышали эту старую цитату? – не унимался Бернaрд. – «Настоящая любовь похожа на привидение, о котором все говорят, но видели лишь немногие».

– Настоящая любовь, значит? – Я с трудом улыбнулась и вышла на тротуар.

* * *

Мы сидели рядом за столиком в «Кэнлис» на мягкой скамье, откуда открывался великолепный вид на озеро Юнион. Я смотрела, как парусники скользят по воде, и гадала, что на них за пассажиры. Пара? Семья? Два старых друга, наслаждающихся бризом?

Официант налил нам вина, потом оставил нас одних. Я повернулась к Кэму.

– Мне всегда хотелось, чтобы я могла скрывать мой дар.

Он улыбнулся.

– Как рыцари плаща и кинжала?

– Ну да. Набросить тренч, надеть черные очки и не видеть того, что я вижу, или просто иметь возможность видеть то, что я вижу, но не беспокоиться постоянно из-за того тумана, который появится перед глазами.

– Я поговорю с моими друзьями-неврологами, – шутя ответил Кэм, – мы посмотрим, нельзя ли сделать для тебя пару специальных запатентованных очков.

Я рассмеялась, потом снова погрузилась в задумчивость. Я рассказала Кэму об аварии, которую я видела в городе.

Он отвернулся и стал смотреть на озеро за окном.

– Я знаю, каково это, наблюдать, как умирает человек, которого ты любишь.

Я сжала его руку под столом.

– В тот момент я думала о тебе. Я вспоминала о твоей потере и была тронута тем, что после такого горя ты хочешь начать все сначала.

Кэм повернулся и долго смотрел мне в глаза. Я почувствовала, как бабочки затрепетали у меня в животе.

– Это так, Джейн, – улыбнулся он. – Я хочу начать сначала, я уже вижу новую жизнь. Я просыпаюсь ночью и лежу, размышляя об этом. О нас с тобой.

– О нас, – просияла я. – Теперь это «мы».

– Мы, – просиял он в ответ. – Скажи мне, чего ты хочешь, Джейн. Как ты представляешь наше будущее?

– Что конкретно ты имеешь в виду?

– Ну, хочешь ли ты детей, дом, клумбы с цветами на заднем дворе? Хочешь ли ты путешествовать? Хочешь ли ты надежности и всего такого прочего, пока смерть не разлучит нас?

– Это сложный вопрос.

– Это важный вопрос, – ответил Кэм. – Я хочу знать о тебе все.

Я долго не отпускала его взгляд.

– Скажи сначала ты.

Он кивнул и взял мою другую руку в свою.

– Я хочу играть, смеяться, ссориться, а потом мириться в постели. Я хочу мечтать, расти, путешествовать, но всегда возвращаться в те же самые стены, к тому же самому человеку. Я хочу слышать, как смеются мои дети. Я хочу играть в салки на только что подстриженной лужайке, и чтобы дымок от мяса тянулся от барбекю на заднем дворе. Я хочу ложиться спать счастливым и просыпаться еще более счастливым.

Кэм улыбнулся.

– И я хочу всего этого с тобой.

В моей груди нарастало чувство, названия которому я не знала. Оно нахлынуло на меня, словно волна адреналина. Я вглядывалась в глаза Кэма, и чувство становилось все сильнее, и я крепче сжала его пальцы. Это была любовь. Я знала, что это любовь.

– Теперь твоя очередь, – с улыбкой произнес Кэм.

Я сморгнула слезы, когда вспомнила обо всех тех днях моей жизни, которые привели меня к этой минуте. Сомнения. Слезы моей матери. Каждый цветок, который я выбирала для букета. Каждый взгляд любви, который я подмечала у моих друзей и чужих людей. Кэм сидел рядом со мной, он любил меня. Я знала это, я это чувствовала. Я слишком долго шла к этому моменту, временами мне было одиноко, я чувствовала себя неуверенной. И вот я добралась до финиша, измученная и ослабевшая, но благодарная и не павшая духом.

– Все в точности так, как рассказал ты, – ответила я, вглядываясь в лицо Кэма и видя в них наше общее с ним будущее. – Все до последнего слова.

* * *

После обеда мы решили поехать к Кэму. Там я сбросила туфли и, подогнув ноги, уселась на диван, набросив на плечи тонкий плед.

– Бокал вина? – предложил он, направляясь в кухню.

– Да.

Кэм вернулся с двумя бокалами, потом поставил бутылку на кофейный столик перед нами.

– Эту бутылку подарил мне мой редактор. Считается, что это очень редкое бордо.

Я бросила взгляд на дату производства: 1984.

– Я только что родилась, когда это вино разливали по бутылкам.

– Я уже толком не помню, – сказал Кэм, разглядывая бутылку, – но была какая-то история, почему именно этот год был таким удачным для вина в этом регионе Франции. Кажется, урожай собирали при полной луне под сумасшедшим осенним снегопадом. Не знаю...

Взгляд Кэма упал на ноутбук, лежавший на кофейном столике.

– Мы можем это выяснить.

Я кивнула.

– Снегопад при полной луне? Вот так совпадение! Я сегодня

разговаривала с Колетт. Ты ее помнишь, это та француженка, которая рассказала мне о моем... даре.

Я замолчала. Даже после долгих месяцев знакомства мне было неловко говорить с Кэмом о моей способности видеть любовь, поскольку он всегда призывал на помощь логику.

Он заинтересовался.

– И что она сказала?

– Дело в том, что если мы – я или она – потерпим поражение в любви, у нас всегда будет второй шанс, но только в полнолуние, когда идет снег.

Кэм усмехнулся.

– И ты в это веришь?

Я фыркнула.

– Ты точно не веришь.

– Я приверженец науки, ты сама знаешь, – Кэм пожал плечами. – Твоя история и то, как твой дар стал частью тебя, все это находится за гранью разумного. Когда я хочу понять ситуацию, я работаю над ней, пока не буду готов оценить каждый нюанс.

Он улыбнулся, как будто брал у меня интервью.

– Почему ты так говоришь? Я же не объект твоего исследования?

Кэм дотронулся до моей руки.

– Послушай, Джейн, возможно, мне нужно сменить направление. Я... Я хочу беречь то, что у нас есть. Я хочу, чтобы наши чувства развивались. Думаю, я пытаюсь сказать тебе, что... я люблю тебя.

Я с трудом сглотнула.

– И в этом нет никакой мистики. Над моей головой не кружатся звезды, не проплывают сердечки. Купидон не пронзил мне сердце стрелой, – Кэм снова улыбнулся. – Я просто знаю, что я чувствую рядом с тобой и как я себя чувствую без тебя. Это любовь. Джейн, я люблю тебя.

– Правда?

– Да.

Я хотела ему сказать, что тоже люблю его. Что я, как и он, по-разному ощущала себя рядом с ним и без него. Что я представляла нашу совместную жизнь: как мы просыпаемся в объятиях друг друга, утром идем в пекарню «Мерриуэзер» за кофе и круассанами, по дороге останавливаемся поболтать с Мелом и купить газету или последний выпуск журнала «Тайм», где я обязательно найду новую статью Кэма и буду всем хвастаться, что мой муж – великий писатель. Картина получалась живой и прекрасной.

Я открыла было рот, чтобы сказать все это, но в кухне зазвонил

мобильный телефон Кэма.

– Прости, пожалуйста, – извинился он. – Скорее всего это мой редактор. Он ждет от меня статью. Это важно. Прости. Я на минутку.

– Ничего страшного, – улыбнулась я. – Ответь. Я посижу здесь и выпью этого редкого вина.

Кэм вышел в кухню, посмотрел на экран мобильного и кивнул.

– Так и есть, это он.

Он ушел в спальню и закрыл за собой дверь. Я слышала приглушенный звук его голоса, но слов разобрать не могла.

Я подумала об истории вина. Полнолуние, снегопад, редкий урожай винограда. Я поставила бокал на столик и взяла ноутбук Кэма. Он мгновенно включился, и пока я искала иконку браузера, что-то на рабочем столе привлекло мое внимание. Это была папка под названием «Взгляд любви/Джейн». Мое сердце забилось быстрее, когда я кликнула на эту папку, чтобы открыть ее. Я чувствовала себя неловко, но ничего не могла с собой поделать. Любопытство оказалось сильнее меня. Внутри папки оказались документы: «Интервью доктора Хеллер», «Интервью отца Джейн» и «Неврологическое исследование».

Мне вдруг стало жарко, как будто я бежала за автобусом и вспотела. Я сбросила с ног плед и кликнула на документ под названием «Джейн/Взгляд любви/Первый вариант». Когда документ открылся, я не поверила своим глазам.

Взгляд любви

Кэмерон Коллинз

Джейн Уильямс не ясновидящая и не предсказательница. Она не умеет читать чужие мысли. Но если вы ее спросите, то она, возможно, расскажет вам о своем даре. Это невероятный дар, бросающий вызов науке, но Джейн искренне верит в него. Джейн Уильямс может видеть любовь.

Я потрясла головой, не в силах больше прочитать ни слова. На глаза навернулись слезы, когда я открыла файл PDF под названием «Предполагаемая обложка». Передо мной была обложка «Тайм». Я мгновенно узнала снимок. Он был сделан на кладбище на острове Бейнбридж. Тот фотограф работал на «Тайм».

Я опустила крышку ноутбука и поставила его обратно на кофейный

столик. Я чувствовала себя душой. Я поверила Кэму, доверяла ему. А он меня предал.

Кэм вышел из спальни и положил мобильный телефон рядом с ноутбуком.

– Прости меня. Честное слово, иногда я думаю, что мой редактор – самый неразумный человек на свете.

– О? – я изо всех сил пыталась скрыть охвативший меня гнев. – И в чем же дело?

Кэм положил руку на мое колено.

– Давай больше не будем тратить время на разговоры о скучных рабочих проблемах.

– То есть мы не будем говорить о статье, которую ты пишешь обо мне? Лицо Кэма потеряло краски.

– Я все знаю, – сказала я. – Я видела в твоём ноутбуке.

– Джейн, я...

– Все это время ты собирал материал для своей статьи, верно? Ты увидел во мне историю, которая попадет на обложку, и просто воспользовался удобным случаем.

– Нет! Не так! – воскликнул Кэм. – Вернее, сначала все начиналось именно так. Редактор журнала недвусмысленно дал мне понять, что я должен найти историю, достойную обложки, которая принесет прибыль. Но, хотя мой изначальный интерес был сугубо материальным, поверь мне, что потом это переросло в нечто искреннее и чистое. А когда я понял...

– Что любишь меня? И ты думаешь, что я в это поверю? – Я указала на ноутбук. – Так ты поступаешь с женщиной, которую любишь?

Кэм крепко зажмурился и вздохнул.

– Джейн, я обещаю тебе, что история не будет напечатана. Именно об этом я говорил сейчас по телефону с моим редактором. Я сказал ему, что отказываюсь публиковать статью. Я пытаюсь заставить его забыть об этом. Прошу тебя, Джейн, поверь мне. Статья никогда не выйдет.

Я сунула ноги в лодочки и встала.

– Не думаю, что я когда-нибудь смогу тебе поверить.

Кэм последовал за мной к двери.

– Джейн, пожалуйста. Ну, давай поговорим об этом. Не уходи сейчас.

– Прощай, Кэм, – сказала я, взяла свою сумочку и вышла.

И это любовь? Это была всего лишь иллюзия.

Глава 22

220, Боут-стрит, плавучий дом № 2

Декабрь

Ло брызнула духами на шею, теми самыми, которые сводили Гранта с ума. Он не раз говорил ей об этом. Ей нравилась его манера делать ей комплименты, нравилось то, как он восхищается ее красотой, замечает, когда на ней надето что-то новое или у нее другая прическа. Грант в ней все замечал. С таким отношением со стороны мужчины Ло никогда раньше сталкиваться не приходилось. Плохо было то, что она начала испытывать зависимость от такого отношения. Ло остро нуждалась в этом, как будто внимание Гранта было наркотиком.

Этот вечер должен был стать особенным. Грант придет к ней на ужин, и хотя в его распоряжении будет всего лишь несколько часов, Ло собиралась выжать из них максимум. Час или минута, она воспользуется любым количеством времени, которое Грант мог уделить ей, но последние дни времени, которое они могли провести вдвоем, становилось все меньше и меньше.

Услышав стук в дверь, Ло поставила губную помаду на полочку в ванной.

– Привет, – поздоровалась она с Грантом.

– Привет, – ответил он.

Ей нравилось то, что им достаточно было просто сказать «привет», и это простое слово означало все и мгновенно наводило мост через пропасть между ними. Привет. Это слово соединяло их снова и снова.

В гостиной Грант страстно поцеловал ее. Он изголодался по ее любви. Не важно, что ризотто уже готово, салат заправлен и перемешан. Им не было никакого дела до обеда или до той бутылки вина, которую Грант поставил на стол в кухне. Ло взяла его за руку и повела по корабельному трапу наверх, в свою спальню. Ей нужно было ощутить прикосновение его кожи и вкус его губ, услышать его дыхание возле своего уха. И она получила это. Они наслаждались друг другом снова и снова, пока не замерли в объятиях.

Грант смахнул прядку волос с глаз Ло.

– До конца моих дней я хочу только этого.

– Я тоже, – ответила она, не сводя с него глаз.

В такой идеальный момент Ло была бы счастлива забыть о том, что у Гранта есть жена, дети, семья на другом конце города. Но эти факты нависли, словно черная туча. Они были вместе с ними в постели, толкали в спину, когда они целовались, преследовали их на каждом шагу. Ло понимала, что настал тот самый момент, когда она должна либо получить любовь Гранта целиком, либо найти способ жить без него, может быть, всегда.

– О чем ты думаешь? – спросил он, проводя пальцами по ее руке.

– О нашем будущем, – сказала Ло. – И о тех шагах, которые нам нужно предпринять, чтобы там оказаться.

Грант сдержанно кивнул, как делал всегда, когда Ло возвращала его к реальности.

– Да, – со вздохом ответил он. – Я много об этом размышлял. Ты об этом знаешь. Я только об этом и думаю. Потому что ты – моя любовь. Ты все, чего я хочу. И все-таки это так тяжело. Каждый день я прихожу домой, а там жена готовит обед. Девочки сидят на кухне и помогают ей, режут овощи, улыбаются. Они даже не подозревают, что я в любую секунду могу сбросить бомбу на их мир и разрушить его. У меня такое чувство, будто я замышляю злодейство, брожу по дому, словно это место будущего преступления. Жертвы уже на своих местах, но они просто не знают, что их ждет.

Грант поцеловал руку Ло.

– Послушай, я знаю, чего хочу. Мне нужна ты, но временами я не уверен, что мне хватит смелости сделать необходимое, чтобы получить тебя.

Ло села в постели. Ее охватила тысяча эмоций: стыд за то, что она влезла в чужую семью; страх перед тем, что Грант не сможет уйти к ней; любовь к мужчине, который, возможно, никогда не сможет целиком посвятить ей себя.

– Детка, не плачь, – Грант обнял ее. Ло нравилось то, как он обнимает ее. Она принадлежала ему, а он принадлежал ей. Вот только Грант не принадлежал ей полностью. Этим вечером она с ним попрощается, и он отправится домой к другой женщине, ляжет с ней рядом в постель. Они будут говорить о своих детях, смеяться над забавными случаями, свидетелем которых стал один из них. Он посмотрит очередную серию фильма «Настоящая кровь». Она зайдет на форум в своем айпаде. Их руки

встретятся, когда он станет натягивать на себя одеяло. Потом они вместе заснут. А Ло останется одна.

– Так больше не может продолжаться, – сказала она. – Я не могу делить тебя. Это неправильно. Это нечестно по отношению к твоей жене, и это нечестно по отношению ко мне.

– Я знаю, я знаю, – с долгим вздохом произнес Грант. – Это я во всем виноват. Я должен сделать то, что должен.

– Так сделай! – выпалила Ло. – Мы не можем вечно встречаться тайком. Это убьет меня, я знаю это наверняка.

– Верь в меня, – попросил Грант.

Ло кивнула.

– Ты веришь в меня? – спросил он, чуть поднимая ее подбородок, чтобы встретиться с ней глазами.

– Верю.

– Хорошо. Потому что, знаешь, мы с тобой какие?

Она покачала головой.

– Какие?

– Мы неразлучные.

– Неразлучные, – повторила Ло.

– И в Париже мы тоже будем неразлучны.

В Париже с Грантом... Большого Ло и желать не могла, но все же где-то в самом дальнем уголке ее сердца жила тревога о том, как бы эта поездка не стала утешительным призом.

– Не могу поверить, что мы улетаем в Рождество, – сказала Ло.

– Да, – откликнулся Грант. – Дома мне пришлось нелегко, но вечером, когда я вернусь домой, я открою с детьми подарки. И хочешь верь, хочешь нет, но оказалось, что куда легче купить два билета в первый класс из Сиэтла в праздничный день, чем до него или после.

Он улыбнулся.

– Возможно, нам удастся выпить традиционный рождественский эгг-ног^[6] на борту самолета.

– Эгг-ног? – рассмеялась Ло.

– Вот именно. Что ж, значит, утром я за тобой заеду. – Грант лукаво улыбнулся. – Не забудь взять с собой то красное платье, которое мне так нравится.

– Париж, – мечтательно протянула Ло. Но она знала, что им нужен не Париж. Необходимо, чтобы Грант принял решение и выбрал, либо он остается только с Ло, либо со своей семьей. А Париж – это великолепное, прекрасное развлечение. Оно лишь на некоторое время приглушит тревогу,

страх. И Ло сможет провести с Грантом больше времени. Она бы отдала что угодно, только бы побыть с ним подольше.

Грант встал, натянул брюки, застегнул рубашку, потом бросил взгляд на часы.

– Прости меня, но мне пора идти. Я обещал быть дома еще полчаса назад.

Ло нахмурилась.

– Но ты ничего не съел. Я приготовила твоё любимое ризотто.

– В другой раз, – ответил он и нагнулся, чтобы поцеловать ее.

Ло ненавидела минуты перед расставанием, когда он ускользал из ее мира и возвращался в свой. Она слышала, как Грант спустился по трапу, взял свои ключи со столика у двери и захлопнул дверь плавучего дома. Он прошел по палубе, а потом его шаги стихли в зимней ночи. Грант ушел в свою жизнь, в свою реальную жизнь, обратно к своей жене, к своим детям.

Ло вытерла со щеки слезу. Она оделась, спустилась по трапу в кухню, взяла ложку и съела ризотто одна, прямо из кастрюли. Ло налила себе бокал вина и сделала глоток. Ее ключи лежали на столешнице. Не раздумывая, она схватила их, потом надела пальто.

Ло знала, где жил Грант: красивый дом на холме королевы Анны. Как-то раз он назвал ей адрес. Ло легко было его запомнить, потому что во время учебы в колледже она работала няней в богатой семье на той же самой улице. Да и у магазина «Цветочная леди» было много постоянных клиентов из этого района, одного из лучших в Сиэтле.

Ло села в машину. Она решила увидеть мир Гранта. Ей хотелось доехать до его дома, увидеть, куда он возвращается каждый день после работы, где он спит по ночам. И вот этот дом предстал перед ней, красивый тюдоровский особняк со щипцовыми крышами и свинцовыми переплетами на окнах.

Сердце Ло забило быстрее, когда она остановила машину перед домом Гранта. Выключив мотор и габаритные огни, Ло заглянула в большие окна гостиной. Там она увидела Гранта. В той же самой рубашке, которую она совсем недавно сорвала с его тела, он стоял рядом с двумя дочками. Они разговаривали и улыбались перед огромной красиво украшенной рождественской елкой. Спустя мгновение к ним присоединилась жена Гранта, и картинка идеальной семьи сложилась окончательно. На Ло накатила тошнота, когда жена протянула Гранту бокал вина, обняла его за талию и прижалась головой к его плечу.

Ло заплакала, включила двигатель и поехала прочь от Гранта обратно в свой мир. Теперь она точно знала, что означает выражение «разбитое

сердце».

Глава 23

Ледяной воздух защипал щеки, стоило мне только выйти на улицу. Иней лежал на крышах зданий на рынке, торговцы облачились в теплые пальто и шляпы. Я плотнее укутала шею шарфом и улыбнулась, увидев проезжавший мимо автомобиль с рождественской елкой, привязанной к багажнику на крыше. Я вспомнила маму, которая всегда позволяла нам с Флинном самим выбирать самую большую ель Дугласа^[7] на рынке. Каким-то образом ей удавалось погрузить ее на машину и дотащить до нашей квартиры. Это требовало от нее невероятных усилий. Но все-таки ей удавалось сделать вид, что возня с елкой не стоила ей ни малейшего труда. А потом мы с братом, с липкими от сладостей щеками, наблюдали, как она устанавливает елку в специальную подставку.

Как всегда бывало в это время года, мне отчаянно ее не хватало.

Я открыла магазин и включила свет. Впервые за долгое время Ло позвонила и сказала, что заболела. Она плакала в трубку, поэтому я поняла, что ее недомогание больше эмоциональное, чем физическое, но это волновало меня даже больше.

– Не торопись, отдохни столько дней, сколько тебе нужно, – сказала я Ло. Но, учитывая поток заказов к Рождеству, это было худшее время года для того, чтобы управляться в магазине в одиночку, особенно после того, что произошло между мной и Кэмом. Поэтому когда позвонил Флинн и предложил свою помощь, я испытала невероятное облегчение.

– Как дела, сестренка? – спросил он, убирая под прилавок свою сумку.

– Честно говоря, не слишком хорошо, – сказала я, просматривая новые заказы, поступившие на сайт магазина. – Я все еще не пришла в себя после предательства Кэма.

Я рассказала Флинну о Колетт и о моем даре уже много месяцев назад, но мистические способности младшей сестры шокировали его куда меньше, чем известие о том, что его лучший друг мог предать меня. Я вздохнула.

– Они собирались поместить мою фотографию на обложку, Флинн.

Он покачал головой.

– Я никак не могу в это поверить.

– Поверь, – я пожала плечами. – Кэм взял интервью у доктора Хеллер и, судя по всему, даже у нашего отца.

– Что?

– Я видела файл с интервью. Он нашел его в Орегоне.

– Значит, наш паразит-папаша всплыл в Орегоне... Неожданная новость.

– Согласна.

– Мне жаль, Джейн, – продолжал Флинн. – Но ты хотя бы об этом узнала до того...

– До того как мое фото появилось в каждом газетном киоске Америки? – я грустно улыбнулась. – Самое невероятное, Флинн, что я приняла это за любовь. Я думала, что мы с ним любим друг друга.

– Может быть, Кэм все-таки любит тебя, – предположил Флинн. – Но мне все равно хочется свернуть этому парню шею.

Я покачала головой.

– Не стоит. В любом случае, когда другого человека бросают под автобус ради собственных интересов, карьеры или чего-то другого, это любовью не назовешь.

– Кажется, ты сама говорила, что Кэм собирался снять статью из журнала?

– Да, он мне так сказал. Вот только как я могу ему верить?

Флинн кивнул.

– Я считал его другом, иначе я никогда бы вас не познакомил... Теперь я понимаю, почему он меня избегает. Ему стыдно встретиться с твоим старшим братом.

Я показала Флинну привезенный остролист и зеленые ветки для украшения, которые он начал перетаскивать в заднюю комнату.

– А что с твоей девушкой? – спросила я. – С той, которая живет в доме напротив? Надеюсь, ты наконец с ней познакомился.

Брат покачал головой.

– Нет еще.

– Флинн, я не понимаю. Почему бы тебе не перейти через улицу, не подняться на лифте и не постучать в ее дверь?

Он улыбнулся.

– Знаю, все знаю. Глупо, что я до сих пор этого не сделал. Кажется, я боюсь.

– Чего? Что она заговорит голосом мультяшного персонажа?

– Нет, – расхохотался Флинн. – Думаю, меня пугает то, что личное общение не будет таким удивительным и завораживающим, как обожание издали. Ты меня понимаешь?

Я кивнула.

– Конечно. Ты влюбился в фантазию. И это превратилось в своего рода

игру.

– Точно, – отозвался Флинн.

– Но все игры заканчиваются, помни об этом.

– Я подумал, что могу завтра принести ей цветы на Рождество, – сказал он.

– И завтра мой день рождения, – едва слышно добавила я, вспоминая Колетт и ее предупреждение о том, что произойдет, если до заката солнца в день моего тридцатилетия я не выполню обязательства, которые накладывает на меня мой дар.

А Флинн все еще думал о своей прекрасной соседке.

– Если она будет одна, – продолжал он, – а так оно и будет, я уверен, что я смогу ее развеселить.

Я улыбнулась.

– Мне твой план кажется превосходным. Я горжусь тобой.

– Я тоже тобой горжусь, – сказал Флинн.

В магазине зазвонил телефон, и я побежала к нему, чтобы ответить.

– Джейн, это доктор Хеллер.

Я молчала.

– Джейн, ты меня слышишь?

– Да, – с трудом ответила я.

– Кэм позвонил мне и сказал, что ты узнала о статье. Джейн, я бы хотела поговорить с тобой. Ты могла бы сегодня приехать ко мне в клинику?

– Доктор Хеллер, я сомневаюсь, что нам есть что обсуждать с вами.

– Ты не права, Джейн, – возразила она. – Мне бы хотелось извиниться перед тобой не по телефону. Я могу все объяснить. Ты сумеешь быть у меня через час?

– Хорошо, – согласилась я. – Я постараюсь.

* * *

Я вошла в кабинет доктора Хеллер с тяжелым сердцем. Хотя я не читала запись ее интервью с Кэмом, один лишь факт, что ей пришлось в голову обсуждать меня с журналистом, выбивал меня из колеи. Он подорвал мое доверие к ней, которое я испытывала с детства, когда она вертела у меня над головой мягкие игрушки, чтобы отвлечь, пока она осматривала мои глаза. Но теперь мне хотелось посмотреть этой женщине в лицо и спросить, как она могла не только предать мое доверие, но и

нарушить медицинскую этику.

– Я рада, что ты пришла, – сказала доктор Хеллер, входя в кабинет. – Прошу тебя, давай поговорим. Может быть, спустимся в кафетерий? Я угощу тебя кофе.

Я кивнула и последовала за ней к лифту. В молчании мы спустились на третий этаж, и когда двери разъехались в стороны, мне в нос ударил запах вареной капусты брокколи и пригоревшей картошки фри.

Мы остановились у стойки с кофе. Доктор Хеллер сделала заказ, и мы направились к свободному столику.

– Прежде всего, позволь мне сказать, что я не знала о том, что он записывает наш разговор, – начала доктор Хеллер. – Я просила его не записывать мои комментарии.

– Записывать или не записывать, какая разница. – Я посмотрела ей в глаза. – Доктор Хеллер, я до глубины души шокирована тем, что вам вообще пришлось в голову говорить о моем состоянии с кем бы то ни было без моего согласия.

– Я знаю, Джейн. Я была не права. И я нарушила принятые нормы медицинской этики. Мне нечем гордиться. Но, пожалуйста, поверь мне, я действовала из благих побуждений. Ты же знаешь, что я забочусь о твоём здоровье с того самого дня, когда ты, еще совсем малышка, впервые вошла в мой кабинет. После того, как ты отказалась от операции, мне показалось, что, возможно, разговор с Кэмом заставит тебя на нее согласиться. Я думала, что он со своим пониманием науки, и я с моими медицинскими знаниями – мы вместе сможем убедить тебя сделать правильный выбор для твоего блага. Я не сомневаюсь в том, что ты ему не безразлична, и хотела, чтобы ты поняла: операция – это единственный выход.

– Его забота обо мне заключается в том, что он меня предал? – я покачала головой и вздохнула.

Доктор Хеллер сложила руки на коленях.

– Я понимаю, что все сделала неправильно. Я лишь надеюсь, что когда-нибудь ты сможешь простить меня и Кэма.

Я глубоко вздохнула.

– Я не могу простить Кэма. Но, разумеется, я прощаю вас, доктор Хеллер. Вы для меня были как мать. Я знаю, что вы старались ради моего блага. Я только хочу, чтобы вы поняли, что, независимо от науки и медицинских показаний, мне пришлось сделать правильный выбор для меня самой, пусть даже этот выбор казался нелогичным или глупым.

– Ты права, – сказала доктор Хеллер. – И я благодарна тебе за прощение.

Она немного помолчала.

– А как насчет Кэма? Ты сможешь когда-нибудь простить его?

Я покачала головой.

– Колетт рассказала мне, что видела любовь между нами, но даже этого для меня недостаточно. Он хотел сделать сенсацию из моей истории, заработать на ней деньги. Кэм рассматривал меня как отличный заголовок с того самого момента, как мы познакомились с ним на прошлый Новый год. Теперь я это знаю.

– Возможно, это правда, – вздохнула доктор Хеллер. – Но ты же не станешь отрицать, что за год его чувства могли измениться? Я уверена, что Кэм любит тебя, Джейн.

Я снова покачала головой и чуть-чуть улыбнулась.

– Нет, это не любовь. Это была всего лишь выдумка. Голограмма.

– Но ты веришь в любовь, Джейн, – сказала доктор Хеллер. – Я знаю это.

– Я верю в любовь для других, но не для самой себя.

Вдруг медсестра Келли помахала доктору Хеллер рукой из другого конца зала. Она подошла к нашему столику с подносом из кафетерия.

– Прошу вас, присаживайтесь к нам, – пригласила я.

– Нет-нет, – смутилась медсестра. – Я не хочу вам мешать. Я сяду за другой столик.

– Келли, пожалуйста, садись с нами, – с улыбкой пригласила доктор Хеллер.

Стоило только Келли сесть, как я почувствовала давление за глазами. Поначалу оно было легким, я почти не поверила в него, но оно стало нарастать. Я моргнула, когда перед моими глазами появился туман. Я не могла в это поверить. Я все неправильно поняла. Все это время я считала, что доктор Хеллер влюблена в доктора Уайта. Но нет. Доктор Хеллер любила Келли. И Келли отвечала ей взаимностью.

– Джейн! – воскликнула доктор Хеллер, вскочила, опустилась рядом со мной на колени и начала нащупывать пульс. – У тебя опять приступ, верно?

Я кивнула.

– Могу я принести вам воды? – нервно предложила Келли. – Что мне сделать?

– Нет, – ответила я. – Со мной все в порядке.

Я посидела какое-то время неподвижно, а когда туман рассеялся, повернулась к доктору Хеллер, все еще стоявшей возле меня на коленях. Ее глаза были наполнены слезами, она вот-вот была готова расплакаться. И я в первый раз поняла, что она верит в мой дар.

– Теперь вы понимаете, правда? – спросила я. – Вы все-таки поняли.
Доктор Хеллер посмотрела на Келли, потом снова на меня.
– Да, – прошептала она, вытирая слезу со щеки.
– Со мной такое делает истинная любовь, – сказала я и встала.
Келли улыбнулась доктору Хеллер. Я собралась уйти, но повернулась к ним:
– Я очень счастлива за вас обоих.

* * *

Выезжая из подземного гаража больницы, я потянулась за мобильным телефоном, чтобы позвонить Колетт. Я была готова встретить тридцатилетие, записать, наконец, в книге все то, что я узнала о любви. Я хотела рассказать ей об этом. А еще о Кэме. О той сумятице мыслей и чувств, которые пульсировали в моей голове и в моем сердце.

Я набрала номер Колетт, но мне никто не ответил, поэтому я решила поехать к ней без предупреждения. Оставив машину на улице перед ее домом, я поднялась в лифте на нужный этаж и увидела, что дверь ее квартиры приоткрыта.

– Здравствуйте! – крикнула я, заглядывая внутрь. – Колетт, вы дома?
Мой голос эхом отозвался в квартире.

Я толкнула дверь и застыла, ошеломленная увиденным. Квартира опустела. На книжных полках не осталось ни одной книги. Старые бархатные драпировки вяло и одиноко свисали с карниза над высоким окном. Колетт исчезла. Единственным свидетельством того, что она жила здесь, был предмет, стоявший в центре комнаты. Старинная цветочная тележка, которая когда-то возила ведра с цветами по парижским улицам, стояла пустой в покинутой квартире в Сиэтле. Я взяла конверт, прикрепленный к ней скотчем.

Дорогая Джейн!

Теперь я вынуждена оставить тебя, поскольку моя работа завершена. Ты должна идти по этому пути, как до тебя это делала я. Я желаю тебе счастья, но прежде всего я желаю тебе любви. Никогда не теряй ее из виду.

Твоя Колетт

Я не могла поверить, что она уехала. Колетт могла улететь в Нью-Йорк

или в Рио-де-Жанейро. Но я надеялась, что отправилась в Париж. Я надеялась, что она снова попытается встретиться со своей любовью, и на этот раз ей повезет.

Я докатила старую тележку до своей машины и обрадовалась тому, что она легко поместилась в багажнике. Я уже садилась за руль, когда зазвонил мобильный. Это была Мэри.

– Джейн, завтра великий день. Я хотела убедиться, что ты не передумала встречать мою малышку.

– Не пропущу ни за что на свете, – сказала я. – На какое время назначена стимуляция?

– Ее перенесли на вторую половину дня, – ответила Мэри. – Если мне повезет, то уже вечером я буду держать дочку на руках. Ты сможешь взять ее на руки первой после меня.

И тут я все поняла. Это был последний этап моего путешествия. Я передам дочке Мэри мой дар. Я подумала о Мэри, наивной и доброй, раненной в самую душу, но не очерстневшей. Ее сердце каким-то образом сумело остаться нежным и красивым вопреки боли, подобной той, которую испытала моя мама. Да, сказала я самой себе. Дочка Мэри будет купаться в любви, как это было со мной. Она будет смотреть на мир сквозь затуманенные очки любви, как это делала я. Как и я, эта девочка найдет свой путь, пусть даже не всегда все свободные концы завязываются в бант. Такова жизнь, и такова любовь.

Нажав на кнопку отбоя, я снова услышала жужжание. На экране появилась эсэмэс от Кэм: «Мне очень, очень жаль».

Я вздохнула и сунула телефон в карман куртки. Мне тоже было жаль.

Глава 24

– Джейн, это Кэти.

Ее голос звучал испуганно и тревожно.

– Что случилось?

– Я даже не знаю, как сказать... Джош меня бросил.

В магазин вошла покупательница, и я жестом попросила Ло заняться ею.

– Что?

– Да, он ушел от меня. Джош вышел из дома за кофе и сказал, что скоро вернется. Но вместо этого он позавтракал с блондинкой и решил больше не возвращаться.

– Кэти, – ахнула я. – Этого просто не может быть. Я ни разу в жизни не видела двух людей, которые любили бы друг друга сильнее, чем вы с Джошем. Ты наверняка ошибаешься.

– Нет, – всхлипнула Кэти. – Он даже не забрал свои вещи. Джош бросил меня. Порвал наши отношения. Если бы я только могла это предвидеть! Но не было никаких признаков, ни единого.

– Дорогая, я даже не знаю, что тебе сказать. Бессмыслица какая-то.

– Я знаю, – сказала Кэти. – Но я знаю и то, что если он ушел, значит, я должна двигаться дальше. Я не могу сидеть в этом доме, где мы жили вместе, и ждать, чтобы Джош вернулся домой. Мне придется продать дом, Джейн. У меня такое чувство, что это ночной кошмар наяву.

– Это и есть кошмар, – согласилась я. – Мне так жаль. Я могу как-то тебе помочь?

– Нет, – вздохнула Кэти. – Хотя... Думаю, мне нужно уехать из города. Может, съездим куда-нибудь на солнечное побережье? Скажем, в следующем месяце? Мексика, Гавайи, не важно, куда-нибудь подальше отсюда, где есть фруктовые коктейли. И давай возьмем с собой Ло. Мы сможем сидеть у бассейна, выпивать в свое удовольствие, не думать и не говорить о мужчинах.

– Звучит божественно, – оценила я.

– Вот и отлично, – сказала Кэти. – Я должна перестать думать обо всем этом. Джейн, мое сердце разбито, – она вздохнула. – Я посмотрю рейсы и дам тебе знать.

– О'кей, – согласилась я. – Кэти, я не знаю, что происходит с Джошем. Мне все это не нравится. Но одно я знаю точно: я видела вас вместе, я была

свидетельницей вашей любви, и это *была* любовь. Не забывай об этом, договорились? – Я слышала, как Кэти всхлипывает. – Обещаешь мне?

– Обещаю, – наконец произнесла она.

* * *

– Сегодня канун Рождества, – сказала я Ло. – Пора по домам.

– Не-а, я останусь. У меня еще есть дела.

– Никаких дел у тебя нет. И кто я, по-твоему? Скрудж? Отправляйся домой, выпей хорошего вина и послушай Бинга Кросби.

– Одна, – грустно усмехнулась Ло. Последние несколько дней Ло была печальной и погруженной в себя.

– Я тоже буду одна. Но, честно говоря, я так устала после этой недели, что я совершенно не против одиночества. Я просто хочу спать, спать, спать. Да и тебе нужно отдохнуть. Ты разве не улетаешь утром в Париж?

– Улетаю, – с вымученной улыбкой ответила моя подруга.

– Тогда убирайся отсюда сию же секунду, а не то я прогоню тебя метлой.

Ло сняла фартук, повесила его на крючок за прилавком.

– Есть, босс. – Она наконец улыбнулась по-настоящему.

Не успела Ло выйти, как на двери снова зазвонил колокольчик. В магазин ворвалась струя холодного воздуха. Не поднимая глаз, я сказала:

– Прошу прощения, магазин закрыт. Я...

И тут мои глаза встретились с глазами мужчины. Это был покупатель, который приходил каждый год перед самым Рождеством, тот самый хромой, оставлявший королевские чаевые по неизвестной мне причине.

– О, здравствуйте, – поздоровалась я, мгновенно узнав его.

– Простите, – заговорил он с робкой улыбкой. – Мой поезд опоздал. – Мужчина явно запыхался. – Я беспокоился, что не успею до закрытия.

– Поезд? – переспросила.

– Да, – кивнул мужчина. – Я живу в Портленде.

– В Портленде? – изумилась я. – Тогда зачем вы каждый год в канун Рождества приезжаете из Орегона в цветочный магазин в Сиэтле?

Выражение его лица было серьезным, в глазах притаилась печаль.

– У вас самые лучшие цветы, – после долгого молчания ответил он.

– Что ж, тогда позвольте мне собрать для вас букет.

– Нет, – спокойно сказал мужчина. – Не беспокойтесь. Я выберу что-нибудь на витрине.

Он указал на вазу с красными розами и зелеными ветками.

– Вот это мне нравится.

Я отнесла композицию на прилавок. Решив поправить розу, оказавшуюся не совсем на своем месте, я уколола указательный палец.

– Проклятье! – буркнула я, увидев каплю крови. – В это время года фермеры забывают срезать шипы. Если бы в этом месяце я получала по доллару за каждый пропущенный шип, тогда с этой бедой еще можно было бы смириться.

Мужчина кивнул.

– Каждый раз, когда я беру розу, я всегда чувствую только шипы.

– Билли Джоэл, – улыбнулась я.

– Да, – ответил покупатель. – Это из песни «And So It Goes».

– Красивая песня.

Я заклеила палец пластырем, и мужчина протянул мне чек.

– Веселого Рождества, – пожелал он, направляясь к двери. Но потом снова повернулся ко мне и сказал:

– Это была любимая песня твоей матери.

Я застыла на месте, от изумления потеряв дар речи. Мужчина вышел на улицу. Я посмотрела на чек и прочитала напечатанные на нем имя и фамилию: Эрик Уильямс.

Это был мой отец.

* * *

Час спустя я закрыла магазин, забрала с собой рождественский венок и праздничную композицию и пошла через рынок к дому. Тишина была пугающей. Но я расслышала рождественские гимны, доносившиеся из припаркованной впереди машины. Внутри разместилась семья: папа, мама и трое детей, два мальчика и девочка, сосавшие леденцы на заднем сиденье.

Воздух был чист и холоден, у меня изо рта вылетали клубочки пара. Навстречу мне шел Мел. Он надел парадный костюм приблизительно 1983 года.

– Джейн! – воскликнул он. – Именно тебя я надеялся встретить.

– Веселого Рождества, Мел, – негромко пожелала я.

– Веселого Рождества, красавица, – ответил он. Его глаза сияли в свете уличных фонарей. – Мне нужен твой самый лучший букет цветов. Я собираюсь подарить его Вивиан сегодня вечером.

Я улыбнулась. Даже если человеку семьдесят, любовь по-прежнему

остается молодой.

– Держите, – я отдала Мелу композицию, которую сделала для своей каминной полки: зеленые хризантемы в сочетании с готовыми распуститься гиацинтами оттенка лайма. Это был любимый рождественский букет моей мамы. – Отдайте эти цветы Вивиан. Они ей понравятся.

– Но ты составила этот букет для себя...

– Пожалуйста, я хочу, чтобы вы его взяли.

Я почувствовала, как на глаза навернулись слезы, когда я подумала о том, что мама с радостью отдала бы цветы Мелу и отправила его поздравлять возлюбленную.

– Спасибо, дорогая моя девочка, – сказал Мел.

– Я надеюсь, они вам помогут.

Левой рукой Мел поправил галстук.

– Я тоже надеюсь.

Я прошла мимо пекарни «Мерриуэзер» и полюбовалась фруктовыми пирогами и плетеным хлебом, выставленными в витрине. Элейн, должно быть, уже была дома, заканчивала раскладывать рождественские подарки по детским чулочкам. Но я знала, что ее голова – и ее сердце – заняты поиском решения.

Бернард как раз собирался уходить, когда я вошла в вестибюль нашего многоквартирного дома.

– Я так рада, что застала вас, – сказала я, сунула руку в карман и достала конверт с небольшой суммой наличных в качестве рождественского подарка. – Веселого Рождества, – с улыбкой пожелала я.

– Веселого Рождества и с наступающим днем рождения, – ответил Бернард. – Да, кстати, ваш бойфренд, как бишь там его зовут...

– Кэм, – подсказала я. – И он больше не мой бойфренд.

– О! В общем, он заходил сегодня днем, чтобы встретиться с вами. Он сказал, что заглядывал в цветочный магазин, но вас там не было. И он попросил меня передать вам это.

Бернард вложил мне в руку конверт.

– Я хотел перед уходом подсунуть его под вашу дверь. У меня было такое чувство, что дело срочное и вы должны прочесть письмо сегодня вечером, а не достать его из почтового ящика через несколько дней.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила я, засовывая конверт в карман.

– Вы позволите дать вам совет? – спросил Бернард.

– Разумеется, – осторожно ответила я.

– За что бы вы его ни наказывали, не делайте этого слишком долго.

Простите его. Жизнь слишком коротка, чтобы не прощать даже самые серьезные обиды.

Я кивнула и попыталась улыбнуться.

– Я подумаю об этом, – пообещала я, вошла в лифт и на прощание улыбнулась Бернарду. – Веселого Рождества.

Поздоровавшись с Сэмом, я налила себе бокал вина и включила рождественскую музыку Джонни Мэтиса. Он напоминал мне о маме. Я без слез оплакивала маму, мое прошлое и мое будущее, которое могло для меня не состояться, если предсказания доктора Хеллер окажутся правдой или я не выполню все правила, предложенные Колетт.

Я бросила пальто на кушетку и теперь достала конверт из правого кармана, вскрыла его и вытащила единственный листок:

Дорогая Джейн!

Меня не будет в городе, чтобы пожелать тебе веселого Рождества и поздравить с днем рождения. Но даже если бы я остался в Сиэтле, я знаю, что ты все равно не захотела бы меня видеть. Я поступил неправильно, и ты вправе обвинять меня и ненавидеть всю оставшуюся жизнь.

Я возвращаюсь в Нью-Йорк на несколько недель. После того как я отказался продолжать работу над статьей о тебе, мой редактор был вынужден «убить» историю. В результате меня уволили, поэтому теперь я занят поисками другой работы. Мне только что предложили место редактора отдела науки в «Ньюсуик». Это значит, что мне нужно будет вернуться в Нью-Йорк. Я не хочу ехать, но все же... Что теперь ждет меня в Сиэтле?

Мое чувство к тебе, Джейн, было сильным. Ничего подобного я не испытывал после смерти моей невесты, но я сам все испортил. И я всегда буду сожалеть об этом.

Никогда еще я не встречал женщины, подобной тебе, и я знаю, что никогда больше не встречу. Ты изменила меня. Ты заставила меня увидеть силу любви. Ты научила меня верить в нее, доверять ей.

Я буду всегда любить тебя, Джейн. Всегда.

Кэм

Единственная слезинка скатилась по моей щеке и упала на письмо. Я провела рукой по подписи, повторяя изгибы буквы К. Потом я глубоко вздохнула и сунула письмо обратно в карман пальто.

Глава 25

342, Пайн-стрит, квартира 4

В канун Рождества в пресвитерианской церкви на Пятой авеню должна была состояться служба при свечах. За завтраком Вивиан сказала, что пойдет туда, и хотя Мел никогда не считал себя религиозным человеком, на эту церковную службу его очень тянуло.

Он нашел в шкафу твидовый костюм, самый красивый из тех, что у него были. Много лет назад Адель поставила на локти кожаные заплаты. Мел оделся, причесал волосы, во всяком случае, то, что от них осталось. Стоит ли взять для Вивиан рождественский подарок? Он отругал себя за то, что не подумал об этом раньше. Мел никогда не умел выбирать подарки, но Вивиан заслуживала его. У него не было денег, чтобы купить ей что-нибудь роскошное, не говоря уже о дорогих украшениях, к которым она привыкла. Но что-то же нужно подарить. Он обязательно что-нибудь придумает. Мел посмотрел на часы. Большинство магазинов на рынке будут открыты еще в течение часа. Цветы. Он зайдет в магазин Джейн и купит для Вивиан самый красивый букет. Отлично придумано.

На улице было холодно, достаточно холодно, чтобы вот-вот пошел снег. Но небо было безоблачным, и Мел этому обрадовался. Дойти до церкви на Пятой авеню под снегопадом было бы непросто.

Увидев, что в цветочном магазине приглушен свет, Мел расстроился, но вздохнул с облегчением, когда заметил Джейн, которая шла ему навстречу.

Голос Джейн звучал весело, но в глазах притаилась печаль. У нее явно было тяжело на сердце. Мел тревожился о Джейн так, как отец может тревожиться о взрослой дочери.

– Ты же не собираешься сидеть в одиночестве сегодня вечером, нет? – спросил Мел.

Джейн ответила улыбкой.

– У меня есть Сэм, не забывайте об этом. Вы-то куда собрались по морозу в канун Рождества?

Мел застенчиво улыбнулся.

– На церковную службу. – Он понизил голос: – Там будет Вивиан.

– И вы идете с пустыми руками?

– Ну, я надеялся принести ей цветы, но я вижу, что ты уже закрыла магазин.

Джейн посмотрела на букет, который несла в руке.

– Возьмите эти, – сказала она. – Они идеально подойдут. Люди почему-то думают, что им нужны красные розы, чтобы выразить свою любовь. И розы действительно олицетворяют любовь, но любовь преходящую. Пламя, которое горит, но в конце концов гаснет. Но вы же хотите показать Вивиан чистоту, истинность вашей любви. И этот букет скажет об этом за вас, обещаю.

Мел заметил в ее глазах слезы.

– Спасибо, дорогая моя девочка, – прошептал он.

Джейн поняла, что он готов поговорить с ней еще, убедиться, что с ней все в порядке. Но она его поторопила.

– Идите же, отыщите ее.

Мел подмигнул Джейн и отправился в церковь. Температура определенно опустилась ниже нуля, но он не чувствовал холода. Его согревала любовь к Вивиан.

Впереди показалась церковь. Из высоких окон на улицу лился оранжевый свет. Внутри играл орган, детский хор нежными голосами пел «Святую ночь». Мел нашел место на последней скамье и огляделся в поисках Вивиан. Сначала он ее не увидел, но потом заметил высокую женщину, сидевшую на скамье с такой элегантностью, что это могла быть только Вивиан. В неярком свете свечей женщина чуть повернула голову, и Мел сразу увидел изысканную линию скул, нежный рот, царственный нос. Это была она. Дети снова запели, и тут Мел заметил мужчину, сидевшего рядом с Вивиан, безукоризненно одетого, высокого, широкоплечего. Его костюм был безупречно отглажен и выглядел дорого. Да, именно такого мужчину заслуживала его Вивиан. Сидя на последней скамье с букетом цветов и слушая хор, Мел вдруг понял, что хочет для Вивиан только самого лучшего. И пусть его любовь искренняя, но он сам не лучший вариант для нее. Он никогда не будет достаточно хорош для Вивиан.

Она повернула голову, их глаза встретились на одно лишь мгновение, и на царственном лице Вивиан появилась улыбка. Мел встал и вышел. Направляясь к выходу из церкви, он протянул букет мужчине, стоявшему у дверей.

– Мне надо идти, – объяснил Мел. – Не могли бы вы передать эти цветы одному человеку?

Он описал мужчине Вивиан и вышел на улицу. Один.

Глава 26

Рождество 2013 года

Я открыла старинную книгу и взяла ручку. Это был мой тридцатый день рождения, и я вспоминала прожитый год. Когда я подумала о Кэме, мое сердце сжалось. Как же я в нем ошиблась... Но я могу закончить мое путешествие и сделать то, о чем говорила Колетт.

Я посмотрела на чистую страницу, пожелтевшую от времени. Я подумала о первом типе любви. Прагма, любовь, которой управляет голова, а не сердце. Накануне мне позвонила Элейн, вся в слезах. Она сделала свой выбор. Я написала на странице «Прагма», ниже добавила имена Элейн и Чарльза. А потом я начала описывать их любовь.

2201, Хэмлин-стрит

Элейн почувствовала взгляд Мэтью еще до того, как открыла глаза. Это было утро Рождества, и она не смогла не вспомнить о том, как изменилась ее жизнь, когда Чарльз вошел в ее кухню в прошлое Рождество.

– Доброе утро, красавица, – сказал Мэтью, нежно поглаживая ее щеку.

– Доброе утро, – прошептала Элейн. – Дети уже встали?

Он кивнул.

– Они ждут нас внизу. Мы решили дать тебе поспать подольше.

Элейн посмотрела на своего мужа, мужчину, который так искренне ее любит. Разумеется, она тоже его любит. Как она может его не любить? Он ее партнер. Он ее лучший друг.

– Мама! Папа! – Элейн услышала снизу нетерпеливый голос Джека.

– Иди к ним, – сказала она Мэтью. – Скажи им, что я спущусь через минуту.

Муж поцеловал ее в лоб и отправился в гостиную. Услышав его шаги на лестнице, Элейн встала и подошла к окну, выходившему на улицу. Сердце у нее сжалось, когда она посмотрела на дом, в котором жил Чарльз. Ее Чарльз. Перед домом стояла табличка с надписью «Продается», хотя дом был продан неделей раньше приятной семье из Кливленда. За три дня до

этого приехал фургон для перевозки мебели, и Чарльз с дочкой уехали.

Элейн коснулась холодного стекла, пальцем обвела контур дома, вспоминая, как Чарльз посмотрел на нее перед отъездом. Тогда она снова почувствовала себя во власти его любви и мгновенно бросилась в его объятия. Ее затопили радость и стыд, ведь она любила мужчину, который не был ее мужем. Любила мужчину, с которым она никогда не будет жить вместе, потому что у нее уже есть мужчина, с которым она живет.

В четверг вечером она принесла Чарльзу и его дочке рулетики с корицей, и он рассказал ей, что ему предложили работу в Сан-Франциско.

– Поедем со мной, – взмолился он. – Давай начнем жить вместе. Пожалуйста!

Никто никогда не узнает, как сильно Элейн хотелось бросить рулетики с корицей на пол, взять Чарльза за руку и улететь с ним из города первым же рейсом. Они могли бы быть вместе, со всем остальным разобрались бы позже. Один раз в жизни она последовала бы за своим сердцем, не руководствуясь разумом. Она могла бы выбрать любовь. Но вместо этого Элейн почувствовала дрожь в самой глубине ее существа: она знала, что никогда не смогла бы оставить Мэтью. Такой поступок не был частью ее ДНК. Ни ради великой любви, ни ради истинной любви, ни ради единственной любви в ее жизни Элейн не могла бы сделать это.

Поэтому она попрощалась с Чарльзом. Элейн поцеловала его и ушла домой, рухнула на стул в кухне и сожгла мини-кексы, которые пекла для рождественской распродажи в школе Эллы.

– Мама, ты идешь? – Элейн обернулась и увидела дочку, стоявшую на пороге.

– Да, дорогая, – ответила она, беря себя в руки.

В гостиной рождественские подарки открывали так же поспешно и радостно, как это случалось каждый год. Потом в доме снова стало тихо. Когда Мэтью встал, чтобы сварить кофе, Элла неожиданно взвизгнула. Она подбежала к елке и вытащила из кучи смятой оберточной бумаги и разорванных коробок маленькую коробочку в золотой бумаге, оставшуюся незамеченной.

– Смотрите! – воскликнула девочка. – Еще один подарок!

Она замолчала и прочитала надпись.

– Это для тебя, мамочка.

Элла протянула коробочку Элейн, и та некоторое время смотрела на нее с осторожностью, потом развязала бант и развернула золотую бумагу. Подняв крышку, Элейн удивленно замерла, а потом ее сердце наполнилось радостью. Внутри лежал брелок для ее браслета: крошечный воздушный

шар на серебряном креплении.

– Я... – начала она, но голос ее дрогнул. – Это...

Элейн замолчала. В комнату вернулся Мэтью с двумя чашками кофе.

– С тобой все в порядке, мама? – спросила Элла, обнимая ее.

– Да, дорогая, – сквозь слезы ответила Элейн.

– Это брелок для твоего браслета? – с придыханием спросила Элла.

Элейн кивнула.

– Это Санта тебе принес?

Мэтью ей улыбнулся.

– Санта сожалеет о том, что не сразу понял, какого подарка ты ждешь все эти годы.

Джек и Элла побежали вверх в свои комнаты, чтобы поиграть с новыми игрушками. Мэтью устроился рядом с Элейн на диване.

– Я подумал, что ты можешь украшать браслет нашими общими воспоминаниями, – сказал он, глядя, как она прикрепляет новый брелок к браслету на запястье. – Давай начнем с того, что летаем на воздушном шаре. Что ты об этом думаешь?

– Да, – сквозь слезы ответила Элейн. – Конечно.

* * *

Я вздохнула и посмотрела на следующую страницу книги. На ней я написала «Агапе». Безоговорочная любовь, исполненная альтруизма. Это любовь Мэри и Луки. Я никогда не говорила об этом моей подруге, но я случайно видела их вдвоем в ресторанчике «У Джулии». Я зашла за едой навынос после встречи с поставщиком цветов. Я помнила, как изменилось мое зрение, и то, как у меня потеплело на сердце в ту минуту. Потом я начала писать.

4572, Саннисайд-авеню

Услышав гудок подъехавшего такси, Мэри взяла сумку, заперла за собой дверь. Всю дорогу до больницы она чувствовала, как толкается ребенок. Девочка. Ее девочка. Мэри подошла к администратору, потом заполнила бумаги, сидя на неудобном стуле. Илай должен был бы сидеть с ней рядом. Но когда она закрыла глаза, перед ней всплыло лицо Луки. Мэри моргнула. «Забавно, как поворачивается жизнь», – подумала она.

– Миссис Шерман?

Мэри подняла глаза и увидела женщину лет двадцати с колечком в носу.

– Если вы готовы, то я отвезу вас в палату.

Мэри кивнула, протянула ей заполненные документы и пересела в кресло-каталку. Сумку она поставила себе на колени и откинулась на спинку, пока женщина катила коляску к лифту. Кабина остановилась на третьем этаже. Когда двери открылись, Мэри увидела в отдалении человека, которого она узнала сразу. Поначалу она не поверила своим глазам, но мужчина ее тоже увидел. Мэри открыла было рот, но двери лифта уже закрылись.

– Вы увидели знакомого? – спросила сопровождающая.

– Да, – ответила Мэри. – По крайней мере, я так думаю.

В палате на пятом этаже она переоделась в рубашку, в которой ее огромный живот едва помещался. Мэри долго смотрела на себя в зеркало в ванной комнате. Ей не понравились собственные волосы, небрежно собранные в конский хвост. Она как парикмахер-стилист могла бы и лучше подготовиться к встрече с дочкой. Но для стрижки или окраски времени не было. Накануне врач на приеме нервничал из-за высокого давления Мэри, поэтому стимуляцию назначили на Рождество.

Вернулась медсестра, и Мэри молча наблюдала за тем, как она подсоединяет разные проводки к ее животу и рукам. Конечно же, Илай не придет. Он в Нью-Йорке или в Париже со своей новой подружкой. Счастливое избавление, подумала Мэри, укладываясь на больничную кровать. Но все же ее переполняло ощущение одиночества. Прибор, следящий за сердцебиением ребенка, негромко попискивал рядом. Медсестра попросила Мэри вытянуть правую руку, чтобы она могла поставить ей капельницу. Мэри закрыла глаза, когда игла воткнулась ей в руку. Она почти не почувствовала укола. В каком-то странном онемении она вообще почти ничего не чувствовала.

– Вы ждете посетителей? – спросила медсестра. Вопрос был совершенно невинным, но Мэри услышала любопытство в ее голосе и поняла, что женщина хотела спросить, будет ли присутствовать на родах отец ребенка.

– Нет, – быстро ответила Мэри. – Придет только моя подруга Джейн. Она будет здесь через несколько часов.

Медсестра кивнула, улыбнулась и направилась к двери.

– Если я вам понадоблюсь, нажмите на кнопку.

Мысли Мэри вернулись к Луке. Она вспомнила, как он нежно держал

ее за руку во время короткой прогулки много месяцев назад, как чинил потекший кран, как красил детскую. Мэри перевела взгляд на свой огромный живот. Ей вдруг показалось глупым даже думать о Луке. Он заслуживает лучшего, чем женщина с разбитым сердцем, носящая ребенка от другого мужчины. Она не может требовать от него, чтобы он стал тем клеем, который склеит ее разбитую жизнь. Нельзя просить о таком другого человека. И потом, Лука уже дома, в Италии.

Мэри вспомнила их трогательное прощание. Она отвернулась, когда Лука посмотрел на нее так, будто хотел поцеловать. Она не могла позволить, чтобы он тратил на нее свою любовь. Он бы любил ее до тех пор, пока не сломался сам, а она этого не заслуживала. Для него найдется другая женщина, которая будет лучше, чем она, Мэри.

Когда медсестра заглянула в палату и понимающе улыбнулась, Мэри вытерла слезу со щеки.

– К вам посетитель, – объявила медсестра.

Мэри посмотрела на часы на стене. Джейн обещала подъехать во второй половине дня.

– Я не ждала ее так рано, – удивилась Мэри.

– Ее? – медсестра явно удивилась. Из-за ее спины появился Лука. В руках он держал вазу с белыми розами и розовый воздушный шарик в виде сердечка с надписью «Наша девочка».

Мэри просияла и села в кровати.

– Лука!

Медсестра улыбнулась.

– Я буду на посту, если вам что-то понадобится.

– Надеюсь, ты не против. – Лука поставил цветы на столик у окна.

– Ты не обязан был это делать, – сквозь слезы прошептала Мэри.

Он сел на кровать рядом с ней и переплел свои пальцы с ее.

– Я *хотел* это сделать. – Лука набрал в грудь воздуха и посмотрел ей прямо в глаза. – Я люблю тебя. Ты знаешь?

Мэри улыбнулась.

– Правда?

Он кивнул.

– Да. Я люблю тебя, моя маленькая красная рыбка.

Лука взял подарочный пакет и вытащил оттуда книгу доктора Сьюза «Рыбка первая, вторая...».

Все еще улыбаясь сквозь слезы, Мэри сказала:

– Но я не заслуживаю твоей любви. Я...

Она посмотрела на свой живот.

– Я об этом думал, – ответил Лука. – Если ты мне позволишь, я буду ей отцом. Я буду любить ее, Мэри. Я буду любить ее... – он замолчал, подбирая слова, – как до Луны и обратно. Мэри, прошу тебя, позволь мне быть твоим мужем и отцом твоего ребенка. Это будет для меня величайшей честью.

Мэри легко коснулась его щеки.

– Ты действительно хочешь этого?

– Да, – голос Луки звучал твердо. – Я хочу быть рядом с моей красной рыбкой и сегодня, и завтра, и все дни потом.

– До бесконечности, – прошептала Мэри.

Лука недоуменно посмотрел на нее.

– Это значит вечно, – объяснила она.

– Да, – он снова заулыбался. – Но даже этой «бесконечности» мне будет с тобой мало.

По щекам Мэри покатались слезы. Но тут дверь в палату открылась, и вошел мужчина в белом халате.

– Здравствуйте, я доктор Картер, – представился он. – Я буду заниматься стимуляцией. Если нам повезет, то девочка появится на свет к пяти часам. Как вам такой вариант?

Мэри кивнула:

– Звучит великолепно.

– А папа перережет пуповину, я правильно понимаю? – продолжал врач.

– Да, – уверенно ответил Лука.

Мэри дотянулась до его руки и сжала ее.

– Да, – прошептала она ему и слегка улыбнулась. – Сегодня я кое-кого видела на третьем этаже.

– Кого же?

– Одного моего знакомого, – сказала Мэри и взяла свой мобильный телефон. – Я должна позвонить, пока не начались роды.

* * *

Я отложила книгу в сторону, сварила себе кофе, потом снова села за стол в кухне. Через три часа мне нужно было быть в больнице. Я обещала Мэри держать ее за руку во время родов. Но сначала я должна была закончить еще одну страницу. На следующей строчке я написала слово «Мания». Я помнила, как Колетт описывала этот тип любви – одержимость

любимым человеком, любовь со взлетами и падениями, – и на минуту остановилась, прежде чем написать ниже имена Флинна и Селесты. Я с трудом глотнула, и ручка снова забежала по бумаге.

1301, Четвертая авеню

Флинн проснулся еще до рассвета, что было ему совершенно несвойственно. Это было тем более необычно, что накануне вечером он выпил с друзьями немало виски. Пожалуй, виски было даже многовато. Но Флинн проснулся, переполненный энергией. Потому что он принял решение. После месяцев любования издалека он все-таки решил постучать в дверь Селесты. Он знал, что когда она откроет дверь и увидит его, она позволит ему обнять ее. И он знал, что ее чувства к нему такие же сильные, как и у него к ней. Это будет началом красивой любовной истории. Их истории любви.

Пока Флинн стоял под душем, он думал обо всех тех женщинах, которыми обладал. Эти женщины, словно сквозняк, проносились через его квартиру, его постель, его жизнь. Их лица расплывались перед его мысленным взором, их имен он не помнил. Они не заняли даже сантиметра в его сердце. И вот теперь все, что он видел, все, что он знал, это была Селеста, женщина, с которой он до сих пор не обменялся ни одним словом. Флинн брился и удивлялся абсурдности этой любви на расстоянии. Любовь. Выбирая это слово, он даже не моргнул. Это слово он знал. Он его чувствовал. И по тому, как Селеста смотрела на него через окно, Флинн понимал, что она чувствует то же самое.

Одеваясь, он вспоминал, как однажды наблюдал за ней поздно вечером, когда Селеста резала овощи для салата, стоя в одном бюстгальтере. А в другой раз она подняла голову и смотрела в его окна, зная, что он смотрит на нее, и улыбнулась своей прекрасной печальной улыбкой, прохаживаясь напротив окна в черных кружевных трусиках, приманивая его, соблазняя. И его чувства к ней становились глубже с каждым ее шагом по полу из красного дерева.

Флинн вышел в гостиную и посмотрел на окна квартиры Селесты. На город опустился густой туман. Низкие облака заполнили пространство между их домами, не позволяя Флинну увидеть окна любимой. Но это не имело значения. Дождь, снег, град, туман, ничто не могло бы остановить его. Этот день настал. Он скажет ей о своей любви. С этого дня начнется их новая жизнь.

Флинн выбрал бутылку дорогого вина. Он знал, что Селеста любит бордо. Он пользовался достаточно дорогим биноклем и поэтому смог прочитать надпись на этикетке той бутылки, которая вчера стояла у нее в кухне. Он сунул бутылку под мышку, подхватил вазу с оранжевыми розами, которые купил для нее накануне, и взялся за ручку двери. Двенадцать шагов до лифта, потом шестнадцать шагов по тротуару, еще семь шагов от лифта до квартиры Селесты. Во всяком случае, именно столько шагов он насчитал, мысленно представляя свой путь. Флинн слышал только биение своего сердца. Он настолько погрузился в свои мысли, что, выйдя в коридор, не сразу заметил белый конверт, лежавший возле его двери.

Он нагнулся, поднял его. На конверте было написано его имя, и он торопливо вскрыл его.

Дорогой Флинн!

Мне очень жаль, что я уезжаю, не попрощавшись и даже не поздоровавшись. Обстоятельства складываются так, что у меня не остается другого выхода. Некоторые вещи просто не могут произойти. Иногда любовь оказывается не ко времени. И все же мне кажется, что я могла бы полюбить тебя. Думаю, я любила тебя, пусть даже через два слоя стекла.

Я всегда буду твоей за окном,

Селеста

P.S.: Присмотри вместо меня за Сезанном, ладно?

Вино и ваза с цветами выпали из рук Флинна и разбились. Осколки и лепестки, запятнанные дорогим бордо. Он не заметил этого. Он побежал по коридору к лифту, потом выбежал из здания, пересек улицу и ворвался в многоквартирный дом, в котором жила Селеста. Флинн даже не услышал приветствия швейцара. Его губы беззвучно шевелились, биение сердца оглушало его. Как будто кто-то колотил в большой барабан. Бум. Бум. Бум.

Лифт остановился на одиннадцатом этаже. Флинн добежал по коридору до квартиры Селесты. Дверь была приоткрыта.

Квартира опустела. Каблуки ботинок Флинна стучали по деревянному полу, отдаваясь одиноким эхо. Мебель исчезла. Стены были голыми. И в его душе стало так же пусто. Селеста уехала.

Флинн рухнул на колени. Неужели она не могла подождать? Всего несколько часов! Он бы пришел к ней. Флинн уткнулся лицом в ладони. К его колену прислонилось что-то мягкое.

Рядом с ним урчал пушистый белый кот.

– Сезанн. – Флинн взял его на руки, вытер слезу и сказал: – Что ж, пойдём домой.

В своей квартире он опустил кота на пол, и тот сразу прыгнул на диван и устроился у подушки. Казалось, он уже тысячу раз проделывал это раньше и проделает столько же раз в будущем.

Низкие облака продолжали висеть в воздухе, но туман уже начал рассеиваться. Флинн подошел к окну. С каждой минутой он все яснее мог видеть окна опустевшей квартиры Селесты. Флинн гадал, не была ли она иллюзией. Неужели эта женщина всего лишь плод его воображения?

Он закрыл глаза и снова увидел Селесту. Ее красивое обнаженное тело, когда она шла через гостиную, печальное лицо, когда она оборачивалась и смотрела на него из своей кухни.

Кот Сезанн спрыгнул с дивана и потерялся о ногу Флинна. Он открыл глаза и положил ладони на стекло.

Селеста была самой лучшей иллюзией.

* * *

Я задумалась о том, как себя чувствует Флинн. Накануне он явно был на грани. Я хотела ему позвонить, но решила закончить записи в книге. Времени у меня оставалось немного. Я перешла на следующую строчку и написала «Сторге». Описывая этот тип любви, Колетт едва заметно улыбалась. Любовь, родившаяся из дружбы. Я тоже улыбнулась, когда написала имена Мела и Вивиан и начала излагать их историю.

342, Пайн-стрит, квартира 4

Днем в Рождество Мел заснул. Его разбудил звук пожарной сигнализации. Он вскочил на ноги и побежал в кухню, где из духовки валил дым. То, что должно было стать запеченным мясом к рождественскому обеду, превратилось в угли. Мел включил вытяжку и распахнул окна. Он тут же пожалел о том, что решил сам что-то приготовить, вполне мог бы обойтись сэндвичами. Да, Адель обязательно приготовила бы праздничный обед. И все у нее получилось бы идеально. У Адель всегда все было идеально.

Мел отправил противень со сгоревшим мясом под холодную воду в мойку, а потом вернулся на диван и устался на свои ступни. В его голове

крутилась та же самая мысль, что и каждое Рождество: «Как я переживу этот день?»

Прошло полчаса, он открыл пиво и включил телевизор. Где-то в шкафчике наверняка найдется баночка чили. Он найдет ее попозже, посмотрев эпизод из «Сайнфелда», сериала о городском невротике.

Когда в дверь постучали, Мел услышал не сразу. Потом он приглушил звук телевизора, заставив Ньюмана^[8] замолчать. Наверное, домовладелец хочет пожаловаться на дым. Мел вздохнул и открыл дверь. На пороге стояла Вивиан.

– О! – удивился Мел. – Какой сюрприз.

– Спасибо за цветы, – сказала она. Ее глаза смотрели мягко, ничего подобного он раньше не замечал.

– Откуда вы узнали, что они от меня?

Протискиваясь мимо него в квартиру, Вивиан помахала рукой перед носом и произнесла:

– Я догадывалась, что на кухне от вас сегодня никакого толку. Что вы сожгли? Утку?

– Судя по всему, вы почуяли запах моей катастрофы через весь рынок?

– Да, – ответила Вивиан, ставя бумажный пакет на стол в столовой Мела, заваленный стопками книг, газетами и коробками со всякой всячиной. – Поэтому я решила разделить с вами мой рождественский обед. Ничего особенного, всего лишь немного паштета и салат из сырых овощей. Но мы сможем разнообразить нашу трапезу, если вы добавите свои припасы.

Мел улыбнулся.

– Могу предложить только консервированный соус чили, – сказал он, разглядывая пластмассовые контейнеры с едой, которые Вивиан выставляла на стол.

Он нервно провел рукой по редким волосам. Ему стоило надеть утром свежую рубашку и прибраться в гостиной. В мойке на кухне скопилась посуда, которую он не мыл уже три дня.

– Боюсь, моя квартира в некотором беспорядке.

– В вашем доме нет ни женщины, ни домработницы, – с понимающей улыбкой ответила Вивиан. – Это простительное прегрешение.

Мел смотрел, как она уверенно ходит по его квартире, бросив пальто в мягкое кресло у камина.

– Ну а теперь, – объявила Вивиан, засучивая рукава, – нам нужны две тарелки и два бокала для вина.

Он завозился, расстегивая ремешок часов на запястье.

– Все тарелки в раковине, и, боюсь, у меня нет бокалов для вина. И вина тоже нет. В холодильнике только пиво.

– Ну и отлично, – без колебаний отреагировала Вивиан. – Вы пока посидите, а я вымою для нас несколько тарелок.

Через несколько минут стараниями Вивиан на кофейном столике уже был накрыт праздничный стол: сыр, паштет, крекеры и нарезанные овощи. Две холодные банки с пивом завершали картину. Вивиан открыла одну из них и улыбнулась.

– Вам следовало бы пить шампанское из хрустального бокала, – сказал Мел.

– Этим я занималась всю мою жизнь. – Вивиан посмотрела ему прямо в глаза. – Хотите верьте, хотите нет, но это довольно скучно.

Он подумал об Адель. Интересно, видит ли она его в эту минуту? Одобряет ли? Но в глубине души он уже знал ответ. Его сердце переполняла радость, глаза защищало от слез.

– Почему ты пришла, Вивиан? – Мел отбросил церемонное «вы».

Она сделала еще глоток пива из банки, потом осторожно поставила ее на кофейный столик и сложила руки на коленях.

– Потому что сколько бы причин я ни придумывала, чтобы ты мне не нравился, есть десять причин, по которым ты мне нравишься. – Вивиан медленно протянула руку и коснулась руки Мела. Он взял ее руку в свои.

– Ты тоже мне нравишься, – прошептал он.

– И потом, никто не должен быть один в Рождество. Это преступно.

– В самом деле, – согласился Мел, отвечая улыбкой на ее улыбку.

– У цветов, которые ты мне передал, самые удивительные оттенки зеленого, – сказала Вивиан. – Я никогда не видела ничего подобного.

– Это работа Джейн, хозяйки «Цветочной леди». Я обязательно тебя с ней познакомлю, но только не сегодня.

– У нее удивительное художественное видение. Мне не терпится с ней познакомиться.

– Я... хотел сам подарить тебе цветы, но я увидел, что ты сидишь рядом с мужчиной. Мне не хотелось мешать вам.

– Ты говоришь о моем водителе? – Вивиан снова улыбнулась, и Мел улыбнулся в ответ. – Знаешь что? – она повернулась к камину, за решеткой которого трещало и шипело полено. – Я даже не думала, что могу снова испытать такие чувства. После смерти мужа мое горе было так велико, что я до сих пор еще не совсем оправилась от него. Скорее всего оно будет со мной до конца моей жизни. Понимаешь, когда человек уже узнал любовь, может возникнуть ощущение, что больше такого не случится. Но тут

появился ты.

- И ты, – Мел смотрел ей прямо в глаза. – Все правильно, да?
- Да, – согласилась Вивиан.
- Счастливого Рождества, – сказал он, чокаясь с ней пивом.
- Счастливого Рождества. За новое начало, – ответила она.
- За самое прекрасное новое начало.

* * *

Еще немного, и мое путешествие будет завершено. На другой строчке я написала «Эрос». Я подумала об этой разновидности страстной любви и записала на странице имена Кэти и Джоша. Мне казалось, что их имена пульсируют на бумаге. И все же их история оставалась сырой и незаконченной. Ручка снова забегала по строчкам.

1112, Бродвей-авеню, владение 202

Агент по продаже недвижимости должен был прийти на следующий день, и Кэти понимала, что в доме нужно навести порядок. У нее снова появился комок в горле, стоило ей только вспомнить, как они с Джошем впервые занимались любовью в этой спальне на голом деревянном полу.

Джош заплатил за этот дом больше рыночной цены, и Кэти нервничала, что ей не удастся выручить ту же сумму при продаже. Но вместо того чтобы натирать до блеска оконные стекла и выравнивать стопки книг на кофейном столике, она взяла ноутбук и перечитала электронное письмо, полученное от Джоша и отправленное им одному Богу известно откуда.

Кэти!

Так будет лучше. Поверь мне, я должен уйти. Прости меня за то, что у нас не будет того будущего, которое мы запланировали. Я надеюсь, что когда-нибудь ты меня поймешь. Я хочу для тебя только самого лучшего. Я не могу сейчас встретиться с тобой, поэтому отправляй все документы по факсу в мой офис, и моя ассистентка проследит за тем, чтобы я подписал все необходимое.

Пожалуйста, береги себя

Джош

Прочитав эти строчки, Кэти снова заплакала. Откуда в нем эта холодность? Как он мог обращаться с ней так сухо, так по-деловому? Они так сильно любили друг друга. Они планировали совместную жизнь. И вот Джош просто встал утром и ушел, не удостоив ее объяснением, даже не попрощавшись с ней.

Конечно же, он встретил женщину, Кэти в этом не сомневалась. Он был для нее идеальным сексуальным партнером, знал, как работает ее тело, и играл на нем, словно виртуоз на музыкальном инструменте. Кэти представила, как Джош в эту минуту прикасается к другой, и ее затошнило. Разумеется, он касается другой женщины. Джошу это необходимо. Как и самой Кэти.

Когда зазвонил ее телефон, она бы ни за что не ответила, но это была Мэри, ее подруга и парикмахер-стилист, которая должна была вот-вот родить. Возможно, ей требовалась помощь. Кэти нажала на кнопку.

– Привет, Мэри, – поздоровалась она, беря себя в руки.

– Ты в порядке? – спросила Мэри.

– Это мне следовало бы беспокоиться о тебе, – ответила Кэти. – Ты уже рождаешь?

– Скоро буду рожать. Я уже в больнице. Сейчас мне делают стимуляцию.

– Так что ты в предвкушении...

– Да. – После недолгого молчания Мэри продолжила: – Но я не поэтому звоню. Дорогая, у меня есть для тебя новости.

Сердце Кэти забилось быстрее. Какие-то сведения о Джоше. Она чувствовала это. Еще мгновение, и Мэри скажет ей, что видела его в ресторане с другой женщиной. Или эта другая женщина приходила в салон, и Мэри, занимаясь ее волосами, слушала, как она рассказывала о Джоше, не подозревая о дружбе между Мэри и Кэти.

Она тряхнула головой, приготовилась к худшему и спросила:

– Что за новости?

Было слышно, как Мэри набрала в грудь воздуха.

– Я видела его, Кэти. Я видела Джоша.

– Видела? – воскликнула Кэти. – Где?

– Здесь, в больнице.

– Что ты хочешь этим сказать?

– После того, как я закончила заполнять бумаги на ресепшн, они повезли меня наверх в кресле-каталке. Они всегда так делают. Мы поднимались на пятый этаж в лифте, – продолжала Мэри, – и кабина

остановилась на третьем этаже. И тут я увидела Джоша. Он сидел в кресле у поста медсестры.

– Ты уверена, что это был он? – ахнула Кэти. – Может быть, просто кто-то похожий на него?

– Нет, – твердо сказала Мэри. – Это был Джош. Он тоже меня узнал. Наши глаза встретились, и тут двери лифта закрылись. Я бы обязательно с ним поговорила, но мне поставили капельницу.

– Я... Я... – Кэти начала заикаться. – Я не знаю, что и сказать. Что Джошу делать в больнице?

– Возможно, он пришел кого-нибудь навестить.

– Возможно, но я немедленно еду туда. На каком он этаже, ты сказала?

– На третьем.

* * *

Выбегая из дома, Кэти забыла обо всем. И о том, что нужно привести все в порядок перед приходом риелтора. И о том, что нужно запереть входную дверь. Она не вспомнила даже о своем мобильном телефоне, который оставила на кофейном столике. Кэти могла думать только о Джоше. Теперь она знала, где он. У нее было одно-единственное желание: немедленно увидеть его.

Кэти оставила машину на стоянке для врачей на первом этаже парковки, но не потому, что не хотела оплачивать парковку для посетителей, а потому, что боялась упустить Джоша. Вдруг он уже ушел? И к кому он приезжал? К другой женщине? Кэти подбежала к лифту и ткнула пальцем в кнопку «Вверх». *Третий этаж. Третий этаж. Третий этаж.* Ее сердце бешено стучало, пока лифт плыл вверх.

– Я могу вам помочь? – спросила похожая на мышь медсестра, сидевшая на посту.

– Да, – выпалила запыхавшаяся Кэти. – Около получаса назад здесь был мужчина. Это зовут Джош Паркер. Видите ли, моя подруга позвонила мне из больницы и сказала, что видела его здесь...

– Вы посетительница?

– Я его жена. Он был здесь?

Глаза медсестры забегали, она занервничала.

– Мэм, мне сказали, что...

– Господи! – выкрикнула Кэти. – Джош пациент вашей клиники?

Ее взгляд метнулся к доске на стене за спиной медсестры и наткнулся

на запись: «Паркер/Палата 319». Она отступила назад.

– Это какой этаж? – спросила Кэти.

– Третий, – ответила медсестра.

– Нет, я не об этом. Это онкология? Или что-то другое?

– Отделение реабилитации.

– Реабилитации?

– Да, сюда переводят пациентов после травмы головного мозга или парализованных.

– Парализованных? – переспросила Кэти, посмотрела направо, потом налево и бросилась по коридору, пока не увидела табличку с номером 319. Она не постучала и даже не оглянулась на крик медсестры:

– Мэм, вы не можете войти в палату. Это противоречит правилам отделения.

Кэти распахнула дверь, отодвинула в сторону занавеску и увидела Джоша. Ее Джоша. Подбородок зарос щетиной, лицо похудело и осунулось. Но его зеленые глаза, которые она так любила, оставались такими же, какими она их помнила. Когда их взгляды встретились, что-то дрогнуло в самой глубине ее существа. У нее ослабели ноги, но Кэти бросилась к кровати, на которой лежал Джош. Она не стала сопротивляться своему желанию побежать к нему, обхватить руками его плечи и поцеловать с той любовью, которую она до сих пор чувствовала и будет чувствовать всегда.

– Почему ты не сказал мне? – спросила Кэти, охваченная одновременно бесконечной радостью и гневом. – Почему ты просто исчез? Почему?

– Сэр, у вас все в порядке?

Кэти повернулась к двери. Это была та самая медсестра, с которой она уже разговаривала.

– Если вы хотите, мы можем...

– Все в порядке, – ответил Джош.

Медсестра долго смотрела на Кэти, потом кивнула и закрыла дверь.

Когда они снова остались одни, Джош отвернулся к окну. Кэти увидела, что его глаза заблестели от слез.

– Джош, пожалуйста, – взмолилась она, – поговори со мной. Что случилось? Прощу тебя, скажи...

Он долго молчал, потом повернулся к ней лицом.

– Я пошел за кофе. Мне еще нужно было встретиться с ландшафтным дизайнером. Мне хотелось удивить тебя теми высокими грядками для овощей, о которых ты всегда говорила.

Кэти кивнула.

– Блондинка, – негромко произнесла она.

– Я вышел из кафе и как раз проходил мимо стройки, где рабочие ремонтировали старое здание, – Джош громко сглотнул. – Я увидел падающие леса, но было уже слишком поздно, – из-под его опущенных век потекли слезы, – Кэти, было слишком поздно. Леса упали мне на ноги, и я был без сознания почти сутки. Когда я пришел в себя, мне все сказали. – Он снова отвернулся к окну.

– О Джош, – сквозь слезы сказала Кэти. – Что они тебе сказали?

Он снова сглотнул.

– Я парализован, Кэти. Ниже пояса. Я не могу ходить. Не могу...

Она уткнулась лицом в его грудь. Рука Джоша нежно провела по ее спине, и по коже Кэти побежали мурашки.

– Ну почему ты мне не позвонил? – воскликнула она. – Почему ты ничего мне не сказал? Я думала, ты меня ненавидишь.

Он нахмурился.

– Я хотел, чтобы ты возненавидела меня. Возненавидела до такой степени, что у тебя нашлись бы силы двигаться дальше, найти другого мужчину, который сможет любить тебя так, как я уже не смогу.

Кэти помотала головой и вытерла со щек слезы.

– Разве несчастный случай парализовал твое сердце? Или лишил тебя разума?

Джош отвернулся, но она не отступала.

– Скажи же мне, скажи!

– Понимаешь, Кэти, я не могу... Боже, я никогда не смогу снова заниматься с тобой любовью. Я никогда не смогу...

– И ты решил, что я уйду от тебя из-за этого?

Кэти покачала головой.

– В этом все и дело, – прошептал Джош. – Я знал, что ты этого не сделаешь. Но как я мог обречь тебя на платоническую любовь? На жизнь, в которой я не смогу доставить тебе то удовольствие, которого ты заслуживаешь? Я просто не мог этого сделать. Мне невыносима одна мысль об этом.

Кэти отошла к окну и стояла там в молчании. Слезы струились по ее щекам.

– Нет, – наконец сказала она, поворачиваясь к Джошу. – Нет, ты ошибаешься, Джош Паркер. Ты чертовски ошибаешься.

Кэти залезла на кровать и оседлала его парализованное тело.

– Да, нам было хорошо в постели. О, дорогой, это было волшебно. Но кое о чем ты забыл, – она посмотрела ему в глаза. Ей нужно было, чтобы он

видел ее, чувствовал ее, слышал каждое ее слово. – Наша любовь намного глубже. Неужели ты этого не видишь? Неужели ты этого не знаешь? Ты должен об этом знать!

По красивому лицу Джоша потекли слезы, и Кэти смахнула их пальцем, потом переплела свои пальцы с его и лукаво улыбнулась.

– Ведь руки-то у тебя работают, верно?

Он кивнул, глядя на жену сквозь слезы.

– Ты и в самом деле хочешь быть со мной до конца моих дней? Ты действительно думаешь, что сможешь быть счастливой?

– Малыш, – Кэти нагнулась ниже, – я не смогу быть счастливой ни с кем, кроме тебя.

Она поцеловала его в губы, а потом угнездилась рядышком на кровати.

– Скажи мне, что ты не отказываешься от нашей любви.

Джош снова повернулся к ней.

– О, Кэти, – воскликнул он. – Прости меня. Я просто был так напуган...

– Тебе нечего больше бояться, – Кэти прижалась носом к его щеке. – Я здесь. Я никогда не уйду. Я всегда буду любить тебя. Даже если бы твое лицо было изуродовано, и даже если бы у тебя оказался синдром Туретта^[9] второй половины жизни и ты осыпал бы меня проклятиями каждые пять минут, – она покачала головой и ткнула пальцем ему в грудь. – Вот здесь находится то, что я люблю. Это ты, – Кэти вытерла слезинку со щеки. – И так будет всегда.

– Всегда, – повторил Джош, прижимаясь щекой к ее плечу. – Всегда.

* * *

Я зевнула и перевела взгляд на следующую строчку. Еще одна глава, и это странное путешествие будет закончено. Вернее, «закончено» – это не совсем правильное слово. Моя собственная история так и не получила завершения. Я подумала о Кэме, и мое сердце затрепетало. Я быстро взяла себя в руки. Он не был тем самым мужчиной. Если бы он им был, то у нас все бы получилось. Если бы он им был, то сидел бы сейчас рядом со мной.

Потом я подумала о Ло и улыбнулась про себя, прежде чем написать сначала «Людус», а ниже ее имя. О, эта игра любви. Если кто и умеет играть в нее и выигрывать, так это Ло. Но будет ли она когда-нибудь счастливой? Я подумала о ней и Гранте. Хотя в магазине я заметила по выражению ее глаз, что моя подруга в замешательстве, в эту минуту они

уже должны сидеть в самолете, направляющемся в Париж. Или они никуда не полетели? Я вернулась к книге и начала писать.

220, Боут-стрит, плавучий дом № 2

Ло открыла глаза еще до рассвета и сразу потянулась за телефоном. Она всегда поступала именно так, стоило ей только проснуться. Ло просмотрела список эсэмэс, пришедших за ночь и на рассвете от самых разных мужчин. Коннор, хирург. Джейк, сомелье. Райан, австралиец с зелеными глазами и щетиной на подбородке. Они знают, что она покинула рынок невест, но все-таки продолжают с ней общаться.

И еще была эсэмэс от Гранта. Этим утром они должны были лететь в Париж. Первый класс и шампанское в узких высоких бокалах.

Ло села в постели и посмотрела в иллюминатор. Озеро было серым и беспокойным, и она чувствовала, как ее плавучий дом слегка покачивается на волнах. Кажется, накануне вечером она что-то слышала по телевидению насчет сильного ветра в Рождество. Ло понимала, что пора бы ей встать, принять душ и собрать вещи для поездки. Уже скоро Грант заедет за ней. Но вместо этого она поудобнее устроилась в постели и положила голову на подушку. Ло задумалась о своей жизни и о мужчинах и вдруг поняла, что в ее жизни всегда присутствовали мужчины. Она никогда не была одна. Но почему? Что плохого в том, чтобы быть одной?

Ло надела халат и спустилась по трапу в гостиную. Она знала ответ, только боялась себе в этом признаться. Поэтому Ло сварила себе кофе, уселась на диван и принялась просматривать эсэмэс. Коннор хотел встретиться с ней завтра вечером. Джейк продолжал о ней думать, хотя прошло уже несколько месяцев после того, как они встретились последний раз. Грант сообщал, что заедет за ней через два часа. Сердце Ло сжалось.

Она поставила кофейную чашку на столик и взяла телефон. Пока она набирала номер Гранта, ее сердце билось все быстрее. Он разбил ей сердце. Он сломал ее. Впервые в жизни она была готова целиком и полностью отдаться мужчине, телом, разумом, душой и, самое главное, сердцем. А он увильнул. Грант не сказал ей честно о своих намерениях, о ситуации в его семье. Он продолжал роман с Ло и одновременно играл в семью с другой женщиной, не собираясь на самом деле ничего менять. После свадьбы Кэти его жена проверила записи в его телефоне и узнала о связи Гранта и Ло. Но он все-таки не ушел от нее, как не сформулировал и план или стратегию ухода. Вместо этого он сгладил все углы дома и умолял Ло еще немного

потерпеть.

Но она больше не хотела терпеть. Грант уже отнял у нее слишком много времени, он давал Ло обещания, которые ни за что не сдержит. Более того, ей теперь предстояло иметь дело с рассерженной женой Гранта. Утром она получила неприятное электронное письмо от Дженнифер, его жены. Ее слова ранили, но это была правда. Ло написала бы точно так же, если бы оказалась на месте Дженнифер.

Это необходимо прекратить.

– Привет, детка, – прозвучал голос Гранта после первого же гудка. – Готова лететь в Париж?

– Привет, – небрежно ответила Ло. – Мне жаль, Грант, но я не могу лететь.

– Что ты имеешь в виду? – опешил он. – Я не понимаю.

Ло глубоко вздохнула.

– Я много думала об этом, – начала она. – То, что было между нами, Грант, было настоящим, реальным чувством. Я всегда буду так думать. Но... это неправильно. Этого просто не должно было случиться.

Грант молчал. Ло знала, что удивила его.

– Этим утром я кое-что поняла, – продолжала она. – Я долгое время не хотела этого замечать в себе.

– Детка, о чем ты говоришь? – в голосе Гранта слышалась мольба.

Ло больше не хотела, чтобы он называл ее деткой. Вполне вероятно, что точно так же он называл и свою жену. Ей нравилось, когда это слово слетало с его губ, но теперь оно звучало дешево и безлично.

– Грант, все это время, когда я проводила время с тобой или, в прошлом, с другими мужчинами, я лишь хотела, чтобы заполнилась пустота внутри меня. Я думала, мужчины могут мне в этом помочь. Самое удивительное заключается в том, что я сама давно могла заполнить эту пустоту. Я просто об этом не знала.

– Я не понимаю, – повторил Грант. – Я что-то не то сказал? Или сделал? Ты хочешь, чтобы я ушел от жены? Из-за этого весь сыр-бор? Этим утром я сказал ей, что нам надо поговорить. Я сказал, что несчастлив и мы должны кое в чем разобраться. С этого я начал мой путь к тебе.

– Твой путь ко мне? – Ло рассмеялась. – Грант, если бы ты хотел прийти ко мне, ты был бы тут уже много месяцев.

Он промолчал.

– Послушай, – продолжала Ло со смехом. – Отправляйся в Париж. Познакомься с француженкой. Выпей вина. Съешь какое-нибудь сногшибательное блюдо. Гуляй всю ночь. А еще лучше, возьми с собой

твою жену.

– Но я хочу делать все это с тобой, – крикнул Грант.

– Я не могу, – отрезала Ло. – Больше не могу. Я не заслуживаю любви, настоящей любви, пока не научусь любить саму себя, – она нервно засмеялась. – Мне почти тридцать, а я никогда не была по-настоящему одна. В этом есть что-то ненормальное.

Ло надолго замолчала. Слезы жгли ей глаза.

– Прощай, Грант.

Она не стала ждать его ответа и нажала на кнопку отбоя.

После обеда подул сильный ветер. Вечером свет сначала мигал, потом совсем погас. Ло зажгла в своем плавучем доме свечи. Она сидела в полумраке и думала, не позвонить ли Райану, Джейку или даже Коннору. Она могла позвонить любому из них, и через час кто-то из этих мужчин уже стоял бы у ее двери с бутылкой вина и распростертыми объятиями, в которые Ло могла упасть. Они помогли бы ей скоротать время, помогли бы не чувствовать себя такой одинокой. Своеобразный пластырь для ее пустоты. Ло улыбнулась про себя и решительно покачала головой. Мужчины не могут заполнить пустоту в ее сердце. Только ей самой по силам это сделать.

Ло выключила телефон и положила его в ящик на кухне. Она нальет себе бокал вина, откроет ноутбук и начнет писать ту книгу, которую, по словам Джейн, ей давно следовало написать. Этим вечером она больше не будет одинока. Она не одна. У нее есть она сама.

Голос Нэта Кинга Коула звучал из радиоприемника. *Подари себе маленькое веселое Рождество.* Ло посмотрела на одинокую рождественскую елочку в углу комнаты, украсить которую у нее не нашлось времени. Коробка с украшениями из дома бабушки стояла под ней, и Ло опустилась рядом с ней на колени. Она открыла коробку, вынула и развернула украшение в форме звезды, которую помнила с детства, и коснулась пальцами слов, написанных бабушкой на самом краю: «Рождество 1984».

Ло встала и повесила одинокую звездочку на ветку перед собой.

Подари себе маленькое веселое Рождество.

Да. Так она и сделает.

* * *

Тот звонок прозвучал три дня спустя. Ло только вышла из душа, когда

услышала, как телефон заливается в кухне. В других обстоятельствах она бы не стала отвечать, дождалась, пока включится голосовая почта. Кто бы это ни был, он перезвонит позднее. Но в глубине души она гадала, не Грант ли это звонит из Парижа. Три дня от него не было никаких известий. И хотя Ло попрощалась с ним, любовь по-прежнему жила в ней. Возможно, она будет жить в ней вечно.

Ло завернулась в полотенце и побежала в кухню. С волос на деревянный пол капала вода.

– Алло?

– Ло?

– Да, это я.

– Ло, это Джон, лучший друг Гранта.

Ее сердце забилось быстрее. Она встречалась с Джоном всего лишь раз. Он был единственным человеком из жизни Гранта, с которым ее официально познакомили.

– Привет, Джон.

– Прости, что я вот так вываливаю на тебя эту новость, – его голос прерывался. – Но я уверен, что он бы хотел, чтобы ты узнала. Он бы хотел, чтобы я позвонил тебе.

Ло изо всех сил вцепилась в телефон.

– В чем дело? Что происходит?

– Ло, Грант умер.

– Он... что?

У нее перехватило дыхание, во рту пересохло.

– Мы только что узнали об этом. В Париже он пошел пообедать в ресторан и там умер. Грант был один. Это была аневризма. Ничего нельзя было сделать. Просто пришел его час.

– Нет! – крикнула Ло, падая на колени. – Нет...

– Мне очень жаль, – произнес Джон и надолго замолчал. – Я хотел, чтобы ты знала о похоронах. Служба состоится завтра днем в церкви Святого Луки. – Снова долгая пауза. – Ведь ты же знаешь, что Грант любил тебя, правда? Он очень сильно тебя любил. Я никогда в жизни не видел более влюбленного человека.

* * *

Ло вошла в церковь. Она была в черном платье и черных очках и незаметно проскользнула на последнюю скамью. Ло не хотела, чтобы ее

видели. Более того, она сознавала, что не заслужила того, чтобы ее видели. При жизни Гранта она оставалась в тени, в тени она останется и после его смерти. Для друзей и семьи Гранта она всего лишь краткий миг в его жизни. Для его жены она муха, которую бы та с удовольствием прихлопнула. Но для Ло Грант был мужчиной, который научил ее любить всем своим существом. Пусть их история случилась несвоевременно, оставила разочарование и страдания, пусть Ло сожалела о той боли, которую она причинила его жене, она не жалела о том, что любила Гранта. Ни минуты. Угрызения совести и сожаления – это разные вещи.

Пришел пианист, сел за инструмент, зазвучала траурная мелодия. Похоронная процессия двинулась к выходу из церкви. Первым по проходу прошел священник, потом Джон и три брата Гранта пронесли гроб. Ло заплакала. Она не могла больше сдерживать слезы и свое горе. В этом деревянном ящике лежал мужчина, которого она любила всем своим сердцем. Мужчина, которого она могла бы любить вечно.

Дженнифер следовала за гробом мужа. Она была очень красива в черном платье с длинными рукавами. Когда Дженнифер проходила мимо, из пальцев Ло выскользнул платок. Вдова Гранта остановилась, подняла его и повернулась к Ло. Их взгляды встретились.

Ло почувствовала приступ паники. Ей стало стыдно, она понимала неуместность своего появления на похоронах и подумала, что ей надо уйти отсюда. Не стоило ей приходить. Это не ее место. А ее присутствие только усугубляет боль. Но прежде чем Ло успела сделать хотя бы шаг, Дженнифер положила платок в карман пальто Ло и протянула ей руку.

Ло всхлипнула и пожала ее.

– Идем со мной, – спокойно сказала Дженнифер. Ее глаза были полны слез.

Изумленная Ло кивнула.

– Грант любил тебя, – шепнула Дженнифер. – Я видела это по его глазам в тот день на свадьбе.

– Я... Мне... – Ло попыталась шепотом извиниться. Она старалась подобрать слова, подходящие для такого момента.

– Он бы хотел, чтобы ты стояла рядом со мной, – сказала Дженнифер. – Он бы хотел, чтобы я простила и тебя, и его. И этот подарок я могу сегодня ему сделать.

Женщины вдвоем шли за гробом, обе с разбитыми сердцами, любящие мужчину, которого они больше никогда не увидят. И все же любовь Дженнифер к мужу оказалась сильнее гнева и обиды, нарушенных обещаний, разочарования, которые разрушили ее мир. В ее любви не было

гордыни или эгоизма. Ведь это была любовь.
Просто любовь.

Глава 27

Рождество

Мне следовало поторопиться. Уже наступила вторая половина дня, до заката оставалось совсем мало времени. Заканчивалось мое путешествие, подходил к концу очередной год моей жизни. Мне предстояло еще одно, самое серьезное дело.

Я поставила цветочную композицию для Мэри – квадратная ваза с бледно-зелеными цветами – на пассажирское сиденье своей машины и поехала в больницу.

Лифт остановился на пятом этаже, и я вошла в родильное отделение.

– Здравствуйте, – запыхавшись, поздоровалась я с постовой медсестрой. – Меня зовут Джейн Уильямс. Я должна присутствовать на родах моей подруги Мэри. Она меня ждет.

Медсестра надела очки и посмотрела на экран компьютера.

– Да, ваше имя есть в списке, – наконец сказала она. – Она в палате 523. Ребенок скоро появится на свет. Вы как раз вовремя.

Я поспешила по коридору, постучала в дверь палаты и заглянула внутрь.

– Мэри, это Джейн. Я пришла!

– Заходи, – раздался голос моей подруги. Я вошла и увидела, что у нее очередная схватка. Лука крепко держал ее за руку, сопереживая каждому ее крику, каждой потуге, каждому слову врача, стоявшего в изножье кровати.

– Еще разок тужимся, и вы встретитесь с вашей дочкой, – сказал доктор. Мэри напряглась, и спустя мгновение в палате раздался громкий крик новорожденной.

Я поставила цветы на столик у окна и наблюдала, как медсестра быстро искупала младенца, завернула его в одеяльце, потом передала его Луке, а уже тот с гордостью положил девочку на руки Мэри.

– Джейн, – просияла она, – подойди и познакомься с моей дочкой.

Я подошла к кровати с трясущимися руками и колотящимся сердцем.

– Она красавица, – сказала я, с трудом сглотнув.

– Посмотри, у нее такие же зеленые глаза, как у тебя. – Мэри смахнула слезинку. – Грейс. Я назову ее Грейс.

– Красивое имя, – согласилась я.

– Хочешь поддержать ее, Джейн?

– Да, – ответила я, не в силах сдержать слезы, покотившиеся по моим щекам, когда я взяла малышку на руки. Я легко коснулась ее щеки и почувствовала, как меня затопило необыкновенное тепло. Это была передача энергии от одной души к другой. Это произошло.

Дело было сделано.

Глава 28

19 января 2014 года

На цыпочках подкрался январь. В канун Нового года Джейн сидела перед телевизором вместе со своим золотистым ретривером Сэмом и смотрела, как опускается сверкающий шар в Нью-Йорке. Она думала о прошлом новогоднем празднике, когда она провела вечер в компании Кэма.

Кэм... Джейн попрощалась с ним навсегда, но все-таки не могла забыть слова Колетт о том, что она увидела между ними любовь. Джейн завершила свое путешествие, выполнила все то, что требовал от нее ее дар. И даже доктор Хеллер согласилась, что не было больше никакой необходимости в операции. Возможно, такой необходимости вообще не было, и, хотя томограммы ее мозга продолжали ставить врачей в тупик, доктор Хеллер согласилась с тем, что некоторые данные не поддаются медицинскому объяснению. Работа Джейн была выполнена, ее здоровье в порядке. Но в сердце жила пустота.

На Гавайях было замечательно, думала Джейн, когда самолет пошел на посадку в Сиэтле. Великолепное «убежище» для девушек: море солнца, песка и выпивки. Мэри решила взять с собой новорожденную дочку, и Грейс проявила себя с наилучшей стороны. Она тихонько спала на руках у Мэри, когда Джейн взглянула на них через проход. Кэти и Ло тоже спали в своих креслах рядом с Джейн. Черная шелковая повязка для глаз на лице Ло съехала в сторону. Кэти похрапывала. Она узнала о ситуации Мэри и Луки и смогла с Гавайев уладить иммиграционные проблемы итальянца, потянув за нужные ниточки в Сиэтле. Мэри была в восторге, ведь, судя по всему, скоро Лука должен был стать постоянным жителем Сиэтла и получить работу. Мэтью рассказал в своих архитектурных кругах о Луке, который только что основал свою строительную компанию, и его телефон разрывался от звонков.

Самолет начал снижаться, и Джейн задумалась о прошедшем годе, обо всех взлетах и падениях. Ее путешествие, успешно завершенное; передача дара малышке Грейс; воссоединение с отцом и встреча за поздним завтраком с ним и Флинном в первый день нового года. Но все равно оставалась огромная зияющая дыра. Любовь.

Она все еще думала об этом, когда они подошли к секции выдачи

багажа и ждали возле багажной ленты свои чемоданы. Забрав их, подруги направились к выходу. Кэти встречал свекор, бывший в это время в Сиэтле. Он приехал в аэропорт вместе с Джошем в новом фургоне, вполне подходящем для перевозки инвалидов. Дом, который Кэти собралась продать после исчезновения Джоша, переделали, оборудовав пандусом, ведущим к входной двери. Гостевая спальня на первом этаже теперь стала их с Джошем супружеской спальней. Кэти помахала им рукой и побежала к фургону. Ло отправилась на специальном автобусе на стоянку аэропорта, где она оставила свою машину. Через несколько минут подъехал Лука. Он принялся укладывать багаж Мэри в машину, пока она пристегивала Грейс к детской люльке.

А потом Джейн осталась одна. Она остановила такси. Воздух Сиэтла оказался ледяным, и она улыбнулась, ощутив крупинки гавайского песка между пальцами ног.

– Куда ехать, мисс? – спросил таксист.

– На Пайк-плейс, – ответила Джейн. – Я там живу.

Таксист кивнул и выехал на шоссе. Джейн снова вспомнила о Кэме и о том, как они расстались. Слезы жгли ей глаза, но она сдерживала их изо всех сил, чтобы они не потекли по щекам. У нее было полное право сердиться. Ведь Кэм предал ее.

Но Джейн любила его. О, как же она его любила! И до сих пор любит. Джейн чувствовала это в каждом ударе своего сердца. Она не могла забыть об этом, пока такси мчалось по автостраде к городу. Сумерки каждый день шептали ей об этом на ухо. Показался город. Ее Сиэтл. Силуэты зданий как будто говорили ей, что с ней все будет в порядке. Но так ли это?

Кэм где-то в городе. 19 января. Он уже должен был вернуться из своей поездки. Возможно, они даже пересеклись в аэропорту, но не заметили этого. Да какое это имеет значение? Джейн покачала головой. Все кончено.

Такси свернуло на Первую авеню, потом спустилось вниз с холма. Джейн чувствовала привычную тряску на булыжниках. Дом – ее любимый рынок на Пайк-плейс – приветствовал ее возвращение. Спустя несколько секунд показался многоквартирный дом, в котором она жила.

– Спасибо, – поблагодарила Джейн таксиста и отдала ему деньги, не забыв о чаевых.

Тот поблагодарил и завозился с радио. Через мгновение страстный голос Дасти Спрингфилд заполнил салон такси: «В твоих глазах любовь. Этот взгляд не может скрыть твое сердце». Джейн вспомнила, как они с Кэмом танцевали под эту песню на свадьбе Кэти и Джоша, как Кэм обнимал ее. Что он сказал в тот вечер? «Я хочу, чтобы ты всегда думала обо

мне, когда услышишь эту песню. Я хочу, чтобы ты ощущала мое присутствие».

И Джейн ощутила присутствие Кэма всем своим существом. Она остановилась у входа в дом. Мимо прошла молодая пара, державшаяся за руки.

Было уже почти семь часов, и Бернард вышел на улицу.

– Джейн! – воскликнул он, увидев ее. – Возвращаетесь из отпуска?

Она кивнула.

– Как раз вовремя! Скоро начнется снегопад.

– Снегопад?

Швейцар указал на небо.

– Вон они, снеговые облака.

– В самом деле. – Джейн вспомнила урок об облаках, который дал ей Бернард больше года назад. Она почувствовала, как на ее щеке растаяла снежинка.

– Но вы так и не сказали мне, что увидели в облаках в тот день, – улыбнулся Бернард. – Помните?

– Да, – сказала Джейн. – Честно говоря, та картинка до сих пор не дает мне покоя.

– И что же это было?

– Сердце, – негромко ответила она.

Бернард понимающе кивнул.

– Чего-то такого я и ожидал, – одобрительно сказал он. Он коснулся кончиками пальцев своей шляпы. – Доброй ночи, Джейн.

Джейн повернулась лицом к улице и в дальнем уголке ночного неба увидела луну. На нее надвигалась снеговая туча, но еще не успела закрыть диск полностью. Когда луна вынырнула из-за облака, Джейн поняла, что это полнолуние. Ее сердце забилось быстрее. Она вспомнила слова Колетт о втором шансе, о том, что любовь можно восстановить под снегопадом в ночь полнолуния.

На мгновение окружающий мир как будто замер. Чайки пролетали над головой, но их крылья едва шевелились. Пара на тротуаре замерла в бесконечном объятии. Даже снежинки словно повисли в воздухе. Движения Джейн тоже замедлились. Когда такси уже отъезжало от тротуара, она открыла рот, чтобы остановить его, но ее губы не шевелились. Слова застряли в горле. Но таксист каким-то образом заметил ее и остановил машину. Она села в такси и начала просматривать эсэмэс, среди которых было и сообщение Кэма, присланное на Гавайи. Он сообщал, что снял дом в Уоллингфорде после того, как срок аренды его городской квартиры истек.

Разумеется, Джейн ему не ответила, но теперь она уже жалела об этом.

– Мне нужно срочно увидеть одного человека, – задыхаясь, сказала она таксисту. – Вы можете отвезти меня в Уоллингфорд? Дом 4634, Денсмор-авеню. побыстрее, пожалуйста.

* * *

Тем временем в Уоллингфорде Кэм вышел из такси возле только что арендованного им дома, старого деревянного строения в стиле Крафтсман, максимальным образом отражавшего дух Сиэтла. Джейн этот дом понравился бы, Кэм был в этом уверен. В такси, в котором он ехал из аэропорта, звучала песня Дасти Спрингфилд «Взгляд любви». Образ Джейн все еще не отпускал его. И, возможно, он навсегда останется с ним.

Кэм вздохнул, расплатился с таксистом и надел ремешок сумки на плечо. Пока он был в Нью-Йорке, он каждую минуту думал о Джейн. Кэм почувствовал прикосновение снежинки к щеке и посмотрел на уличный фонарь.

Ветер подул сильнее, подхватил и закружил кучку осенних листьев и погнал их по улице. На старом клене у подъездной дорожки остался один лист. Он выдержал град, снег и ветер, упорно цепляясь за ветку. Сможет ли и их любовь пережить это испытание? Сможет ли она задержаться хотя бы еще на минуту?

Ледяной воздух коснулся лица Кэма. Дул холодный северный ветер. Где-то вдалеке залаяла собака. С крыльца соседнего дома слышался смех ребенка. Паренек-подросток проехал мимо на велосипеде, и листья похрустывали под его колесами. И тут Кэм увидел луну, большую, яркую, полную, смотревшую на него сверху сквозь просвет в облаках.

Кэм понял, что должен увидеть Джейн, ее зеленые глаза. В последний раз.

– Подождите, – крикнул он вслед отъезжавшему такси. – Стойте, – Кэм бросил сумку и замахал руками. Но таксист его не заметил. Он уехал прочь, не подозревая о той роли, которую он мог сыграть в этой истории любви. А в ней был драгоценен каждый момент.

Кэм посмотрел вниз. Снег пошел сильнее. Он поднял сумку и направился к своему дому, рухнул на тумбу у входа и стал смотреть перед собой сквозь падающий снег. И в этот момент свет фар пронзил снегопад, словно гигантские солнечные лучи.

* * *

Такси Джейн свернуло на Денсмор-авеню, и она рукавом пальто протерла запотевшее окно. Ее сердце билось где-то в горле. Каждый год, каждый день, каждая секунда ее жизни вела Джейн к этому моменту. Такси остановилось, Джейн потянулась к ручке дверцы. Ей казалось, что у нее вот-вот разорвется сердце. Было 19 января, и Джейн знала, что это был первый день оставшейся ей жизни. Она увидела Кэма, сидевшего рядом с домом. И в первый раз Джейн все видела ясно.

Эпилог

Рынок Пайк-плейс

Канун Рождества 2042 года

Кэм стоял рядом со мной в нашей спальне. Он великолепно выглядел в своем смокинге, даже для мужчины шестидесяти двух лет. Но я всегда знала, что он будет красиво стареть. Он прижался носом к ямке между моим плечом и шеей, отчего у меня до сих пор бегут по спине мурашки, даже после стольких лет совместной жизни.

– Тебе пора одеваться, – напомнил он. – Церемония начинается через час. Дети уже там.

Я поправила правую бретельку своей белой шелковой комбинации и посмотрела на свое отражение в большом зеркале. В прошлом году мне исполнилось пятьдесят семь лет. Вокруг глаз морщинки, а волосы потеряли блеск. Но я чувствую себя красивой, потому что я красива для Кэма.

– Кшш, – отмахнулась я от мужа. – Жених не должен видеть платье невесты до свадьбы. Это плохая примета.

Он с любовью взял меня за руку.

– Подумать только! Я никогда не собирался идти под венец, но ты не только заставила меня жениться на тебе. Я даже согласился снова дойти до алтаря. Либо ты настолько хороша, либо я по-настоящему люблю тебя.

Я улыбнулась.

– И то, и другое.

Кэм поцеловал меня в макушку и положил голову на мое плечо. Мы смотрели на наше отражение в зеркале.

– Любимая, я бы повторял свои клятвы каждый день недели, если бы только мог. Но одевайся же! Все ждут.

– Сейчас оденусь. А ты отправляйся в церковь. Обещаю, я буду там через полчаса. Я должна сначала кое-что сделать.

– Ладно, – согласился он. – Смотри только, не оставь меня у алтаря в одиночестве.

– Обещаю, – я подмигнула ему.

Когда за Кэмом закрылась дверь, я надела длинное белое шелковое

платье и оглядела себя с головы до ног. Потом перевела взгляд на фотографию моей семьи в рамке на столике у зеркала. У нас с Кэмом двое сыновей. Дарби врач-физиотерапевт, Лэндон адвокат. Я очень ими горжусь.

Я улыбнулась и достала из ящика справа от меня старинную книгу. Провела рукой по корешку и внимательно прочитала слова на обложке, как сделала это, когда впервые взяла ее в руки. Я подумала о женщине, какой была тогда: измученная, потерянная, неуверенная в себе. Но эта книга отправила меня в путешествие, которое открыло мне любовь. Я кивнула самой себе и достала поздравительную открытку «С днем рождения», которую купила на прошлой неделе вместе с нежно-розовым конвертом. Я взяла ручку и написала:

Дорогая Грейс!

С днем рождения! Я давняя подруга твоей мамы. Я знала тебя ребенком, пока твои родители не переехали в Калифорнию. Видишь ли, двадцать девять лет назад, когда ты появилась на свет, я была рядом. Я знаю, что ты, как и я когда-то, теряешься, когда дело касается любви. За год до моего тридцатилетия незнакомая женщина прислала мне поздравительную открытку. В этой открытке она написала обо мне кое-что, изменившее мою жизнь. То же самое я должна сделать для тебя. Грейс, у тебя есть дар, совершенно особенный и прекрасный дар. К открытке я прилагаю мою визитную карточку. Пожалуйста, позвони мне, когда ее получишь. Я о многом должна рассказать тебе. Мой рассказ навсегда изменит твою жизнь к лучшему, если тыверишь своему сердцу так, как поверила я. Тебе придется выбирать. Но, по-моему, любовь – это всегда наилучший выбор. И я призываю тебя проявить смелость. Когда ты будешь готова поговорить со мной, я отвечу на все твои вопросы. Нам многое необходимо обсудить.

Искренне твоя,

Джейн Уильямс

Я вложила мою визитную карточку в конверт и написала адрес университета в Италии, на родине ее приемного отца, где училась Грейс. Я нашла марки, чтобы их хватило на оплату такого далекого пути, и наклеила их на конверт. Была половина второго. Церемония начнется через полчаса. Мне как раз хватит времени, чтобы пройти три квартала до церкви.

Я накинула пальто и вышла на улицу. Пайк-плейс выглядела как всегда великолепно. Идя по вымощенным булыжниками улицам, я думала о своем путешествии и о тех людях, которых встретила по пути. Стоя голубей

копошилась на углу, где когда-то стоял газетный киоск. Я улыбнулась, вспомнив о Меле и Вивиан, упокой, Господи, их души. Пекарней «Мерриуэзер» теперь управляла Элла, дочка Элейн. Я все еще иногда захожу туда за круассанами с шоколадом, но не слишком часто. Флинн и его кот, Сезанн III, делят квартиру в квартале отсюда. Мой старший брат придет на церемонию. Кэти и Джош тоже там будут. У них только что родился первый внук.

Я зашла в «Цветочную леди». Моя помощница Алиса удивленно покачала головой.

– Что это вы здесь делаете? Разве вы не должны быть на свадьбе? На *вашей* свадьбе?

Я усмехнулась.

– Свадьба не начнется без невесты. И потом, я забыла забрать свой букет.

Я открыла холодильник за прилавком и достала его.

– Великолепная работа, Алиса.

– Спасибо, – ответила она. – У меня был прекрасный учитель.

Девушка поставила вазу с белыми нарциссами на стол и повернулась ко мне.

– Вы никогда не поверите, кто только что заходил в магазин.

– Кто, Брэд Питт?

– Нет, он слишком старый, – фыркнула Алиса. – Здесь была Ло Хемсуорт, автор бестселлеров, – девушка покачала головой. – Я до сих пор не могу поверить, что она работала с вами в этом магазине.

Я улыбнулась. Ло, которую я обязательно увижу на церемонии, написала четыре книги о любви и свиданиях, и их высоко оценили критики. Первая книга получила щедрую и в корне изменившую жизнь Ло поддержку Опри Уинфри.

– Она купила букет роз, – сказала Алиса.

– Ах, вот оно что, – я понимающе улыбнулась. Жизнь Ло изменилась в тот момент, когда она поняла, что ей не нужен мужчина, чтобы покупать ей цветы. Она сама могла их себе купить.

– Что ж, дорогая, я уйду на собственную свадьбу.

Алиса заулыбалась.

– Я проскользну на скамью в самом конце, как только все здесь закончу.

– Поторопись, – посоветовала я. – Я хочу, чтобы ты была с нами.

В одной руке я несла букет, в другой – розовый конверт. На углу следующего квартала я остановилась, сделала глубокий вдох и опустила

конверт с поздравительной открыткой в темную пропасть почтового ящика на Первой авеню.

Над моей головой что-то прокричала чайка, и я про себя улыбнулась. Началось путешествие другой женщины. Любовь во всех ее формах ждет теперь Грейс. Ее нужно только открыть, почувствовать и рассмотреть под всеми углами: отчаянную и красивую, радостную и печальную, преходящую и вечную – любовь. И множество ее оттенков. Любовь придет и к Грейс, если ей хватит смелости искать ее и в конце концов увидеть.

Конец

notes

Примечания

Наиболее известная систематизация типов любви принадлежит канадскому психологу и социологу Джону Алану Ли, который описал шесть типов любви и обозначил их греческими терминами. Эрос подразумевает чувство, основанное на физическом влечении при сильном чувственном, сексуальном напряжении. Людус – это разновидность чувства, которое напоминает флирт, без серьезных обязательств. Сторге – любовь, похожая на родительскую (нежность, понимание, любовь-опека). Прагма – уравновешенная и практическая любовь, любящий выбирает партнера, исходя из хорошо продуманных требований к нему. Мания – это бурное и всепоглощающее чувство, ассоциируется с безумием и смятением. Агапе полна альтруизма и обожания, терпелива, постоянна, сосредоточена на партнере. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

«Вот как это происходит».

3

Герой компьютерной игры.

«Взгляд любви».

Итальянские клетки, обычно овальной формы.

Напиток из взбитых яиц с сахаром, молоком, сливками, ромом, бурбоном и специями.

Ель Дугласа, или Псевдотсуга Мензиса, также Дугласова пихта, Псевдотсуга тиссолистная – вечнозеленое хвойное дерево. Происходит из западных областей Северной Америки, достигает высоты 100 м при толщине ствола до 4 м. Образует огромные леса по всему побережью Тихого океана от Британской Колумбии до Калифорнии, в Монтане, Колорадо, Техасе и Нью-Мексико.

8

Персонаж сериала.

Генетически обусловленное расстройство центральной нервной системы, которое проявляется в детском возрасте и характеризуется множественными моторными тиками и как минимум одним вокальным или механическим тиком.